

№ 1 (34)
2016

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
И.С. Ерёмина,
д-р пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент;
В.В. Кульгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Салтыков К.Г. Интерпретация юридической терминологии судом / 5

Ерёмина И.С. Терминологический анализ понятия «идеология экстремизма» / 10

Бойко В.Н. Доктринальное определение объема понятия «коррупция» / 16

Литвиненко А.И. Исторические особенности формирования правовой культуры южно-российского казачества / 20

Конституционное право. Муниципальное право

Лялякин Ю.А., Волженин В.В. Социально-политические факторы проявления экстремизма как угроза миграционной безопасности государства / 27

Сазин С.Т. Актуальные проблемы реализации права граждан на необходимую оборону / 31

Уголовный процесс

Николюк В.В., Виноградова В.А. Правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (уголовно-процессуальные аспекты) / 36

Веретенников Н.Н. Институт присяжных заседателей в условиях особых правовых режимов / 40

Чепик М.М. Влияние компромисса на качество и полноту предварительного расследования / 46

Алексеева В.В. Соотношение предварительного следствия и дознания как форм предварительного расследования / 51

Насонов А.А. О процессуальных возможностях лица, выдача которого запрашивается / 56

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: вопросы квалификации / 62

Никитенко И.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: вопросы теории и правоприменительной практики / 69

Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И.В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
С.В. Супрун,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 17.03.2016.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 19,76.
Тираж 300 экз. Заказ № 3.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2016

Каплунов В.Н., Кулыгин В.В. Актуальные проблемы экологической безопасности в Российской Федерации / **74**
Тулиглов М.А. Имплементация методологии синергетики в уголовное право (статья вторая) / **79**
Лунова А.В. Особенности субъективной стороны детоубийства и ее значение в процессе квалификации / **86**
Ильина М.Г. Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ (незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица) / **92**
Пастушенко А.А. Соотношение статьи 285.1 УК РФ с иными уголовно-правовыми нормами, устанавливающими ответственность за преступления против бюджетно-финансовой безопасности / **98**
Закаржевский Н.Н. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в следственных изоляторах / **104**

Административное право. Административный процесс

Дизер О.А. Деятельность полиции по противодействию бродяжничеству и попрошайничеству как разновидности антисоциального поведения / **109**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств / **116**

Мерецкий Н.Е., Ким С.С. Психологические методы воздействия при проверке показаний на месте в судебном заседании / **122**

Корзун В.А. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых при получении средств материнского капитала / **128**

Жигалов Н.Ю., Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А. Способы формирования подписи оригинальной конструкции российскими гражданами / **133**

Митьков В.Н. Проблемы организации взаимодействия подразделений уголовного розыска и Федеральной миграционной службы в процессе оперативно-розыскного противодействия преступности иностранных граждан / **142**

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право

Либанова С.Э., Мородумов Р.Н. Уникальная значимость категории «добросовестность» в гражданском праве / **147**

Батюк М.С. Контрольное правомочие в гражданском праве / **151**

Гражданский процесс. Арбитражный процесс

Турчина О.В. Третьи лица в гражданском процессе / **157**

Финансовое право. Налоговое право

Древаль Л.Н., Богуславская Н.А. О статусе крупнейших налогоплательщиков / **162**

Информация для авторов / 170

№ 1 (34)
2016

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

M.A. Tuliglovich,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

Deputy Editor-in-Chief

A. N. Deryuga,
Doctor of Law, associate professor

Executive Secretary

A.A. Osadchy

Editorial staff:

E.U. Antonova,
Doctor of Law, associate professor;

I.M. Antonov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

D.A. Barinov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

A.S. Bakhta,
Doctor of Law, professor
(Moscow);

V.N. Boiko,
Doctor of Law, professor;
N.N. Deryuga,

Doctor of Law, professor;
L.N. Dreval,

Doctor of Law, professor;
N.N. Egorov,

Doctor of Law, professor
(Moscow);

I.S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

V.V. Kuligin,
Doctor of Law, professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Saltykov K.G. Interpretation of legal terminology by the court / 5

Eremina I.S. Terminological analysis of the concept of «ideology of extremism» / 10

Boyko V.N. The doctrinal definition of the scope of the concept of «corruption» / 16

Litvinenko A.I. Historical features of formation the legal culture of south-russian cossacks / 20

Constitutional law. Municipal law

Lyalyakin Y.A., Volzhenin V.V. Socio-political factors extremism migration as a threat to the security of the state / 27

Sazin S.T. Actual problems of realization of the citizens' right to self-defense / 31

Criminal procedure

Nikoliuk V.V., Vinogradova V.A. The legal position of the plenum of the supreme court on the application of conditional early release from punishment (criminal procedural aspects) / 36

Veretennikov N.N. The jury in the terms special legal regimes / 40

Chepik M.M. The effect of compromise on the quality and completeness of the preliminary investigation / 46

Alexeeva V.V. The ratio of the preliminary investigation and inquiry as a form of pre-trial investigation / 51

Nasonov A.A. About remedial possibilities of the person which delivery is requested / 56

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E.Y. Criminal liability for the illegal production and trafficking of the most valuable wild animals and aquatic biological resources: issues of qualification / 62

Nikitenko I.V. Criminal liability for evasion of customs duties: questions theory and practice / 69

Kaplunov V.N., Kulygin V.V. Actual problems of ecological safety in the Russian Federation / 74

Tuliglovich M.A. Implementation of methodology of synergetics in criminal law (*the second article*) / 79

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, professor;
I.V. Nikitenko,
Doctor of Law, associate professor;
S.V. Suprun,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;
S.U. Udartsev,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor
(Krasnodar);
N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, professor
(Vladivostok)

Managing editor
E.U. Kolobanova
Proofreader
N.B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 17.03.2016.
Format 60x84 1/8. Size 19,76 printer sheets. Circulation 300 copies. Order № 3.
Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. Editorial office. Printing House.
15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 2016

Luneva A.V. Features of the subjective side of child homicide and its importance in the process of qualification / **86**

Ilina M.G. A direct object of the crime provided by article 173¹ of the criminal code (illegal formation (creation, reorganization) legal entity / **92**

Pastushenko A.A. The ratio of article 285.1 of the criminal code of the Russian Federation with other criminal legal norms establishing responsibility for crimes against financial security / **98**

Zakarzhovsky N.N. Socio-legal characteristics of convicts serving deprivation of liberty in detention centers / **104**

Administrative law. Administrative procedure

Dizer O.A. Policing anti-vagrancy and begging as a kind of anti-social behavior / **109**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Egorov N.N. Criminalistics aspects of collecting evidence / **116**

Meretskiy N.E., Kim S.S. Psychological methods of influence at verification of indications on the place in trial / **122**

Korzun V.A. The some elements of criminalistic characteristics of frauds, committed when receiving means of the maternity capital / **128**

Zhigalov N.Y., Koshmanov P.M., Koshmanov M.P., Vilkova N.A. Methods of forming the signature of an original design by Russian citizens / **133**

Mitkov V.N. Problems of the organization of interaction of criminal investigation divisions and the federal migration servict in the course of operational-search counteraction to common crime, committed by foreign nationals / **142**

Civil law. Business law. Family law

Libanova S.E., Morodumov R.N. The unique value of the category of «faith» in civil law / **147**

Batyuk M.S. Control power in civil law / **151**

Civil procedure. Adjudicatory proceeding

Turchina O.V. Involvement of third parties in civil proceedings / **157**

Financial law. Tax law

Dreval L.N., Boguslavskaya N.A. On the status of the largest taxpayers / **162**

Information for authors / 170

УДК 340.142

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СУДОМ

Константин Геннадьевич Салтыков, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: terminpravo@mail.ru

В статье анализируется проблема оценки содержания тех или иных правовых терминов судами, приводятся примеры неблагоприятных правовых последствий уклонения судов от интерпретации правовых понятий при разрешении дел, а также примеры влияния смыслового значения термина на решение по делу.

Ключевые слова: анализ смысла текста; значение правовых понятий; оценка содержания терминологии судом; юридический термин; интерпретация.

INTERPRETATION OF LEGAL TERMINOLOGY BY THE COURT

Konstantin Gennadyevich Saltykov, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article analyzes the problem of evaluation of the content of legal terms by the courts, and provides examples of adverse legal consequences of avoidance of the courts on the interpretation of legal concepts in the resolution of cases and examples of the impact of the semantic meaning of the decision on the case.

Keywords: analysis of meaning of the text; the meaning of legal concepts; content assessment terminology by the court; a legal term; interpretation.

Анализ понятийного аппарата, отражающего сущность правоотношений, позволяет отметить, что четкость и ясность правовых предписаний, которые могут быть достигнуты только при адекватном понимании и обоснованном использовании юридической терминологии, являются важнейшими условиями эффективной реализации государством законодательной и правовой политики. Правоприменителю необходима определенность правовых норм, предполагающая их достаточную точность и обеспечивающая их правильное понимание и применение [13].

Необходимо отметить, что строгая терминологическая определенность всегда была основой правоотношений на самом высоком уровне – межгосударственном. В этом аспекте показательна Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Мальты об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы (заключена в г. Москве 24 апреля 2013 г.) [5], в ч. 2 ст. 3 которой отмечается, что «при применении настоящей Конвенции в любое время Договаривающимся Государством любой термин, не определенный в ней, имеет то значение (если из контекста не вытекает иное), которое придается ему на данный момент законодательством этого Государства в отношении налогов, к которым применяется настоящая Конвенция, причем толкование, которое прида-

ется термину налоговым законодательством этого Государства, будет превалировать над толкованием, придаваемым другими законами этого Государства».

Такое скрупулезное отношение к юридической терминологии прослеживается и в других международно-правовых документах. Например, в разделе III Решения Комиссии Таможенного союза от 28 января 2011 г. № 525, посвященного методологии ведения таможенной статистики, указано: «Стоимость товара, экспортируемого развивающейся или наименее развитой страной, на которую распространяется тарифный преференциальный режим, определяется на базе цены франко завода-изготовителя товара согласно международным правилам толкования торговых терминов «Инкотермс», применяемым для таможенных целей государствами Сторон» [8].

Не менее актуальны вопросы толкования терминологии в рамках административной деятельности структур Европейского союза, связанной с регулированием экономических взаимоотношений с ведущими мировыми державами*.

В рамках национального законодательства России в настоящее время также существует потребность в толковании юридической терминологии (в том числе на уровне Основного закона). Это связано с тем, что Конституция РФ, провозгласившая человека высшей ценностью, оказывает влияние не только на структуру, но и на содержание многих нормативных правовых актов, вводя в законодательное пространство новые термины и понятия. Например, в области защиты жизни и здоровья человека конституционное закрепление получил термин «ущерб, причиненный здоровью» (ст. 42 Конституции РФ). Однако, как отмечается в научной литературе, отсутствие его аутентичного толкования создало существенные проблемы не только для теории судопроизводства, но и, что наиболее важно, для правоприменительной практики при квалификации насильственных преступлений против человека [3, с. 19-22; 4, с. 29-30; 16]. В другом случае конституционная норма о свободе труда вот уже несколько лет не имеет однозначного понимания. На основе доктринального толкования свободы труда, соотношения терминов «свобода труда» и «право на труд», толкования конституционных положений о трудовых правах граждан РФ, сравнения свободы труда с другими свободами, гарантированными Конституцией РФ, и обоснования условий фактического существования данной свободы предлагаются различные варианты содержания термина «свобода труда» [23, с. 24-26].

Не следует забывать, что в трудах российских правоведов С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, М.И. Байтина, А.С. Пиголкина, Е.В. Сырых, внесших значительный вклад в изучение свойств, которыми должны обладать нормы позитивного права, чаще всего указываются такие их признаки, как нормативность, общеобязательность, представительного-обязывающий характер, полнота и конкретность нормативно-правового регулирования, логическая непротиворечивость нормативных положений закона, эффективность, соответствие норм закономерностям и потребностям общественного развития и т.д. Объектом пристального внимания ученых оставались и остаются ясность и доступность языка закона, формальная определенность и точность его терминов и формулировок [1; 2; 7; 12; 21].

Однако максимально возможная степень исключения тех или иных терминов с множественностью или неопределенностью значения («добросовестность», «уважительный», «ненадлежащий»), способствующих излишнему пересечению и наслоению смысла в словоупотреблении, в работе отечественного законодателя не достигнута. Многие термины в юридической науке интерпретируются неоднозначно [14, с. 190-197]. Сопоставление общепринятого и юридического значения некоторых единиц юридического язы-

* Толкование терминов «основная часть» и «отечественная промышленность» п. 4.1 ст. 4 Антидемпингового соглашения в деле ЕС – Соединительные детали (Китай) (Appellate Body Report, European Communities – Definitive Anti-Dumping Measures on Certain Iron or Steel Fasteners from China, WT/DS397/AB/R, adopted 28 July 2011).

ка позволяет утверждать, что они взаимосвязаны, но не тождественны. Это порождает некоторые объективные проблемы в развитии научно-юридического знания, связанные с понятийно-терминологическими затруднениями в определении предмета научного познания. Нередко значительная часть понятий и обозначающих их терминов, через которые описывается предмет исследования, являются либо неопределенными, т.е. не имеющими точного определения, либо неоднозначными, т.е. употребляющимися в различных, не всегда разводимых значениях.

В свое время К.Г. Юнг в отношении психологии заметил: «Употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье» [24]. То же в полной мере относится и к юриспруденции, для которой уточнение и формирование научного языка до сих пор продолжает оставаться актуальным, а та «невразумительность», которая имеет место даже в современных научных текстах и речах, есть, действительно, несчастье.

Возникающая при вынесении судебных решений необходимость описания характера вещей, обязательств, юридических фактов предполагает использование таких терминологических единиц, которые бы максимально точно отражали особенности правовой действительности. Это обстоятельство обуславливает необходимость решения судом задач, связанных с исследованием семантики юридических терминов, из которых конструируется судебный акт.

Так, Федеральный арбитражный суд Поволжского округа, определяя правовую природу рыбопромыслового участка, указал что «рыбопромысловый участок не является имуществом в том значении, которое данный термин содержит в статье 128 ГК РФ» [16]. Таким образом, суд исключает рыбопромысловый участок из множества, обозначаемого понятием «имущество» в его классическом гражданско-правовом понимании и наделяет термин «рыбопромысловый участок» особым смыслом.

Потребность в исследовании содержания терминов, представленных в законах и подзаконных актах, возникает не только в связи с необходимостью соотнесения их друг с другом, выявления их функций и оценки уместности их применения. Нередко судебные органы указывают на исключительно важное значение терминологических референтов правовых понятий, помогающих правоприменителю выявить особенности возникающих правоотношений и верно классифицировать их.

Такая позиция судов является довольно распространенной. Например, Саратовский областной суд, оценивая особенности предоставления коммунальных услуг гражданам, прежде всего опирался на результаты анализа дефиниции термина «коммунальные услуги», содержащегося в Правилах предоставления коммунальных услуг гражданам, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 307 [11].

Обозначая круг общественных отношений, на которые распространяется действие законодательства о защите прав потребителей, Верховный суд Республики Мордовия указал на то, что «исходя из преамбулы Закона РФ «О защите прав потребителей», содержащей определение понятий «потребитель», «продавец», «исполнитель», следует, что отношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей, могут возникать из возмездных гражданско-правовых договоров на приобретение товаров, выполнение работ, оказание услуг, в частности из договоров купли-продажи, в том числе розничной купли-продажи, продажи недвижимости, и других договоров, направленных на удовлетворение личных (бытовых) нужд граждан, не связанных с извлечением прибыли» [9].

Возможны ситуации, когда суды уклоняются от непосредственной интерпретации значения юридических терминов, возлагая обязанности по решению этой задачи на участников судебного процесса. Неисполнение одной из сторон данной обязанности влечет для нее неблагоприятные процессуальные последствия. Одним из таких последствий может стать отклонение судом вопроса, предложенного на разрешение эксперту

заявителями. В качестве иллюстрации такой позиции суда можно привести решение Арбитражного суда Хабаровского края, при постановке которого суд отклонил один из вопросов, предложенных на разрешение эксперту заявителями, «в связи с тем, что заявители не разъяснили значение термина «соответствующее надлежащее экономическое обоснование» [19].

Однако в большинстве случаев суды в своей деятельности активно оценивают те или иные терминологические единицы, что в полной мере соответствует Концепции Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в которой предлагается судить о степени востребованности специальной терминологии по опыту ее применения [6]. При такой оценке использование термина также рассматривается относительно его влияния на процесс реализации сторонами их прав и исполнения обязанностей, возможности использования термина в договорной работе, при формулировании судебных документов и т.д.

Так, Санкт-Петербургский городской суд, рассматривая вопрос об отнесении «текущего ремонта» к вопросам местного значения и возложении на органы местного самоуправления обязанностей по его проведению, пришел к выводу о необходимости разграничения понятий «капитальный ремонт» и «текущий ремонт». Суд указывает: «Неопределенность термина «текущий ремонт» приводит к нарушению прав, в том числе заявителя, на надлежащие условия придомовой территории, пешеходных дорожек и т.д.» [20].

Оценивая решения нижестоящих судов, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа столкнулся с ситуацией, при которой, в случае удовлетворения иска о понуждении к заключению договора, некоторые его пункты должны быть изложены в редакции, содержащей дефиниции тех или иных терминов, необходимых для однозначного понимания сторонами смысла положений договора [15].

Проводя анализ состоявшихся по одному из дел решений, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа прямо обращает внимание на то, что «судами значение терминов, примененных сторонами в договоре ..., подлежащее применению при разрешении спора по данному делу, не выяснено» [17].

Нередко верное определение смысла целой фразы зависит от понимания судом значения юридического термина. В таких случаях суд, последовательно определяя одно понятие за другим, анализирует как значение отдельных терминов, так и содержание текста в целом.

На данный подход к анализу смысла словесных конструкций, например, обратил внимание Арбитражный суд Ивановской области, который в одном из своих решений указывает: «В оспариваемой словесной конструкции утверждается не просто о причастности А.И. З. к неким структурам, а о его прямом влиянии на эти структуры. Этот вывод истец делает из смыслового значения термина «аффилированный», определяемого специалистами в словарях и справочниках, а также законодателем как «лицо, способное оказывать прямое влияние на деятельность хозяйственного общества». Во второй словесной конструкции «позволила усугубить и без того тяжелое финансовое состояние предприятия» утверждается, что финансовое состояние предприятия было ухудшено. Таким образом, проведенный анализ смысла оспариваемой фразы с помощью специальных словарей и норм права позволяет, по мнению истца, утверждать, что ответчиками опубликованы сведения о том, что именно истец, к которому аффилированы некие структуры, усугубил (ухудшил) и без того тяжелое финансовое состояние предприятия...» [18].

Анализ деятельности судебных органов, в той или иной степени затрагивающей вопросы использования и эвальвации специальной лексики, позволяет выделить среди существующих форм интерпретации юридической терминологии судом такие, как:

- использование и оценка дефиниций юридических терминов при классификации правоотношений;

- терминологическая оценка представляемых сторонами судебного разбирательства материалов;
- терминологическая оценка ходатайств и заявлений участников процесса;
- оценка смысловой определенности терминов;
- терминологическая оценка судебных решений при проверке их законности и обоснованности;
- выявление смысла словесных конструкций путем анализа включенных в них юридических терминов.

Следует заметить, что судебной оценке могут быть подвержены не только имеющиеся в нормативных актах и различных правоприменительных документах определения понятий, но и обстоятельства, связанные с отсутствием необходимых определений.

В «Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 г.» содержится указание на следующее обстоятельство: «Официального определения понятия одинокой матери, равно как и лица, воспитывающего ребенка без матери, не содержится ни в Трудовом кодексе Российской Федерации, ни в иных федеральных законах. Вместе с тем при предшествовавшем регулировании в области социальной защиты материнства и детства общепризнанным считалось понятие одинокой матери как не состоящей в браке, если в свидетельствах о рождении детей запись об отце ребенка отсутствует или эта запись произведена в установленном порядке по указанию матери (при сохранении права на получение установленных выплат в случае вступления одинокой матери в брак)» [10].

Позиция суда, связанная с преодолением сложностей, вызванных отсутствием необходимых определений, приобретает в данном случае характер ретроспективной судебной эвальвации, что позволяет говорить о разнообразии форм и особенностей указанной деятельности суда.

Постановка и изучение проблем, связанных с интерпретацией юридической терминологии судом, способствует всестороннему описанию и представлению логико-лингвистических и модельно-репрезентативных составляющих правовой науки. Выделение в общем объеме судебной работы деятельности, связанной с интерпретацией юридических терминов, ее форм и особенностей, позволит, по нашему мнению, обогатить систему научного знания и более эффективно исследовать его предметную область. Это особенно важно сегодня, когда в современной общественной жизни России проблемы модернизации национального законодательства переводятся из области теоретических рассуждений в практическую плоскость, затрагивая при этом все стороны человеческого существования.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982.
2. Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978.
3. Бедрин Л.М. О содержании и трактовке понятий «здоровье», «вред здоровью» и критериев степени их тяжести // Судмедэксперт. 1996. № 3.
4. Галюкова М.И. Пути совершенствования правоприменительной практики по делам о преступлениях против здоровья человека // Социальное и пенсионное право. 2010. № 1.
5. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Мальты // Бюллетень международных договоров. 2014. № 10.
6. Концепция Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Раздел 50.2.: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Нормы советского права / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.
8. О Единой методологии ведения таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза: решение комиссии Таможенно-

го союза от 28 января 2011 г. № 525 (в ред. от 19.03.2013). Доступ из СПС «Консультант Плюс».

9. Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по гражданским делам (2-е полугодие 2010 г.) // Бюллетень Верховного суда Республики Мордовия. 2011. № 20.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

11. Обзор судебной практики рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части по Саратовской области за 7 месяцев 2009 г. URL: <http://oblsud.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 03.10.2015).

12. Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1995.

13. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

14. Попондопуло В.Ф. Правовое регулирование предпринимательства. СПб.: ТЕИС, 1994.

15. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 4 мая 2008 г. № Ф03-А51/08-1/1323. Доступ из СПС «Гарант»

16. Постановление ФАС Поволжского округа от 7 апреля 2011 г. по делу № А65-3819/2010. Доступ из СПС «Гарант».

17. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 8 сентября 2009 г. № А21-8021/2008. Доступ из СПС «Гарант».

18. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 27 февраля 2008 г. № А17-6476/2007. Доступ из СПС «Гарант».

19. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 10 марта 2009 г. № А73-13877/2008. Доступ из СПС «Гарант».

20. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 20 октября 2010 г. № 3-288/10. URL: <http://www.sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru> (дата обращения: 03.10.2015).

21. Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

22. Трофимова Г.А. Право на труд и свобода труда: проблемы соотношения // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 2.

23. Филатова О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010.

24. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994.

УДК 340.113

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИДЕОЛОГИЯ ЭКСТРЕМИЗМА»

Инна Станиславовна Ерёмкина, заместитель начальника кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: i.eremina27@mail.ru

В статье раскрывается специфика идеологии экстремизма как прямой угрозы конституционному строю. Проведен терминологический анализ идейных основ и мотивации экстремистской деятельности. Выделены базовые характеристики идеологии экстремистской деятельности, которые способствуют прогнозированию ее проявлений и организации согласованных действий по борьбе с ней. Предложены критерии разграничения идеологии экстремизма от других идеологий антигуманистической направленности.

Ключевые слова: идеология; экстремизм; идеология экстремистской деятельности.

TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «IDEOLOGY OF EXTREMISM»

Inna Stanislavovna Eremina, deputy head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Pedagogy, *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In the article the features of the ideology of extremism as a direct threat to the constitutional order. Carried out terminological analysis of the ideological foundations and motivations of extremist activity. Selected basic characteristics of the ideology of extremist activities, which contribute to the prediction of its manifestations and concerted action to combat it. Proposed criteria for distinguishing between the ideology of extremism from other ideologies anti-humanistic orientation.

Keywords: ideology; extremism; the ideology of extremist activity.

В последние десятилетия действия экстремистского характера наблюдаются во всех сферах общественной жизни. Особенно тревожно, что их активными участниками и исполнителями становится молодежь в возрастной категории от 17 до 30 лет. Такие термины, как «терроризм» и «экстремизм», постоянно встречаются на страницах печати. Представители государственной власти, общественных движений, средств массовой коммуникации, правозащитные организации уделяют повышенное внимание проблеме высокого всплеска экстремистской деятельности в современном мире.

Исследованию экстремизма уделяется особое внимание в юриспруденции, поскольку он является прямой угрозой конституционному строю. Поэтому противодействие экстремизму определено как ведущее направление государственной правоохранительной деятельности, в том числе и органов внутренних дел.

Знание сущности экстремизма, анализ его идейных основ и мотивации экстремистской деятельности выявляют возможности для прогнозирования его проявлений, организации согласованных действий по борьбе с ним.

Терминологический анализ понятия «идеология экстремизма» следует начать с раскрытия самого понятия «идеология».

Впервые понятие «идеология» было введено в научный оборот французским ученым XVIII в. А. Дестютом де Траси, который вместе с Этьеном де Кондильяком стремился разработать учение об основах человеческих знаний и общих принципах формирования идей. Являясь сторонником сенсуалистической гносеологии Дж. Локка, де Траси вводит термин «идеология» для названия науки об идеях, толкуемой им как теории об общих закономерностях возникновения представлений из содержания чувственного опыта [9, с. 167]. Данная концепция должна была выступить основным принципом для руководства как в жизни общества, так и в науке. Поэтому де Траси считал, что идеология содержит в себе систему знаний первооснов морали, политики, права.

Этьен де Кондильяк и Дестют де Траси пытались повлиять на проводимую Наполеоном политику. Однако великий исторический деятель отрицательно оценил выдвинутые ими положения, считая, что предложенные абстрактные утверждения заменяют политическую реальность. Вследствие этого термин «идеология» приобрел уничижительный смысл и оказался на некоторое время забытым.

Второе рождение понятие «идеология» получило благодаря К. Марксу. По его мнению, идеология – это надстройка, зависящая от базиса (способа материального производства и структур классов). Она выражает специфические интересы определенного класса, выдаваемые за интересы всего общества [9, с. 168]. Впоследствии понятие идеологии стало одним из центральных в марксистском учении.

Существует достаточно большое количество определений идеологии, которые различаются пониманием обозначаемого явления. Так, по мнению К. Мангейма, идео-

логия представляет собой пристрастное отображение окружающей действительности, демонстрирующее интересы конкретных классов (групп), у которых находится власть, и которые стремятся удержать действующий режим [7, с. 87].

Интересна для нашего исследования позиция французского философа Ролана Барта, который утверждал, что идеология – современное выражение мифа, конкретизирующая целостность, объясняющая объектам сложные значения и обращающая их в собственность всего общества [2, с. 46].

Идеология по Эриху Фромму является готовым «мыслительным товаром», который распространяет пресса, ораторы, идеологи для того, чтобы управлять народом [10, с. 234-235].

Доктор политических наук Мете Каан Кайнар считает, что идеология выражает совокупность идей, оценок и ритуалов, формируемых идеологами с тем, чтобы граждане думали, говорили, верили и действовали в соответствии с ними [1, с. 47].

Из вышеперечисленных определений следует, что по своей сути идеология ставит своей целью манипуляцию сознанием и представляет собой совокупность того, во что людей заставляют верить.

Таким образом, благодаря трудам многих социологов и философов была обоснована важность идеологии для совершенствования политических, социальных и экономических сфер общества.

В настоящее время учение об идеологии – это не просто совокупность концептуальных взглядов и идей, а реально существующая организованная система ценностей и регулятивов поведения и мировоззрения, определяющая направления развития общества.

Если проанализировать смысл современных подходов к понятию «идеология», то можно выделить следующие ее базовые характеристики:

- набор идей с определенным «содержанием», как правило, нормативным;
- форма внутренней логической структуры, свойственной идеям в наборе;
- должна властвовать над познавательной способностью;
- должна быть способна руководить оценочными суждениями;
- должна служить инструкцией к действиям;
- должна быть логически последовательна;
- теоретическое обобщение исходных чувственных представлений;
- наиболее существенный компонент имеющихся в наличии знаний [8, с. 153].

Сущность идеологии заключается в отражении объективной реальности с точки зрения определенной социальной общности, в проявлении базисных стремлений определенной части социума (т.е. это социальное самосознание определенного класса, нации, этноса или отдельной личности; это способ восприятия и объяснения окружающего мира, отражения их требований на социальные блага, статусы и роли).

Следовательно, по своей форме идеология представляет собой систему ценностных ориентаций по отношению к объективной действительности. В содержание этой системы входят: суждения и понимание; общепринятые убеждения относительно целей; восприятие существующих ценностей; социальные нормы, соответствующие требованиям и запросам определенной группы (класса) людей.

Проанализировав сущность идеологии, можно с уверенностью утверждать, что идеологии не исчезнут до тех пор, пока существует социальная среда и пока личность будет испытывать потребность в самовыражении, а общественные представления будут перерождаться в политические действия.

Немаловажным для настоящего исследования является вопрос «структуры идеологии», которая, как правило, состоит из следующих уровней:

- теоретико-концептуальный: формирование и обоснование теорий, ценностей, идеалов, на которых основывается общественное устройство;
- программно-директивный: на основе выбранных социально-философских принципов и идеалов создается конкретная программа;

- поведенческий: продвижение в сознание личности или социума конкретных идейных установок в виде требований программ и лозунгов, что способствует определенному типу поведения [8, с. 341].

Структура любой идеологии состоит из двух основных частей:

- позитивная: определяет существующие идеальные представления группы (класса) об окружающем мире и о месте индивида в социуме;

- критическая: оценивает действительную реальность и определяет место в ней индивида на основе своих социальных представлений и интересов [8, с. 348].

В своей позитивной части идеология раскрывает понимание правильного социального устройства, идеального человека и содержит кодекс правильного поведения.

Критическая часть идеологии охватывает понимание окружающей действительности с позиции социальных представлений определенной группы (класса) и конкретный алгоритм действий, который призван уменьшить различие между эталоном и реальностью.

Когда, усвоив и приняв определенную идеологию за истину, человек олицетворяет себя с конкретной группой (классом), тогда можно говорить о формировании убеждений как ядра направленности личности. Убеждения как внутренняя побудительная сила становятся главными мотивами в поведении личности, характеризуют его самосознание, мышление и мировосприятие, чувственные порывы.

Однако не всегда между убеждениями человека и его поведением существует прочная связь. Это возникает в случае, если убеждения отсутствуют или они непрочны. Если определенная идеология не является доминирующей основой жизнедеятельности личности и отсутствует потребность воплотить ее в своем поведении, то можно считать, что убеждения непрочны. Деадаптированность познаний индивида и его интересов, целей и потребностей превращается в дефект сферы убеждений, что является показателем наличия у него своего рода «двойной морали». Из этого следует, что истинные убеждения принципиально отличаются от тех, которые он декларирует и показывает окружающим.

Из этого можно заключить, что в идеологию входят:

1) определенные представления конкретной группы людей (класса, этноса) о фактической социальной действительности и своем месте в ней;

2) оценка окружающей действительности и своего места в ней на основе своих или групповых интересов;

3) конкретный социальный идеал, который выражает модель социальной целостности, способствующий воплощению наиболее важных общественных притязаний указанной группы (класса, этноса);

4) алгоритм поведения по воплощению в жизнь выбранного идеала;

5) система норм общественно-политической деятельности и соответствующих поведенческих установок.

Таким образом, возникает вопрос: на каком уровне из вышеперечисленных элементов идеологии необходимо разграничить экстремистскую идеологию от неэкстремистских ее проявлений?

По мнению многих исследователей, стержневой основой идеологии экстремизма являются ее теоретико-ценностные элементы, а именно:

1) идея исключительной истинности именно данной идеологии, «комплекс абсолютной истинности»;

2) идея агрессивной нетерпимости по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;

3) деление человечества на две большие группы: своих и чужих, на друзей и врагов (неважно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию);

4) критическая оценка существующей социальной реальности, противопоставление идеала и наличной социальной реальности, осознаваемое и выражаемое в форме резкого конфликта между истинным идеалом и ложной реальностью;

5) установка на немедленную практическую деятельность по исправлению мира и людей (программа немедленного и решительного преобразования существующей социальной реальности);

6) преобладание деструктивных задач по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;

7) фантастический социальный идеал (который практически не может быть реализован, а если будет осуществлена попытка его реализовать, это приведет к серьезной деформации общества);

8) иллюзорный, практически невыполнимый, слишком суровый и извращенный кодекс личного поведения, требующий от человека каких-то экстраординарных, чрезвычайных поступков и жертв;

9) авторитарное обоснование идеала (от лица сверхчеловека, вождя, пророка, Бога или от других мистических сил);

10) упрощенная форма изложения, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и обоснование, а присутствует ограниченный, легко усваиваемый набор догм [4; 5; 6].

В целом, схожие характеристики можно увидеть в любой идеологии как концептуальном выражении общественно-политических притязаний определенного класса (группы, этноса и т.п.). Можно сказать, что в любой идеологии антигуманистической направленности содержатся элементы экстремизма. Но, по мнению многих исследователей [1; 3-6; 8], реальное воплощение идеологии экстремизма возникает в случае: а) наличия людей, готовых к пропаганде и внедрению экстремистской идеологии в массовое сознание; б) наличия определенного класса (группы, этноса и т.п.), готового принять эту идеологию (как правило, это люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, из которой они не могут найти выхода); в) существования идеологии антигуманного содержания и превращения ее в личные убеждения (направленность) – особого психического склада какой-либо социальной группы.

По мнению В.А. Бурковской, характеристиками идеологии экстремизма являются следующие критерии: 1) «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем; 2) разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм [3, с.135].

Однако такой подход страдает односторонностью и описывает лишь внешние проявления экстремистской идеологии.

Как видим, идеологией экстремизма можно назвать такую форму идеологии определенной социальной группы, в которой:

1) на уровне представлений об обществе содержатся идеи социального, расового или национального неравенства, доведенные до крайней степени, выражающиеся в том, что только высшие социальные группы имеют право на достойное существование, а низшие группы подлежат безграничной эксплуатации и даже геноциду;

2) на уровне критики существующей социальной реальности преобладает примитивная биполярная система оценки, деление на своих и чужих, на добро и зло, причем воплощением зла оказывается существующая социальная система, в которой ущемлены права и интересы данной социальной группы, а воплощением добра оказываются любые формы борьбы с существующей социальной системой;

3) на уровне социального идеала предлагается такая форма общественного устройства, в которой за счет и в ущерб интересам всех других социальных групп наиболее полно реализованы интересы данной социальной группы;

4) на уровне программы социальной деятельности экстремистская идеология предлагает обычно не такое радикальное преобразование общества, которое привело бы к исчезновению вместе с существующей системой и данной социальной группы, а такое, которое так бы модифицировало существующее общество, чтобы в нем сохранялась данная социальная группа и наиболее полно реализовались ее социальные интересы. Это программа утопического социального фундаментализма или консерватизма;

5) на уровне поведенческих норм и установок наблюдаются ориентации на действия прямого физического насилия, разрушения, физического уничтожения политических противников и институтов существующей социальной системы, доминирование нормы вседозволенности по отношению к политическим врагам [8, с. 326].

Бесспорно, что общество, в котором есть разделение на классы, социальные группы или антагонизмы, достигшие предельного обострения, идеология враждебно настроенного класса (группы), положение которого ухудшилось, приобретает экстремистскую форму, где проявляются все вышеперечисленные пять элементов идеологии экстремизма и терроризма. Очевидно, что в сложных общественно-исторических ситуациях экстремистскую форму может принять любая идеология, независимо от того, относится ли она к правым, левым и т.п.

Для раскрытия нашего вопроса интересно исследование К. Мангейма, который предпринял попытку раскрыть социальный смысл идеологии экстремизма. По его мнению, социальный смысл идеологии экстремизма и терроризма вытекает из исследования ее отношения к существующей в обществе реальности. Так, под идеологией им понимаются «трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания» [7, с. 87]. При этом автор уточняет, что «трансцендентными бытию», нереальными являются все те представления, которые не согласуются с существующим жизненным устройством [7, с. 88]. Думается, что указанная позиция не позволяет раскрыть особенности содержания идеологии экстремизма.

По нашему мнению, социальный смысл идеологии экстремизма заключается в том, что она считается логической, исторически закономерной, но неправильной реакцией определенной социальной группы, которая оказалась в чрезвычайной жизненной ситуации. Неправильность или некорректность реакции заключается: а) в стремлении определенной социальной группы защищать свой круг интересов путем грубого и непосредственного физического насилия; б) в выходе из сложной жизненной ситуации путем не каких-либо новых социальных преобразований, а только лишь улучшением положения данной части социума.

Литература

1. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО МИД России, 2013.
2. Барт Р. Лабрюйер: от мифа к письму // Памятные книжные даты. М.: Книга, 1988.
3. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005.
4. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов н/Д: Росиздат, 2005.
5. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
6. Маевская Л.В. Осторожно: экстремизм. Киев, 2002.
7. Мангейм К. Идеология и утопия: в 2 ч. М., 1976.
8. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / А.Н. Дибиров [и др.]. М.: РОСПЭН, 2009.
9. Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010.
10. Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т.В. Банкетовоу. М.: Аст; Хранитель, 2006.

УДК 340.113

ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕМА ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

Виктор Николаевич Бойко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор
E-mail: admpravokhabarovsk@mail.ru

В статье исследуются проблемы формирования ясного доктринального понимания сущности коррупции как негативного социального явления, против которого направлены общегосударственные усилия по антикоррупционной гармонизации государственного механизма. Одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов России является борьба с различными коррупционными проявлениями. При этом установление границ множества социально-правовых проявлений, обозначаемых понятием «коррупция», предполагает выявление характеристик коррумпированности в их интенциональном значении.

Ключевые слова: коррупция; термин; определение; законодательство; юридическая дефиниция.

THE DOCTRINAL DEFINITION OF THE SCOPE OF THE CONCEPT OF «CORRUPTION»

Viktor Nikolaevich Boyko, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor

The article examines the problems of formation of a clear doctrinal understanding of the nature of corruption as a negative social phenomenon, against whom the national anti-corruption efforts of harmonization of the state mechanism. One of priority directions of activity of law enforcement bodies of Russia is the fight against various corruption phenomena. The establishment of the boundaries of many social and legal manifestations denoted by the concept of corruption involves identifying the characteristics of corruption in their intensional meaning

Keywords: corruption; term; definition; legislation; laws definition.

Конституция РФ, провозгласив равенство граждан перед законом и судом независимо от их имущественного положения, обязала Российское государство гарантировать обеспечение этого равенства. Как справедливо отметил С. Радж Кумар, право на создание общества, свободного от коррупции, – это, по существу, одно из основных прав человека, поскольку право на жизнь, достоинство, равенство и другие ценности значительно зависят от этого права. То есть оно есть фундаментальное право человека, без которого другие основные права теряют смысл, не говоря уже о возможности их реализации. Можно утверждать, что право на создание свободного от коррупции общества берет начало и проистекает из права народа осуществлять постоянный суверенитет над своими природными ресурсами и богатством, то есть из права на экономическое самоопределение [11].

На современном этапе развития государственности одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов России является борьба с экономическими преступлениями коррупционной направленности.

В соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» на подразделения по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел РФ возложены функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической

направленности. Положения данного указа корреспондируют с общими нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», определяющими основные направления деятельности полиции по выявлению и расследованию преступлений, относящихся к ее подследственности.

При этом представляется бесполезным искать коррупционеров по профессиональной принадлежности или же по степени социальной опасности и противоправности поведения. Коррупционность – приобретенная характеристика любого государственного или корпоративного управленческого аппарата, лишённого подсистемы саморегулирования. Не случайно в документах Организации Объединенных Наций и региональных международных организаций, в том числе Совета Европы, коррупция определяется как злоупотребление властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп [12-14].

В международном контексте уместно коснуться последних разоблачений коррупции в ряде европейских стран в самых высоких эшелонах власти.

В Италии Сильвио Берлускони осужден в апреле 2014 г. за коррупционную деятельность в бизнесе (еще до того, как стал премьер-министром) и приговорен к общественным работам в доме престарелых (ему удалось избежать лишения свободы, ибо к людям его возраста это наказание в Италии не применяется)*.

В Хорватии в июле 2013 г. бывший премьер-министр Иво Санадер приговорен к 10 годам тюремного заключения за коррупционные преступления (получение взяток от иностранных компаний, в частности от венгерской нефтегазовой компании «MOL» и австрийского банка «Нуро Alpe Adria»). Он стал самым высоким по должности государственным чиновником, осужденным за коррупцию в государстве – члене Европейского союза (Хорватия была принята в ЕС 1 июля 2013 г.)**.

В 2014 г. в коррупционном скандале оказался замешан премьер-министр Словении Янеш Янса. Обвинение доказало, что Я. Янса и ряд его подчиненных получили взятку в 2 млн дол. от финской государственной компании «Patria» за содействие в получении контракта на поставку бронетранспортеров (сумма контракта – 278 млн евро)***.

В Румынии Верховный суд приговорил бывшего премьер-министра Адриана Нэстасе к четырем годам тюремного заключения за получение взятки. В 2012 г. он пытался покончить жизнь самоубийством после того, как его приговорили к двухлетнему заключению еще по одному уголовному делу. Таким образом, А. Нэстасе вернется в тюрьму для отбывания лишения свободы за совершение коррупционных преступлений всего через несколько месяцев после отбытия предыдущего срока по сходному обвинению. В качестве позитивного момента следует указать на введение Европейским союзом особого контроля за применением в Румынии жестких мер в отношении замеченных в коррупции политических деятелей****.

Несколько иной, и подчас анекдотический, оборот приобретают коррупционные проявления в Австралии. Скандал с получением в дар бутылки дорогого вина стоил поста премьер-министру штата Новый Южный Уэльс Барри О'Фарреллу. Он заявил о своем намерении уйти в отставку после того, как эта история стала известна общественности и дело дошло до разбирательства в Независимой комиссии против коррупции (Independent Commission Against Corruption). Сама же история произошла в 2011 г., когда О'Фаррелл получил в дар бутылку вина стоимостью 3 тыс. австрал. дол. от одного из топ-менеджеров крупной австралийской компании. Возможно, этот случай так и

* URL: <http://www.1tv/news/world/258396>

** URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2071543>

*** URL: <http://globalist.org.ua/novosti/society-news/sloveniya-i-ukraina-sud-no78713.html>

**** URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/01/140106_romama_ex_premier_-sentenced.shtml

остался бы незамеченным, если бы не была обнаружена записка, в которой О'Фаррелл выражает свою благодарность за подарок*.

Подобный международно-правовой подход предопределяет значительные национально-правовые различия в определении объема понятия «коррупция». Так, в законодательстве Дании и Финляндии оно не используется. Во Франции понятие коррупции охватывает совокупность 20 составов преступлений. В Великобритании законодательство устанавливает понятие коррупционно направленного действия, но не дает его подробного описания. Оригинальный подход к определению коррупции используется в законодательстве Испании. Помимо формально-юридических критериев в него включаются этические критерии честности, нейтральности, независимости, открытости, служения общественным интересам [8; 9].

Очевидно, что сложность построения легальной дефиниции термина «коррупция» обусловлена многовариантностью ее современных проявлений. Она постоянно эволюционирует, спонтанное коррупционное поведение, имеющее характер девиации, сменяется регулярным, происходит институционализация коррупции. Деперсонализация коррупционного взаимодействия способствует росту рынка коррупционных услуг. Коррупция выходит на транснациональный уровень [4].

Не случайно в ООН и региональных международных организациях постоянно ведется работа над подготовкой и принятием документов, регламентирующих международное сотрудничество в противодействии коррупции. Разработано и принято значительное число международных договоров и актов органов международных организаций, в которых определяются основные инструменты и решаются задачи борьбы с коррупцией в отдельных сферах жизни государства и общества [10].

В России Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации было проведено исследование эффективности реализации принятых национальных программ противодействия коррупции. Изучалось отношение государственных служащих, предпринимателей и граждан к мероприятиям по противодействию коррупции, включенным в программы противодействия коррупции, к органам власти, реализующим эти мероприятия, нормативным актам различного уровня в сфере противодействия коррупции. Было установлено, что уровень информированности о деятельности органов власти по противодействию коррупции относительно низок. Причем это справедливо не только в отношении граждан, но и в отношении государственных служащих [2]. Наиболее показательным представляется тот факт, что у большинства респондентов вызвало затруднения предложение сформулировать определение понятия «коррупция».

В философской энциклопедии Университета Стэнфорда понятие «коррупция» определяется как злоупотребление властью со стороны должностного лица в целях личной выгоды [5]. Между тем понятие «коррупция» получило законодательное закрепление еще в древности. Например, термин «*согрпуре*» в римском праве понимался самым общим образом: портить, фальсифицировать, подкупать [1, с. 27].

Исследуя понятие коррупции, необходимо отметить, что международное право, эволюционируя в современных условиях глобализации, все больше вовлекает в свою орбиту правовые регуляторы, направленные на противодействие новым вызовам и угрозам. Одним из таких важнейших международно-правовых регуляторов XXI в. является противодействие коррупции на международном уровне [9]. В то же время, как справедливо отмечает А. Цайльхофер, «несмотря на то, что коррупция как общественный феномен так же стара, как и само человечество, на протяжении многих десятилетий этой теме не уделялось достаточного внимания. Только в 1990-е годы тема коррупции неожиданно начала набирать популярность в научной среде, что привело к появлению большого количества литературы о причинах, следствиях и возможных методах

* URL: <http://www.abc.net.au/news/2014-04-16/nsw-premier-barry-ofarrell-to-resign-icac-grange-wine/5393478>

борьбы с этим явлением. Стремительный рост научного, а также общественного интереса к этой теме совпал с повышением внимания к коррупции в политике и, соответственно, усилением антикоррупционных мер, стратегий и программ как на национальном, так и на международном уровне» [6].

В современной юридической науке справедливо отмечается невозможность противостояния коррупции путем осуществления отдельных, разрозненных, фрагментарных мероприятий на различных направлениях. Снизить ее уровень можно, лишь реализовав целостную систему последовательных мер на ключевых направлениях [3, с. 56].

Немаловажную роль для установления границ множества социально-правовых проявлений, обозначаемых понятием «коррупция», играет выявление характеристик коррумпированности в их интенциональном значении.

Характеристиками коррумпированности могут быть признаны: а) допускаемая правовым режимом управления возможность иного использования служебного положения, нежели в интересах службы; б) наличие обратимости этой возможности в корыстный или иной личный результат; в) фактическая безнаказанность должностного лица, основанная на отсутствии доказательств совершения коррупционного действия; г) приемлемость; д) выход за пределы, толерантно воспринимаемые обществом для исполнения служебных функций.

Необходимость доктринального определения объема понятия «коррупция» связано также и с тем, что действующий Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», определив достаточно глубоко и полно задачи и цели борьбы с коррупцией, тем не менее, не сформировал основ для полноценной борьбы с этим социальным злом, сузив круг проблем до выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных правонарушений. Представляется, что уголовно-правовая борьба со злоупотреблениями служебным положением, с дачей и получением взятки, со злоупотреблением полномочиями, с коммерческим подкупом, иными корыстными преступлениями по службе должна быть основана на ясном доктринальном понимании сущности того негативного социального явления, против которого направлены общегосударственные усилия по антикоррупционной гармонизации хозяйственного механизма.

Завершая краткий обзор основных особенностей определения объема понятия «коррупция» в юридической науке, в качестве вывода обратим внимание на следующее.

Во-первых, в настоящее время необходимы надежные доктринально-понятийные основы для провозглашения принципа легальности доходов и инкорпорации его в законодательство. Правовая регламентация проверки наличия доказательств законности обладания доходом или имуществом как условием возникновения соответствующего вещного права также требует твердого научно-правового базиса. В этом случае правообладание подлежит подтверждению, а в необходимых случаях и доказыванию (в том числе судебному).

Во-вторых, интересными с практической точки зрения представляются предложения о введении в отношении определенных категорий служащих режима инквизиционного правосудия, когда правомерность получения дохода или имущества доказывалась бы самим правообладателем, а не опровергалась правоохранительными органами.

В-третьих, реализация указанных экономико-правовых мер будет способствовать предотвращению опасности распада государственного аппарата и, следовательно, государства как такового.

Литература

1. Абашидзе А.Х. Национальные и международные меры в борьбе против коррупции // Юрист-международник. 2007. № 2.

2. Горохов Д.Б., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие / отв. ред. А.В. Павлушкин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.
3. Козлов В.А. Государственная политика в сфере противодействия коррупции (международно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2001. № 8.
4. Правовые механизмы предупреждения коррупции в управлении государственными ресурсами // Социология коррупции: мат-лы конф. (20 марта 2003 г, ИНИОН РАН). Хабаровск, 2002.
5. Философская энциклопедия. Университет Стэнфорд. 2002. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/corruption/>
6. Цайльхофер А. Теория и практика борьбы с коррупцией в Европе. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Чашин А.Н. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. М., 2009.
8. Balmelli, Tiziano, Jagg Bernard. Les traites internationaux contre la corruption : L'ONU, l'OCDE, le Conseil de l'Europe et la Suisse. Berne, 2004.
9. Donatella Della Porta, Yves Meny. Democratie et corruption en Europe.-P: La Decouverte. 1995.
10. Les Conventions contre la corruption en Afrique. 2007.
11. Raj Kumar C. Corruption and human rights. India's National Magazine THE HINDU. Vol. 19. Is. 19, September 14-27, 2002. URL: <http://www.flonnet.com/fl1919/19190780.htm>
12. United Nations Convention Against Corruption, article 2. URL: http://www.unoc.org/documents/brusstls/UN_Convention_Against_Corruption.pdf
13. Inter-American Convention Against Corruption, article 6. URL: <http://www.alppp.ru>.
14. Civil Law Convention on Corruption of the Council of Europe, article 2. URL: <http://ials.sas.ac.uk/postgrad/AGIS-035/Materials/Gavouneli%201/Convention%20on%20Corruption-%20CoE.pdf>

УДК 340.114

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Александр Иванович Литвиненко, адъюнкт Ростовского
юридического института МВД России

E-mail: 1t314@yandex.ru

В статье рассматриваются исторические особенности формирования правовой культуры казаков Юга России. Автором оценивается роль казачьих объединений в развитии Российского государства в досоветский период, в расширении влияния на геополитическое пространство, достаточное для защиты национальных интересов и обеспечения государственной безопасности. Также в статье выдвигается идея формирования казачьих общин в Российской Федерации на «проблемных территориях».

Ключевые слова: правовая культура казаков; формирование южно-российского казачества; процессы создания Российской империи; особенности формирования и развития разных видов казачеств Юга России; взаимосвязь между формированием южно-российского казачества и российской государственностью.

HISTORICAL FEATURES OF FORMATION THE LEGAL CULTURE OF SOUTH-RUSSIAN COSSACKS

Alexander Ivanovich Litvinenko, post graduate of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the features of formation of legal culture of the Cossacks in the context of their interaction with state authorities of Russia. Assesses the role of the Cossack associations in key questions of creation of the Russian Empire with the ability to expand their influence on the geospace sufficient to protect national interests and ensuring national security. Also in the article is implemented is an attempt to assess the possibility of formation of Cossack regiments on the so-called problem territories of the Russian Federation from the number of migrants arriving in the country.

Keywords: legal culture of the Cossacks; the formation of Russian Cossacks; the processes of creation of the Russian Empire; peculiarities of formation and development of different types of Cossacks of Southern Russia; the relationship between the formation of Russian Cossacks and the Russian state.

Правовая культура казачества доиндустриального периода представляет собой актуальный объект научного исследования, позволяющий сформировать целостное понимание правового статуса и духовно-исторического значения современного казачества. Однако в историко-правовой науке не сложилось единого подхода к его сущности, унифицированного понимания роли и места в общественном строе Российского государства. Кроме того, нет единого представления о процессе возникновения казачества, а все теории его происхождения сводятся к двум основным концепциям – «автохтонной» и «миграционной», но и в их рамках большинство исследователей сходятся во мнении, что казаки зародились в результате смешения различных этнических элементов. Причем в литературе можно встретить мнение, что указанные теории не противоречат, а дополняют друг друга [3, с. 22; 14, с. 23; 15, с. 68-69; 4, с. 273-278].

Уяснение механизма этногенеза казаков имеет важнейшее значение в настоящее время, так как миграционные процессы, сотрясающие Европу, могут потенциально перекинуться на территорию Российской Федерации. В связи с этим возникает вопрос, насколько можно на практике использовать желание мигрантов жить в России, при условии, что они будут заселять территории, указанные Правительством Российской Федерации, где из них могут формироваться казачьи поселения, например, казачьи фермерские хозяйства, естественно, при взаимодействии мигрантов и реестровых казаков России? Заселению подлежат такие проблемные зоны, как, например, пограничные территории с Китаем*. На наш взгляд, прием мигрантов на службу в казачество более эффективен, чем предоставление гражданства Российской Федерации, так как в случае несоответствия поведения и действий лица с национальными интересами, лишить его российского гражданства по Конституции РФ нельзя, а лишить статуса казака можно.

В связи с этим обратимся к проблематике правовой культуры казачества, которая так ярко иллюстрируется на примере Юга России, располагаемого на стыке ряда культур и цивилизаций, дав, пожалуй, первый пример «самобытной русской колонизации». Указывая исторические особенности формирования правовой культуры, следует отметить, что Южный и Северо-Кавказский федеральные округа исторически являются регионами возникновения и сосредоточения донского, астраханского, кубанского и терского казачества. Причем Донское и Астраханское войска формировались как степные объединения казаков, взаимодействуя с кочевыми народами. Кубанское и терское казачества представляют собой горские объединения казаков, они располагались смежно с северокавказскими народами. Причем кубанское казачество в большей мере контакти-

* Инициатива Председателя Правительства РФ о выделении гектара земли на Дальнем Востоке. URL: <http://ria.ru/society/20151117/1322538839.html>

рвало с представителями этнических групп Северо-Западного Кавказа, а терское – Центрального и Северо-Восточного. Станицы Кубанского казачьего войска размещались достаточно компактно и по большей части на возвышенностях, а терского – непосредственно «на линиях» (кордонах) с северокавказскими народами, в предгорьях, вдоль крупных рек [6]. Особые географические зоны расселения казаков предопределили их роль в формировании российской государственности в качестве элемента обеспечения национальной безопасности, а особые условия формирования правовой культуры каждого из казачеств наложили на нее свой уникальный отпечаток.

Особенности генезиса правовой культуры казачьих войск на Юге России разнообразны, каждое из них формировалось в уникальных исторических условиях, нашедших отражение во всех сферах социального бытия, особенно в военно-служилой сфере. Несомненен тот факт, что важное организационно-стратегическое участие в создании Донского, Астраханского, Кубанского и Терского казачьих войск приняло российское правительство [8, с. 33-37].

Статус лиц, состоящих на государственной службе, начинает возникать у казаков после распада Золотой Орды и параллельного формирования Русского централизованного государства усилиями Ивана III Великого и его преемников, в том числе Ивана IV Грозного, при котором в 1571 г. был составлен Устав о станичной и сторожевой службе. В соответствии с этим уставом служилые казаки подразделялись на полковых казаков и казаков станичной сторожевой службы [5, с. 24]. Затем правовой статус служилых казаков был закреплен в акте Земского собора 1619 г. и в Соборном уложении 1649 г., где в гл. XXIV находился Указ о атаманах и о казаках. Исходя из текста документа, можно сделать вывод, что российская власть определяла казаков как подданных и служилых людей царя [2, с. 4-6].

После развала Золотой Орды донское казачество стало занимать земли самостоятельно, еще до их включения в состав Российского государства, так называемую «вольную заимку» [7, с. 29]. Уровня автохтонной правовой культуры донских казаков оказалось достаточно, чтобы на этих землях создать особый военно-политический общественный строй, обладающий четкими контурами государственности (военный демократизм, республиканское правление, внесословность, автохтонное административно-территориальное деление), а поселения на Дону обладали большой долей автономности. Эта автономия достигала такой степени, что, по мнению А.Е. Мохова, донские казачьи территории выступали по отношению к Российскому царству как союзное государство – независимая казачья республика [5, с. 24]. В этот период уже проявляется ее значение для русской цивилизации, так как она выступала в качестве буфера между перманентно расширявшейся Московией и мощными силами кочевых ханств, поддерживаемых Оттоманской Портой. Буферные казачьи республики адекватно вписывались в логику русского имперского строительства, предполагавшего, как и во многих других империях, следующую структуру: центр, периферия, буферная зона, смысловой горизонт экспансии [13, с. 32-33]. Но казаки за обладание Нижним Доном были вынуждены сражаться со степными народами почти до конца XVIII в., при этом формирование их правовой культуры осуществлялось в том числе путем рецепции некоторых ее концептов у соседей.

Достижение наивысшего уровня казачьей культуры наиболее ярко выражено именно у донского казачества, которое имеет период автономного функционирования отдельных политических и правовых институтов, свидетельствующих об объективных процессах государственногенеза. И позднее, даже в рамках Российской империи, Донское казачье войско было многочисленно, компактно и однородно, хотя и выполняло важнейшие государственные функции, например, осуществляло борьбу с терроризмом в Российской империи [10, с. 96-99]. Можно говорить даже о создании особого правового поля и автономной системы регулирования общественных отношений в среде казаков. По сути, возник обособленный феномен, обладающий специфическим осознанием себя

в качестве субъекта государственно-правовых отношений, а это уникальный и единственный случай в становлении казачества.

В своей досоветской истории донские казаки неоднократно меняли название созданного административно-территориального образования: Войско Донское, или Все-великое Войско Донское (XVI в.-1793 г.), Земля Войска Донского (1793-1870 гг.), Область Войска Донского (1870-1918 гг.), Всевеликое Войско Донское (1918-1920 гг.), причем, в последний раз с претензией на создание суверенной казачьей республики. Но этим планам не суждено было сбыться, так как они в корне противоречили политике советского правительства. Несмотря на то, что советская власть внесла в редакцию названия высшего органа государственной власти РСФСР – Всероссийского съезда Советов, в том числе и казачьих депутатов, на практике она приступила к расказачиванию, так как увидела в Донской республике опасного политического конкурента, обладающего необходимым уровнем политической и правовой культуры для создания самостоятельного государства. Это также было связано с тем, что, в отличие от астраханского, кубанского и терского, донское казачество имело опыт государственного строительства, хотя и незавершенного, тем не менее, в XVI – XVII вв. оно обладало политическим суверенитетом, представляя собой «вольное казачество», на которое не распространялось российское законодательство. В XVIII – начале XX в. исторические условия эволюции казачества преобразовывают его из «вольного» в «служивое». Но даже в таком статусе донцы в регулировании своих отношений руководствовались не общероссийскими законами, а нормами обычного права, разработанными на основе их правовой культуры. Тот факт, что царское правительство не пыталось изменить указанную ситуацию, хотя она потенциально могла вылиться в сепаратизм, объясняется особой ролью казачьих сил в присоединении Юга к России.

Донское казачество, будучи во многом культурно однородным, а в особенности исходя из религиозного аспекта, создало условия для возможности территориального расширения Российского государства и трансляции русской культуры до «незамерзающих морей». Таким образом, осуществилась важнейшая цель, возникшая еще в XVI в., концептуально сформулированная Петром I и реализуемая в ходе всего имперского периода. Донцы стали своего рода форпостами русской цивилизации для дальнейшего установления на буферных территориях российской государственности. Актуальность рассматриваемых процессов в настоящее время существенно обострилась. Аналогичную ситуацию, но со знаком минус, мы наблюдаем сегодня на территории Украины. Ведь действия Евросоюза и США в отношении украинского вопроса – это попытки создать между Европой и Россией буферную зону с целью защиты своих геополитических интересов.

В то же время в общественном сознании донского казачества укоренилось представление о собственной самобытной сущности, отделяемой от русской ментальности, что является отголоском предпосылок формирования собственного этноса. Однако этногенез не был завершен полностью, и в XVIII в. на донское казачество распространился сословный статус [19, с. 138]. Между тем субэтничность и субкультурность донского казачества в рамках социокультурной, демографической, исторической и политико-правовой сфер бытия не вызывает сомнений. В современной отечественной науке казачество позиционируется как этносоциальная группа в рамках русского народа, хотя и в существенной степени специфическая. С этноправовой точки зрения это социально-культурное сообщество, причем казачество Юга России как в историческом, так и современном контексте по-прежнему представляет научный интерес.

Далее. Возникновение казачества на территории бывшего Астраханского ханства связано с присоединением данных территорий в 1554 г. к России. Соответственно возникает объективная необходимость охраны границы на Нижней Волге. Генезис Астраханского казачьего войска относится к 1750 г., так как с этого времени на основе существовавшей городской казачьей команды, дислоцированной в Астраханской крепости,

был сформирован одноименный пятисотенный полк, причем первоначально в расположение полка кроме казаков были зачислены православные татары (кряшены), однодворцы (неподатные разночинцы), иные вольноопределяющиеся. Для стимулирования службы на правах общинной собственности военнослужащие наделялись землями и рыбными паями [12]. Также заключались договоры о денежной и натуральной плате казакам (оружием, свинцом, порохом и иными припасами).

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась становлением астраханского казачества как единой и самобытной этносоциальной группы русского народа на Нижнем Поволжье. Особенностью формирования астраханского казачества стала его немногочисленность и разбросанность поселений на многие десятки километров вдоль Волги. Эти причины не позволили войску выделиться в самостоятельный административно-территориальный субъект Российской империи, а произошло включение казаков в состав Астраханской губернии [11]. Таким образом, правовая культура астраханского казачества носила, скорее, производный характер и во многом имела форму пограничного войска. Того уровня правовой культуры, как у донских казаков, который позволил бы (даже теоретически) создать автономную суверенную государственную и правовую системы, у астраханского казачества сформировано не было.

Следующая разновидность казачества Юга России – кубанское, которое стало формироваться с 1792 г., включив казаков упраздненной Екатериной II в 1775 г. Запорожской Сечи, хоперских казаков с Верхнего Дона, а также часть донских казаков, переселенных на Кубань. Исторически старшинство войска установлено с 1696 г., т.е. с момента образования хоперского казачьего полка [1, с. 331]. На кубанское казачество была возложена функция освоения побережья Черного моря, правобережья Кубани и Северо-Западного Кавказа. По времени реализация этой задачи растянулась на долгие годы и сопровождалась выстраиванием целого ряда крепостей, сторожевых постов, «кордонных линий» и образованием новых станиц. В непростых условиях освоения новых земель происходило становление элементов государственности и правовой культуры кубанского казачества, с параллельным формированием партикулярного обычного права и того, что представители исторической школы права называли «духом народа». Тем не менее, следует отметить, что на Кубани в полной мере не сложилась казачья вольница, по примеру донских, запорожских и гребенских казаков. Поэтому по уровню правовой культуры и особенностям ее качественных характеристик, исходя из функционального предназначения данного вида казачества, кубанских казаков можно сравнить с астраханскими. Однако на Кубанское казачье войско непосредственно оказало влияние малороссийское происхождение черноморских казаков – «исторического ядра» кубанских. Кроме того, взаимодействие с адыгами Северо-Западного Кавказа и участие в Кавказской войне оставило неизгладимый след в автохтонной правовой культуре.

Терское казачье войско, равно как и Кубанское, сформировало самобытную этносоциальную группу, в состав которой вошли представители различных казачьих общин. Старшинство терцев ведется с 1577 г., и в своей исторической основе они имеют более древнее гребенское казачество, в XVI – начале XVIII в. размещавшееся в Северном Дагестане и равнинной Чечне. Однако терское казачество, равно как и кубанское, в историко-правовом и культурном плане не было однородным, формировалось в результате целого ряда миграционных мероприятий российского правительства, в разное время включало аграханских, астраханских, волжских, донских, кизлярских, моздокских, хоперских и других казаков, а также представителей горских народов, например моздокских осетин и кабардинцев. Поэтому проблема изучения правовой культуры терского казачества заключается в сложности и нелинейности процессов формирования их юридического быта, вытекающего из перманентных миграционных процессов, прямо влияющих на социально-правовую действительность и правогенез казаков.

Особый исследовательский интерес к истории формирования правовой культуры терского казачества обусловлен тем фактом, что оно выступает автохтонным населени-

ем Северного Кавказа, сформировавшимся там более чем пятьсот лет назад. Это уникальный пример формирования казачьей правовой культуры под прямым влиянием культуры народов Северного Кавказа. Данный факт наложил свой отпечаток на многие стороны жизни и быта, в том числе юридическую, терских казаков и проявился в особенностях их одежды, вооружения, боевых построений, традиций, правовых обычаев и т.д. Этот вид правовой культуры, на наш взгляд, теоретически был бы способен к самостоятельному существованию с созданием системы позитивного права и органов государственного управления. Но необходимо учитывать следующие факторы, оказавшие влияние на становление правовой культуры терских казаков: разнородность этнических источников самого социума; частая миграция казачьих поселений; географическая растянутость вдоль кордонных линий; так называемое «чересполосное» общежитие с горскими народами, которые также между собой имели отличия. Все это существенно снижало динамику становления унифицированной правовой культуры терских казаков, а также обуславливало специфику и нелинейность ее развития, что, несмотря на потенциал, исторически не позволило им достигнуть уровня, необходимого для создания собственной государственности.

На основании вышеизложенного сформулируем следующие выводы:

- на Юге России имел место плюрализм правовых культур казаков в рамках становления общей правовой казачьей культуры, в основу которой легла правовая культура донского казачества, и астраханское, кубанское, терское казачества во многом от нее производны. Однако в динамическом плане необходимо подчеркнуть, что казачьи войска представляли собой самостоятельные праворегулятивные пространства, имевшие много общего с правовой культурой русского народа. Эта общность формировалась из двух основных культурных элементов: православие и русский язык;

- процессы формирования правовой культуры казачества Юга России тесно связаны и оказали взаимоопределяющее влияние как на развитие правовой культуры всех российских казаков, так и на общее развитие русской цивилизации в целом;

- как феномен, в том числе политический и правовой, казачество на Юге России возникло без санкционирования государственных органов, но позднее органично входит в состав государственной власти;

- в результате внутренних, автохтонных политических и правовых процессов казачество принимает форму независимых политических образований, напоминающих протогосударства, которые затем исторически вливаются в состав России, не теряя специфики правовой культуры, и в силу своей массивности и компактности оформляются как обособленный феномен Российской империи;

- казачество сыграло огромную роль в становлении русской цивилизации и сегодня имеет большой потенциал в обеспечении национальной безопасности путем формирования казачьих поселений в «проблемных территориях» Российской Федерации. Поэтому научное исследование правовой культуры казачества востребовано.

Литература

1. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995.
2. Глушенко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М.: Вузовская книга, 2000.
3. Журавский А.В. Российское казачество и Русская Православная Церковь: опыт взаимодействия и перспективы // XIX Международные Рождественские образовательные чтения в Донском монастыре. М., 2011.
4. Казаки, казачество, казачьи войска // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911-1915. Т. 11.
5. Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М.: Вузовская книга, 2011.
6. Небрятенко Г.Г. Обычно-правовая система традиционного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

7. Небратенко Г.Г. Обычай в гражданско-правовых отношениях донских казаков. М., 2014.
8. Небратенко Г.Г. Преступления против государства, Царского Величества и его семьи в обычном праве донских казаков // *Философия права*. 2015. № 5.
9. Небратенко Г.Г., Куксенко Е.И. Теория и история обычного права донских казаков. Ростов н/Д, 2005.
10. Палухина Е.С., Федоренко С.П. Правовая оценка терроризма как системной угрозы национальной безопасности Российской империи // *Философия права*. 2015. № 5.
11. Подосинников Ю.В. Правовое положение астраханского казачества в начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т. 12. № 9554. Т. 13. № 9727.
13. Федоренко С.П. Государственно-правовая институционализация имперского принципа в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
14. Шумов В.В. История казачества в вопросах и ответах. Ростов н/Д: Ростиздат, 2003.
15. Юрченко И.Ю. Казаки – тюрки? Трактровка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 5.

УДК 342.5

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИЗМА КАК УГРОЗА МИГРАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Юрий Анатольевич Лялякин, доцент кафедры Академии управления
МВД России кандидат юридических наук;

Вячеслав Владимирович Волженин, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: yuran1965@mail.ru
wuolfund@mail.ru

В статье рассматривается влияние экстремистских проявлений среди молодежи на миграционную безопасность в государстве, определяются возможные государственно-правовые меры по ее обеспечению.

Ключевые слова: угрозы миграционной безопасности; экстремизм в молодежной среде; стратегия национальной безопасности; концепция государственной миграционной политики.

**SOCIO-POLITICAL FACTORS EXTREMISM MIGRATION
AS A THREAT TO THE SECURITY OF THE STATE**

Yuri Anatolyevich Lyalyakin, chair associate professor of the Management
Academy of the Ministry of the Interior of Russia *Kandidat nauk* degree in Law;

Vyacheslav Vladimirovich Volzhenin, lecturer of the Far Eastern
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses the impact of extremism among youth migration security in the state, identifies possible state and legal measures for its maintenance.

Keywords: the threat of migration security; extremism in the youth environment; national security strategy; the concept of state migration policy.

Современная глобализация и политические катаклизмы, в результате которых осуществляются перераспределение и перемещение человеческих ресурсов в мире не в сторону государств со слабой нестабильной экономикой, а, увеличивая интенсивность миграционных процессов, в пользу экономически развитых и политически стабильных стран, заставляют все чаще обращать внимание на содержание деятельности по обеспечению миграционной безопасности, которая заключается в прогнозировании, выявлении, анализе и оценке угроз такой безопасности [3].

Продолжая дискуссию о сущности миграционной безопасности, необходимо обратить внимание на некоторые факторы возникновения международной миграции населения, то есть выяснить те причины и условия, при которых население одного государства считает необходимым либо вынуждено выезжать за пределы своих государственных границ.

В настоящее время различные социальные и политические факторы напрямую влияют на процессы международной миграции населения. Такие причины и обстоя-

тельства, по мнению ряда экспертов, являются основой угроз миграционной безопасности государства и в некоторых случаях связаны с причинами и обстоятельствами, не зависящими от воли мигранта [2].

Некоторые современные государства Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки оказались перед лицом вызова со стороны идеологии и практики экстремизма, составными элементами которого выступают религиозная, национальная, этническая нетерпимость и рознь, ксенофобия и национализм. Вооруженные конфликты, а также внутригосударственные преступные проявления в ряде государств, причины которых связаны с политическим переустройством государств, свидетельствуют о высоком уровне и продолжающемся увеличении жертв среди гражданского населения и появлении огромного числа мигрирующего населения.

Реальность сегодняшнего дня такова, что продолжающийся в ряде государств, втянутых в вооруженные конфликты, политический и экономический кризис, затрагивая широкие массы населения и вызывая социальные неурядицы и экономические потрясения, создает предпосылки для формирования среды, восприимчивой и отзывчивой на провокационные призывы организаций экстремистского толка.

Одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп оказалась молодежь. Именно на период социализации нынешнего молодого поколения приходятся основные издержки социально-экономического и политического реформирования ряда государств – безработица, криминализация, трансформация духовно-нравственных, религиозных и семейных ценностей, обострение межнациональных и межэтнических конфликтов создают благоприятную почву для распространения экстремистских проявлений в первую очередь в молодежной среде.

Молодежный экстремизм проявляется в пренебрежении к действующим в обществе и государстве правилам поведения, к законности в целом, в появлении преступных групп и неформальных групп противоправной направленности. Радикально настроенная молодежь нетерпима к тем, кто принадлежит к другим социальным группам, национальностям и этносам и придерживается иных политических, правовых, моральных, культурных и религиозных взглядов. При этом молодежный экстремизм отличается высокой степенью жестокости и агрессивности.

Проблема молодежного экстремизма стоит перед различными государствами, где присутствует историческая особенность, заключающаяся в проживании на ее территории разного по этническому и религиозному составу населения.

Молодежный экстремизм, основанный на национально-религиозном факторе, фактически начинается с проявления антагонистических взглядов к действующим в обществе и государстве правилам и нормам поведения или в отрицании и возможности невыполнения этих установок, потому что молодежь в определенные периоды была подвержена радикальным настроениям в силу психологических и возрастных особенностей. И даже в стабильные в социальном и экономическом плане времена количество антагонистически настроенных людей среди молодежи было всегда выше, чем среди населения зрелого возраста. Не имея большого жизненного опыта, четких морально-нравственных ориентиров, они порой не могут правильно представить последствия своих противоправных действий и определить, где проходит грань между преступным и непроступным деянием. Отсутствие необходимых идеалов, а порой их отрицание, социальные проблемы, отсутствие обеспеченности работой, агрессивность сознания, направленность действий исключительно на личное благополучие, озлобленность являются базой для формирования молодежных преступных групп экстремистской направленности.

Причины молодежного экстремизма весьма многообразны. Условно их принято подразделять на националистические, право- и леворадикальные. Члены многих неформально организованных групп проводят активную работу по пропаганде националистических идей и вовлечению молодежи в свои ряды. Такие группы характеризуются

высокой степенью расистских или антирелигиозных настроений, грубым противопоставлением различных религий. Другие движения свою деятельность строят на основе противодействия межгосударственной миграции и их основная цель деятельности – борьба с миграцией из других государств. В ряде случаев в основе идеологии движения лежат принцип «чистоты» своей расы и нации, националистические взгляды.

В целях привлечения радикально настроенной молодежи в свои ряды члены преступных группировок совершают противоправные антигосударственные и антиобщественные акции в отношении идеологических оппонентов.

Следует отдавать себе отчет в том, что в связи с увеличением количества и численности радикально и экстремистки настроенных групп и объединений, в первую очередь молодежи, возникает потенциальная опасность появления широкомасштабного организованного молодежного движения, объединяющего сторонников разных политических и религиозных пристрастий, приемлющих различные формы насилия и вооруженной борьбы.

В современных развитых государствах на сегодняшний день актуальным является вопрос об опережающем реагировании на угрозу экстремизма как причину и угрозу миграционной безопасности страны. Как свидетельствует международная практика, актам экстремизма и ксенофобии обычно предшествуют различные проявления антиобщественного, протестного, конфликтного характера.

В таких условиях возникает необходимость создания государственной системы раннего предупреждения подобных ситуаций. Ее суть – осуществление многоуровневого мониторинга и прогноза развития конфликтов как потенциальных угроз различных видов безопасности.

Следует подчеркнуть, что в отсутствие должных предупредительно-профилактических мер реагирования со стороны государственных, в том числе и правоохранительных органов, даже бытовые конфликты с этнической окраской способны резко дестабилизировать ситуацию в регионе. Однако, по мнению ряда экспертов, распространена практика, когда преступные проявления по мотивам национальной, религиозной ненависти или вражды правоохранительные органы государств в большинстве случаев квалифицируют как обычное хулиганство или вообще не регистрируют подобные факты [4].

Вместе с тем следует признать, что существующая сегодня система профилактики социально негативного поведения граждан имеет ряд недостатков. Содержание профилактической деятельности по обеспечению миграционной безопасности состоит не только в определении основных направлений государственной политики и стратегическом планировании в области обеспечения миграционной безопасности, но и в осуществлении правового регулирования в области обеспечения этого вида безопасности [3].

Следует констатировать тот факт, что решение проблем экстремизма исключительно силами как молодежных организаций, так и правоохранительных органов невозможно. Эта задача требует гораздо более широкого комплекса организационных, правовых, профилактических, воспитательных мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных и муниципальных органов власти, а также общественных организаций.

Безусловно, приоритетом в борьбе с экстремизмом должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению. Однако большую часть факторов, влияющих на формирование экстремистских настроений в молодежной среде (например, развал и девальвация патриотической идеи, капитализация общественных отношений, резкое расслоение общества на бедных и богатых), решить в отдельно взятом государстве не представляется возможным.

По этой причине необходимо в государствах со сложным этнонациональным составом создавать правовые, социальные и политические условия по формированию то-

лерантного сознания, профилактики экстремизма и ксенофобии на долгосрочную перспективу.

Помимо создания системы мониторинга молодежной среды необходимо разработать и осуществить комплекс государственных мер по противодействию молодежному экстремизму. Учитывая тягу молодежи ко всему необычному, нестандартному и оригинальному, необходимо научиться задавать тон в формировании предпочтительных и притягательных для молодежи моделей поведения, основанных на положительных примерах и образцах для подражания.

Необходимо развернуть работу по изоляции лидеров экстремистских организаций от молодежной среды за счет создания более привлекательных для молодежи альтернативных общественных объединений. При этом следует учитывать тот факт, что молодежь часто обращает внимание не столько на содержательную часть деятельности организаций, сколько на соответствующие ритуалы поведения, форму и атрибутику.

В целях профилактики и предупреждения экстремистских проявлений на межнациональной почве следует углублять и совершенствовать практику работы по развитию культуры межнационального общения.

Заметно увеличившийся в последнее время приток в Российскую Федерацию мигрантов из-за рубежа со своими традициями, менталитетом и культурой может привнести элементы напряженности в существующую этноконфессиональную атмосферу региона. С этой целью следует учитывать опыт других стран и регионов по работе с трудовой миграцией и сделать этот процесс подконтрольным и управляемым.

Для содействия адаптации прибывающих мигрантов, прежде всего из стран ближнего зарубежья, к социально-культурным условиям жизни нашей страны привлекаются для работы со своими земляками представители национально-культурных автономий и диаспор (азербайджанской, армянской, украинской и др.). Со своей стороны они тоже активно проводят мероприятия, направленные на укрепление дружбы и взаимопонимания молодежи разных народов.

Вместе с тем следует отметить, что научный опыт исследования проблем незаконной миграции диктует необходимость совершенствования внутригосударственного законодательства, ее профилактики, которое, по мнению ряда экспертов, нуждается в современной корректировке [4; 1].

Имеющийся международный опыт и анализ правовых основ регулирования исследуемого круга общественных отношений в Российской Федерации говорит о необходимости введения специальной государственно-правовой нормы и юридическом определении дефиниции «вынужденная миграция». Вынужденная миграция – это международная миграция, которая совершается лицом помимо его воли под воздействием социально-политических факторов в стране исхода, без смены гражданства, но предполагает смену его постоянного места жительства.

Необходимо глубоко осознать простую истину, что миграционная безопасность – это важное условие жизнедеятельности любого государства, и осуществить ее можно только комплексно, объединяя и координируя усилия всей системы ее обеспечения, определяя возможные угрозы и соблюдая государственные интересы, с обязательной реализацией необходимых стратегических приоритетов в данной сфере.

Эффективные и своевременные законодательные установки совместно с широко организованной профилактической работой способны создать препятствия для распространения идеологии и практики экстремизма, а также условия для безопасной реализации конституционных прав и свобод человека в государстве.

Литература

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 22.07.2015).

2. Никитенко И.В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности азиатской части России. Хабаровск, 2014.

3. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 10.10.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Основные направления деятельности Федеральной миграционной службы (административно-правовой аспект): учеб. пособие / под ред. А.С. Прудникова, В.А. Лянного, В.Л. Казаковой. М., 2015.

УДК 342.72/.73

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

Сергей Тихонович Сазин, доцент кафедры Орловского государственного университета кандидат юридических наук

E-mail: sledkomorel@yandex.ru

В статье автором рассматривается значимость института защиты прав и свобод человека и гражданина от уголовного преследования при необходимой обороне. Приведенные примеры из следственной и судебной практики позволяют объективно выделить положительные и отрицательные факторы правовой оценки действий субъекта, совершающего преступление в той или иной ситуации.

Ключевые слова: защита прав; необходимая оборона; конституционные права.

ACTUAL PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CITIZENS' RIGHT TO SELF-DEFENSE

Sergey Tihonovich Sazin, chair associate professor of the Orlovsky State University *Kandidat nauk* degree in Law

The author considers the importance of the institution of protection of the rights and freedoms of man and citizen from criminal prosecution when necessary defense. These approximately investigative and judicial practice allow to objectively identify the positive and negative factors of the legal assessment of the actions of the subject who commits a crime in a given situation.

Keywords: protecting rights; self-defense; the constitutional rights.

Нормы, регламентирующие право человека на необходимую оборону, были присущи уголовному законодательству России на всех стадиях его развития [2, с. 193; 5, с. 417; 7, с. 243]. И, несмотря на то, что с течением времени менялась правовая конструкция условий правомерности необходимой обороны, относящихся как к посягательству, так и к защите, неизменным оставалось понимание законодателем важности и необходимости данного института в деле защиты прав и свобод человека.

В действующем законодательстве правовым источником возникновения естественного права на оборону послужили положения Конституции Российской Федерации, в которой право на необходимую оборону непосредственно не предусмотрено, но вместе с тем в ч. 2 ст. 45 закреплено положение, согласно которому каждый вправе защищать свои права, свободы и законные интересы всеми возможными способами, не запрещенными законом.

Одним из таких способов является реализация гражданами права на необходимую оборону, выступающую в действующем уголовном законодательстве в качестве обсто-

ательства, исключаящего преступность деяния. Так, согласно ст. 37 УК РФ, «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Кроме того, действующее законодательство ставит правомерность действий, направленных на защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, в зависимости от отсутствия или наличия данных, свидетельствующих о превышении пределов необходимой обороны. Под последними понимаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Следует отметить, что указание в тексте уголовного закона на конкретные признаки, определяющие сущность превышения пределов необходимой обороны, явилось важным шагом законодателя, направленным на более эффективную реализацию права граждан на необходимую оборону через конкретизацию отдельных условий его правомерности, а также на ограничение правоприменительного усмотрения, приводящего ранее к «многочисленным ошибкам, необоснованному осуждению лиц, не превысивших пределы необходимой обороны, и, наоборот, освобождению от уголовной ответственности лиц, явно превысивших пределы ее необходимости» [3, с. 332].

Вместе с тем, несмотря на значительные усилия законодателя, действующая редакция ст. 37 УК РФ имеет свои недостатки. В частности, по справедливому замечанию И. Звечаровского и Ю. Чайки, «потенциальный субъект необходимой обороны зачастую попадает в ситуацию, при которой он должен не только дожидаться посягательства, но также определить его направленность (на жизнь или другие блага) и выяснить характер применяемого или угрожаемого насилия, т.е. решить те вопросы, которые вызывают трудности даже у специалистов и которые без разъяснения Пленума Верховного Суда РФ однозначно толковаться, а значит и применяться не будут» [1, с. 34].

Именно по этой причине вопросы, связанные с реализацией прав граждан на необходимую оборону, приобретают такую актуальность именно для следственных органов, так как в каждом конкретном случае на первоначальном этапе расследования следователь сталкивается с избранием соответствующей меры пресечения и предъявлением обвинения лицу, подозреваемому в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом в случае неверной оценки собранных доказательств происходит не только существенное ограничение прав и свобод обвиняемого и, как следствие, возникновение у него права на реабилитацию, но и формирование у общественности негативного отношения к следственным органам, а также принимаемым ими решениям, что отрицательно сказывается на имидже всей правоохранительной системы.

Так, в практической деятельности возникают сложности в определении реальности угрозы, а также в установлении начального и конечного моментов посягательства, что является основой для решения вопроса о наличии общественно опасного деяния и правомерности необходимой обороны.

Доказанность совершения подсудимым действий в состоянии необходимой обороны приводит к вынесению оправдательных приговоров в отношении лиц, обвиняемых в совершении самых тяжких преступлений против личности (ст. 105 и ст. 111 УК РФ). Из содержания ст. 37 УК РФ, а также разъяснений Верховного Суда РФ следует, что если общественно опасное посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то необходимая оборона будет являться правомерной вне зависи-

мости от того, какие средства и способы применены при обороне и какой вред причинен при этом посягающему [4]. Закон признает в таких случаях правомерность причинения любого вреда, вплоть до причинения смерти.

В качестве примера здесь следует привести уголовное дело в отношении К., осужденного приговором Советского районного суда г. Орла от 20.02.2015 за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) к 9 годам лишения свободы, однако впоследствии оправданного судебной коллегией по уголовным делам Орловского областного суда по результатам апелляционного рассмотрения. Решение суда апелляционной инстанции мотивировано наличием в действиях подсудимого необходимой обороны, поскольку К. причинил смерть С. при защите от посягательства, сопряженного с угрозой применения насилия, опасного для его жизни, при котором закон предоставляет обороняющемуся право на причинение посягающему лицу любого вреда, не превышая при этом пределов необходимой обороны. По мнению судебной коллегии, показания К. о том, что он оборонялся от общественно опасного посягательства со стороны С., сопряженного с угрозой применения насилия, опасного для его жизни, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни, не опровергнуты, а, согласно ч. 3 ст. 14 УПК РФ, все сомнения в виновности подсудимого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу подсудимого*.

В то же время следствие исходило из другой позиции: после того, как К. вырвал пневматический пистолет у находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения С. (в крови обнаружено более 4-х промилле) и отбросил его в другую комнату, тем самым устранив какую-либо угрозу для жизни и здоровья, он схватил потерпевшего рукой за голову и с силой ударил ею об стену квартиры, отчего С. упал на пол. В этот момент К., фактически устранив опасность для жизни и здоровья, умышленно, с целью убийства на почве личных неприязненных отношений, наступил С. ногой на шею и удерживал (не менее 2 минут) потерпевшего до наступления смерти, то есть располагал достаточным временем, чтобы оценить обстановку и не осуществлять самочинную расправу. Таким образом, по нашему мнению, своими целенаправленными и осознанными действиями К. умышленно причинил смерть С. Решение суда обжаловано прокуратурой в надзорную инстанцию.

Другим примером является уголовное дело, возвращенное органами прокуратуры для проведения дополнительного следствия. Здесь возникли некоторые противоречия толкования одних и тех же обстоятельств между следствием и прокуратурой, и пока не удается прийти к консенсусу по уголовному делу в отношении Д. по факту убийства Л. в одном из районов Орловской области. Несмотря на обстоятельства, установленные следствием, свидетельствующие об умышленном причинении смерти (после неправомерных действий погибшего по удушению обвиняемого, последний освободился, то есть угроза жизни уже была устранена, потерпевший сидел на земле, однако обвиняемый с целью убийства взял кирпич и два раза нанес им удар в область головы потерпевшего), надзирающим прокурором дело неоднократно возвращалось для дополнительного следствия с указанием на наличие в действиях обвиняемого необходимой обороны (по мнению прокурора, в данном случае нападение носило длящийся характер и имел место коммулятивный аффект). Однако обвиняемый и потерпевший находились длительное время в дружеских отношениях, только после происшедшей ссоры в течение дня периодически наносили друг другу побои, оставаясь вместе дома, на улице, на работе, после чего и произошел конфликт, то есть коммулятивный аффект у обвиняемого отсутствовал**.

* Уголовное дело № 22-718/2015. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 03.06.2015 // Архив Орловского областного суда.

** Уголовное дело № 2013148097 // Архив Ливенского МСО СУ СК России по Орловской области.

Одно из основополагающих требований законодательной техники – отсутствие системных коллизий между предписаниями, содержащимися в одном или разных нормативных актах. По справедливому утверждению М.А. Тулигловича, «следует констатировать, что формально-логические противоречия в структуре правовых предписаний вызваны, порой, нежеланием законодателя обращаться к требованиям юридической техники при конструировании положений Общей части УК РФ. Данные обстоятельства обуславливают возникновение ситуаций, когда диспозиции предписаний, содержащихся в одном акте, могут вступать в противоречия с диспозициями норм других актов из-за отсутствия системности в их взаимосвязях» [6, с. 139].

Так, по-прежнему сложными на практике остаются вопросы о критериях отграничения правомерной необходимой обороны от превышения ее пределов, о применении гражданами при обороне оружия, о конкуренции необходимой обороны с иными обстоятельствами, исключаяющими преступность деяния. Кроме того, в связи с различным толкованием норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства прокуратурой и следственными органами, периодически складывается ситуация, когда следователь не может прекратить уголовное дело и уголовное преследование при наличии определенных обстоятельств, свидетельствующих о виновности обвиняемого, в то же время прокурор считает, что собранных доказательств недостаточно для утверждения обвинительного заключения. Однако в последующем, после возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия и прекращения последнего за отсутствием состава преступления, следуют неоднократные отмены прокурором решений о прекращении уголовного дела, на принятие которых активно влияют жалобы родственников потерпевшего.

Данные факты свидетельствуют не только о необходимости более детальной законодательной разработки признаков, характеризующих правомерность необходимой обороны, но и процедурных аспектов уголовно-процессуальной реализации материалов, содержащих данные о наличии в действиях лица признаков необходимой обороны. В связи с этим заслуживает внимания предложение о внесении в уголовно-процессуальное законодательство отдельной главы по аналогии с институтом применения принудительных мер медицинского характера.

В свете изложенного нам представляется целесообразным законодательно закрепить следующий алгоритм действий следственных органов по делам, связанным с наличием признаков необходимой обороны: следователь, собрав доказательства, свидетельствующие о совершении обвиняемым действий в условиях необходимой обороны или о превышении ее пределов, по итогам расследования уголовного дела готовит соответствующее ходатайство, направляет его для утверждения в прокуратуру, а в последующем в суд. В этом случае именно суд делает вывод о наличии либо отсутствии в действиях лица признаков необходимой обороны.

Кроме того, совершенствование уголовного законодательства о необходимой обороне могло бы идти по пути внесения изменений в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ. Речь идет о некоторых наиболее опасных типичных ситуациях, дающих гражданам возможность однозначно понимать, когда и как они могут защищаться, не боясь быть привлеченными к уголовной ответственности за причинение любого вреда нападающему. Это явилось бы действенным средством защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств.

Литература

1. Звечаровский И., Чайка Ю. Законодательная регламентация необходимой обороны // Законность. 1995. № 8.
2. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866.
3. Курс уголовного права. Общая часть: в 2 т.: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1.

4. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. 2012. 3 октября.

5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1.

6. Тулиглов М.А. Проблема законодательной регламентации превышения пределов крайней необходимости // Десять лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации: опыт применения и перспективы совершенствования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (28 февраля 2007 г.). Омск, 2007.

7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.

УДК 343.1

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
О ПРИМЕНЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
(УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)**

Вячеслав Владимирович Николюк, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Варсеник Артуровна Виноградова, преподаватель Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова кандидат юридических наук

E-mail: nvv56@mail.ru

tereksochi@rambler.ru

В статье дается анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по уголовно-процессуальным вопросам применения условно-досрочного освобождения осужденного от наказания. Авторы обращают внимание на сложности использования судьями отдельных правовых позиций высшего судебного органа страны в этой части.

Ключевые слова: суд; осужденный; досрочное освобождение от наказания; исполнение приговора; правовые позиции.

**THE LEGAL POSITION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT
ON THE APPLICATION OF CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM
PUNISHMENT (CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS)**

Vyacheslav Vladimirovich Nikoliuk, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor, honored scientist of the Russian Federation;

Varsenik Arturovna Vinogradova, lecturer of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.V. Lukyanov *Kandidat nauk* degree in Law

The article analyzes clarifications of the plenum of the Supreme Court on the application of Criminal Procedure parole from punishment. The authors draw attention to the complexity of the use of certain legal positions of judges of the highest judicial body of the country in this part.

Keywords: court; convict; parole from punishment; the sentence; the legal position.

Вопросы применения норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ, в совокупности регулирующих институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее – УДО), оказались в последнее время в зоне повышенного внимания законодателя, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ, ученых-юристов. Законодатель изменил формат института УДО, включив в него нового «игрока» – потерпевшего.

Так, сначала была предусмотрена возможность участия потерпевшего в судебных заседаниях по отдельным вопросам исполнения приговора (ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ), в частности, при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО. Внесенные Федераль-

ным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ дополнения в УПК РФ (ст. 42 и 313), УК РФ (ст. 74-75, 79-80, 85) и УИК РФ (ст. 97, 172.1) также были нацелены изменить сложившуюся и устоявшуюся за многие десятилетия практику условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, исключавшую участие потерпевшего (или хотя бы его своевременное извещение о предстоящем судебном заседании по указанному вопросу). Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ продолжил линию на укрепление правового статуса потерпевшего в делах об УДО.

Институт УДО скорректирован и в других направлениях: изменены формальные условия рассмотрения вопроса об УДО; на осужденного, претендующего на УДО, дополнительно возложена обязанность возместить ущерб, причиненный преступлением; суд теперь обязан учитывать результаты судебно-психиатрической экспертизы при рассмотрении ходатайства об УДО осужденного за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Несмотря на то, что в 2014 г. Верховный Суд РФ опубликовал «Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания», высший судебный орган страны в порядке реагирования на новеллы в законодательстве и имеющиеся разногласия в судебной практике спустя год вновь вернулся к вопросу об УДО: Пленум Верховного Суда РФ 17 ноября 2015 г. принял Постановление № 51 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания» и от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора». В данном документе, обязательном для нижестоящих судов, выражена позиция Верховного Суда РФ по ряду уголовно-процессуальных аспектов применения института УДО, на которых, полагаем, целесообразно остановиться.

«Застарелой болевой точкой» судебной процедуры рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, является отсутствие в гл. 47 УПК РФ нормы, предусматривающей виды решений, которые судья вправе вынести по поступившим в суд материалам в соответствии со ст. 397 УПК РФ. Выгодно в этом отношении отличается, например, порядок рассмотрения жалоб по правилам ст. 125 УПК РФ, четко устанавливающим, что по результатам рассмотрения жалобы судья выносит постановление о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение либо об оставлении жалобы без удовлетворения (ч. 5).

Надлежит отметить, что в рамках производства по материалам, поступающим в суд по вопросам, указанным в ст. 397 УПК РФ, судебная практика сталкивается с необходимостью реагирования суда на различные ситуации, возникающие еще до разрешения в судебном заседании соответствующего ходатайства или представления по существу. Имеются в виду случаи, когда инициатор (осужденный, его адвокат, учреждение или орган, исполняющий наказание, прокурор) направляет в суд материалы ранее срока, предусмотренного законом, не представляет в распоряжение суда обязательных документов, восполнить которые в судебном заседании объективно невозможно, отзывает ходатайство или представление. Закон, к сожалению, «не подсказывает», как поступать в этих случаях.

Обозначенная проблема не осталась без внимания исследователей. Одним из авторов статьи еще в 1989 г. было предложено дополнить закон нормой следующего содержания: «По представленным в суд материалам, связанным с исполнением приговора, судья выносит одно из следующих постановлений: 1) о назначении материалов к рассмотрению в судебном заседании; 2) о возвращении материалов для соответствующего оформления и дополнительной проверки; 3) об отказе в принятии материалов к рассмотрению; 4) о направлении материалов по подсудности» [4, с. 204].

Относительно категории дел об УДО О.В. Воронин пришел к выводу, что после поступления в суд ходатайства и материалов об УДО судья возбуждает производство и проводит подготовительные действия [2, с.152]. По мнению А.В. Беседина, «принятие судом (судьей) решения о начале уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора оформляется определением (постановлением)» [1, с. 94-95]. На пробелы УПК РФ в этой части указывает и Д.В. Тулянский [5, с. 81-82].

Если законодатель так и не предпринял конкретных шагов к детализации полномочий судьи по рассматриваемым материалам, связанным с исполнением приговора, то Верховный Суд РФ дал отдельные разъяснения подобного характера.

Так, в пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» применительно к ситуациям, когда в представленных для УДО осужденного материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения представления и в судебном заседании восполнить их невозможно, указано, что судья в ходе подготовки к рассмотрению представления своим постановлением возвращает эти материалы для соответствующего оформления. В пункте 16 этого же постановления разъяснено: судья, установив, что осужденный, его законный представитель, адвокат обратились с ходатайством об УДО ранее фактического отбытия осужденным части срока наказания, предусмотренной ч. 3 и 4 ст. 79, ч. 2 ст. 80, ст. 93 УК РФ, выносит постановление об отказе в принятии ходатайства и возвращает его заявителю. В тех случаях, когда ходатайство об УДО подано адвокатом по соглашению с родственниками осужденного или другими лицами, суд в судебном заседании обязан выяснить у осужденного, поддерживает ли он данное ходатайство. В случае его отказа от ходатайства суд своим постановлением прекращает производство.

Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 51), в случае отзыва осужденным, законным представителем либо с их согласия адвокатом ходатайства об УДО, заявленного до назначения судебного заседания, судья сопроводительным письмом возвращает им ходатайство. Если ходатайство отзывается после назначения судебного заседания, но до начала рассмотрения его по существу, судья выносит постановление о прекращении производства по ходатайству или представлению.

Из содержания приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что по поступившим в суд материалам в соответствии с п. 4 ст. 397 УПК РФ судья еще до принятия решения по существу (удовлетворить ходатайство об УДО либо отказать в его удовлетворении) может принять следующие решения с отражением их в соответствующем постановлении: а) вернуть материалы для соответствующего оформления; б) отказать в принятии ходатайства и вернуть его заявителю; в) прекратить производство по УДО. Кроме того, без вынесения постановления судья может вернуть ходатайство с сопроводительным письмом.

В пункте 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» разъяснено, что, если в поступивших материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения ходатайства или представления и в судебном заседании восполнить их невозможно, суд в ходе подготовки к его рассмотрению возвращает эти материалы для соответствующего оформления. Данное положение носит общий характер, распространяется на все вопросы, перечисленные в ст. 397 УПК РФ, в том числе на УДО. Однако оно недостаточно конкретизировано, в нем не детализируется порядок процессуального оформления решения о возвращении материалов инициатору их направления в суд (с вынесением или без вынесения постановления).

Таким образом, Верховный Суд РФ фактически восполняет пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве в анализируемой части и делегирует суду полномо-

чия, которые прямо в УПК РФ не прописаны. Причем такие полномочия действительно суду требуются, поскольку «отклонения» в движении материалов после их поступления в суд объективно детерминированы возникающими в реальной жизни ситуациями. Сравнительно порядок подготовки к рассмотрению судом уголовных дел и материалов по вопросам исполнения приговора, надлежит отметить, что в гл. 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию» довольно подробно урегулированы подготовительные действия судьи по поступившему уголовному делу. Предусмотрено, в частности, вынесение постановлений о возвращении уголовного дела прокурору, о приостановлении и прекращении уголовного дела, о направлении уголовного дела по подсудности (ст. 236 УПК РФ). В главе 47 УПК РФ «Исполнение приговора» подобных норм нет, и это серьезная недоработка законодателя.

Нельзя не обратить внимание и на то, что позиция Пленума Верховного Суда РФ в той части, где предлагается судьям возвращать поступившие материалы на УДО без вынесения постановления, ограничившись составлением сопроводительного письма, не безупречна. Она (позиция) «завязана» на момент назначения судебного заседания. Однако по этой категории дел решение о назначении судебного заседания, в отличие опять же от порядка рассмотрения уголовных дел, не оформляется вынесением постановления. Данный этап производства по делам УДО «размыт», и на него ориентироваться сложно.

Следует затронуть и такой аспект: могут ли обжаловаться в апелляционном порядке судебные решения, которые не разрешают по существу ходатайство осужденного (его законного представителя, адвоката) об УДО? В части 1 ст. 401 УПК РФ делается акцент на том, что обжалованию подлежат постановления судьи, вынесенные *при раз-решении* (выделено нами – *В.Н., В.В.*) вопросов, связанных с исполнением приговора. Во всех перечисленных выше случаях, о которых высказался Пленум Верховного Суда РФ, решения судом принимаются до разрешения по существу ходатайства осужденного об УДО. Поэтому надо прояснить обозначенную ситуацию в контексте конституционной нормы о праве судебного обжалования (ст. 46 Конституции РФ).

Следующее разъяснение высшего судебного органа страны, которое нуждается в комментарии, касается круга субъектов обжалования решений, принятых судьей по результатам рассмотрения ходатайства об УДО. В пункте 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (в ред. от 17.11.2015 № 51) отмечается, что должностное лицо учреждения или органа, исполняющего наказание, может быть представителем в суде при наличии доверенности от начальника этого учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако такое должностное лицо не вправе обжаловать постановление суда в апелляционном, кассационном или надзорном порядке, так как в соответствии с законом (гл. 45.1, 47.1, 48.1 УК РФ) право обжалования судебного решения принадлежит осужденному, его законному представителю, адвокату, прокурору, а также потерпевшему, его законному представителю, представителю.

Приведенная позиция Пленума Верховного Суда РФ весьма своевременна, поскольку в настоящее время в теории уголовного процесса обосновывается точка зрения, согласно которой целесообразно наделить представителя администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, правом обжалования постановления суда по вопросу досрочного освобождения осужденного от наказания [3, с. 313]. Главный аргумент в пользу такой точки зрения – данное право будет способствовать повышению ответственности представителя администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, за свою позицию, высказанную в судебном заседании. Мнение авторов статьи заключается в следующем: так же, как орган расследования, направивший в суд уголовное дело, не наделен правом обжалования приговора или постановления о прекращении уголовного дела, так и учреждение или орган, исполняющие наказание, не должны быть субъектами апелляции. Иначе это не соответствовало бы положению суда в системе государственных органов и выполняемой им функции правосудия. Предста-

витель учреждения или органа, исполняющих наказание, имеет возможность обратиться к прокурору с обоснованием необходимости внесения апелляционного представления на судебное решение. Что касается ответственности представителя учреждения или органа, исполняющих наказание, за отстаиваемую в судебном заседании позицию, то резервы ее повышения надо искать в организационно-управленческой сфере.

Литература

1. Беседин А.В. Защита в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995.
2. Воронин О.В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск, 2004.
3. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
4. Николюк В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989.
5. Тулянский Д.В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2007.

УДК 343.16

ИНСТИТУТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Николай Николаевич Веретенников, заместитель председателя
Хабаровского краевого суда кандидат юридических наук

E-mail: veretnn@mail.ru

В статье дается краткий анализ развития и становления института присяжных заседателей. Раскрывая роль и место судебной власти в условиях особых правовых режимов с участием присяжных заседателей, автор приходит к выводу о том, что в условиях чрезвычайного и военного положений правовые нормы, регулирующие деятельность присяжных заседателей, должны быть скорректированы в сторону их ограничения, а на театре военного противостояния действия данного института должны быть временно приостановлены.

Ключевые слова: присяжные заседатели; чрезвычайное положение; военное положение; военные действия; судебная власть; правовые нормы; ограничения.

THE JURY IN THE TERMS SPECIAL LEGAL REGIMES

Nikolay Nikolaevich Veretennikov, deputy chairman of the Khabarovsk
regional court *Kandidat nauk* degree in Law

The article gives a brief analysis of the development and formation of the Institute of jurors. Revealing the role and place of the judiciary in the conditions of special legal regimes with the participation of jurors, the author comes to the conclusion that in conditions of emergency and martial law, the legal norms regulating the activities of jurors, shall be adjusted towards their limits, and in the theater of military conflict, the actions of this institution should be temporarily suspended.

Keywords: jurors; the state of emergency; martial law; military actions; judicial power; legal norms; restrictions.

Институт участия граждан в отправлении правосудия в мировой практике насчитывает не одно тысячелетие.

Представительство народа в осуществлении правосудия в Древней Греции отличалось тем, что греки старались формировать коллегии таким образом, чтобы они отражали и олицетворяли весь греческий народ. При таком судоговорении судебные коллегии в своем составе достигали несколько сот человек и были в практике нередки (как можно было управлять такими коллегиями и выносить решения, представить сложно).

Римляне, позаимствовав идею коллегияльных судов, ее несколько реформировали, держась принципа, что голоса судей нужно не только считать, но их необходимо еще и взвешивать, поэтому они никогда не увлекались многочисленными коллегиями [16, с. 20]. Римское правосудие с участием присяжных не отличалось объективностью, поскольку, как отмечал историк Г.М. Левицкий, «со времен Суллы правосудие отправлялось присяжными из числа сенаторов. Они ревностно исполняли свои обязанности до тех пор, пока в качестве обвиняемого не представлял их коллега. И тогда добиться осуждения было практически невозможно, каким бы тяжким ни было преступление. Брали верх если не деньги, то чувство сострадания к провинившемуся собрату» [9, с. 120].

В более поздний период развития империи становление получила экстраординарная уголовная юстиция. Префекту претория и другим высшим чиновникам государства император делегировал право «уголовного суда», при котором присяжные были исключены из судопроизводства в рассмотрении дел в судах [17, с. 174-189].

В Англии XV в. присяжные отбирались шерифом из двенадцати местных землевладельцев, которых называли судьями факта, для рассмотрения дел вместе с профессиональным судьей. До последней четверти XVII в. судебные присяжные хотя и составляли свои вердикты независимо от коронных судей, находились под их давлением. Судьи могли возвращать присяжных в совещательную комнату и даже держать их под арестом, пока те не вынесут нужной судье вердикт [1, с. 51].

Буржуазные преобразования, происшедшие в Европе и России в XVIII-XIX вв., позволили ввести новый формат в организацию деятельности института участия граждан в отправлении правосудия.

Историческое становление и развитие суда присяжных в России связано с судебной реформой 1864 г. Оценивая необходимость введения института участия народа в отправлении правосудия, И.Я. Фойницкий писал: «Институт присяжных заседателей введен у нас не как вынужденная народом у правительства уступка, а добровольным его актом как видоизменение прежних, уже устаревших форм народного участия, идея которого глубоко коренится в нашей жизни и неразрывна с нашим национальным воззрением на правосудие» [18, с. 139].

Октябрь 1917 г. упразднил данный институт, поскольку, по мнению пролетарских идеологов, назвав присяжных представителями народа в суде, буржуазия стремилась ограничить, в своих интересах, права коронного судьи, заполнив, по мнению К.Маркса, «пробелы в законе широтой буржуазной совести» [3, с. 598].

Демократический период развития России характеризуется возвращением института присяжных заседателей. Впервые на официальном уровне об этом было заявлено Верховным Советом РСФСР в Концепции судебной реформы от 24 октября 1991 г. По мнению высшего законодательного органа, к числу достоинств суда присяжных относились: привнесение в атмосферу казенной юстиции житейского здравого смысла и народного правосознания, стимулирование состязательности процесса и способность испытывать правоту законов применительно к конкретному случаю [11].

В дальнейшем институт присяжных заседателей был закреплен в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, согласно которой граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. Более детально механизм реализации указанного конституционного принципа изложен в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [13].

В данном нормативно-правовом акте подробно изложены требования, предъявляемые к присяжным заседателям, порядок и сроки составления списков кандидатов, порядок и сроки исполнения гражданином обязанностей присяжного заседателя, а также гарантии независимости и неприкосновенности присяжного заседателя и их материальное обеспечение.

Вопросов участия представителей народа в осуществлении правосудия в условиях особых правовых режимов ни данный закон, ни иной процессуальный закон не содержат, и указанный пробел, по нашему мнению, является существенной недоработкой органов представительной власти, поскольку порождает ряд проблем при осуществлении правосудия в экстремальных условиях.

Постсоветская история России знает несколько случаев, когда в отдельных республиках Северного Кавказа вводилось чрезвычайное положение. Так, Указом Президента РФ в декабре 1994 г. на части территории Северной Осетии и Ингушетии с целью обеспечения государственной и общественной безопасности было введено чрезвычайное положение [10]. В этот же период времени фактически чрезвычайное положение было введено и на территории Чеченской Республики [12].

Опыт выполнения Указов Президента РФ на территориях, где было введено чрезвычайное положение, показал, что в условиях, когда незаконными вооруженными формированиями осуществляется попытка захвата или присвоения власти, организуются массовые беспорядки, проводятся террористические акты, блокируются и захватываются особо важные объекты или отдельные территории, разжигаются межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, институт присяжных заседателей не может функционировать в силу следующих обстоятельств:

- во-первых, в связи с полным или частичным приостановлением полномочий органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления, а иногда с их ликвидацией, организация и реализация механизма участия присяжных заседателей в судопроизводстве не представляется возможной;

- во-вторых, отсутствуют надлежащие условия, при которых могут быть обеспечены беспристрастность и объективность присяжных заседателей в процессе судебного разбирательства на данных территориях, поскольку волю присяжного заседателя можно заблокировать или направить в «нужное русло» под страхом физической расправы над ним самим или его близкими родственниками;

- в-третьих, современные информационные технологии позволяют идеологам незаконных вооруженных формирований оказывать значительное влияние на правовое и религиозное сознание населения. В связи с этим Н.В. Исаева обоснованно замечает, что в ряде республик Северного Кавказа сформировалось целое поколение молодых людей, для которых не только состояние военного конфликта, но и религиозная обособленность стали обычными, повлияли на их мировоззрение, культурные, включая правовые, ценности [8, с.2-5].

Кроме того, как полагает Д.Х. Сайдумов, одним из негативных элементов для отправления беспристрастного правосудия является и особенность национального менталитета, довлеющего над обществом, которое выражается в поиске, в том числе и в судебной системе, родственных уз, всегда имевших сильное значение в северо-кавказских обществах, как вспомогательное средство «содействия» в решении личных вопросов [15, с. 49-52].

При таких обстоятельствах правосудие с участием присяжных заседателей в экстремальных условиях может привести к формуле: осуждение лица, не причастного к совершению преступления, и освобождение от ответственности виновного лица.

Что же касается осуществления правосудия с участием присяжных заседателей в условиях чрезвычайного положения, связанного с природными, техногенными, экологическими и иными экстремальными ситуациями (п. «б» ч. 1 ст. 3 Федерального кон-

ституционного закона РФ «О чрезвычайном положении»), данный институт также требует ревизии и соответствующих изменений.

Анализ норм Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» показывает, что механизм формирования общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели, а также порядок и сроки их составления являются длительным процессом, включающим в себя несколько этапов. Кроме того, качество составления списков присяжных заседателей также далеко от совершенства, поскольку обусловлено отсутствием данных о наличии объективных причин, препятствующих исполнению обязанностей присяжного заседателя. Число присяжных заседателей, подлежащих вызову в судебное заседание, также может быть подвергнуто изменению вследствие как мотивированного, так и немотивированного отвода, что создаст угрозу срыва судебного заседания, в том числе на заключительных стадиях процесса [7, с. 41-45].

При подобном механизме отбора и участия присяжных заседателей в условиях, когда для ликвидации последствий масштабного бедствия природного, техногенного и иного характера требуется привлечение значительных мобилизационных (людских), материальных, финансовых и сырьевых ресурсов региона и федерального центра, институт присяжных заседателей может дать сбой вследствие элементарного отсутствия необходимого количества кандидатов в присяжные заседатели.

Особым правовым режимом является и военное положение, которое устанавливается на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (ст. 1 ФКЗ «О военном положении»).

При этом режим военного положения условно можно разделить на два подрежима: режим военного положения на театре военных действий и режим военного положения на иных территориях (прифронтовые и тыловые районы).

Вполне очевидно, что на театре военных действий судебная власть осуществляется только военными судами, поскольку в зоне боевых действий фронтов и армий по отражению агрессии против Российской Федерации органы государственной власти, в том числе и территориальные гражданские суды, эвакуируются в прифронтовые или тыловые районы.

Возможно ли участие присяжных заседателей в отправлении правосудия военными судами на театре военных действий? Думается, что это проблематично по следующим основаниям:

- на театре военных действий, как было сказано выше, органы государственной власти прекращают свое действие (за исключением временных административных органов или военных комендатур), а значительная часть трудоспособного населения эвакуируется в безопасные районы страны, соответственно реализовать механизм формирования коллегии присяжных заседателей не представляется возможным;

- в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 7 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» военнотружущие исключены из числа лиц, имеющих право на участие в отправлении правосудия.

Даже если допустить, что законодатель изменит свое отношение к людям в погонах и военнотружущие театра военных действий смогут осуществлять правосудие в качестве присяжных заседателей, эффективность работы такого суда будет крайне низка, а то и вовсе опасна.

Единственной страной, которая провела эксперимент и учредила институт присяжных заседателей на театре военных действий, была Россия. Сохранились мнения участников Первой мировой войны относительно данного института на театре военных действий.

Известный русский полководец, публицист и военный документалист А.И. Деникин, убежденный сторонник института присяжных заседателей для общего граждан-

ского суда и общегражданских преступлений, считал его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война, как отмечал А.И. Деникин, – слишком суровое, слишком беспощадное явление, чтобы можно было регулировать его мерами, столь гуманными. Психология «подчиненного» резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко подымаясь до ясного понимания государственной необходимости [5, с. 134-135]

В своих воспоминаниях С.В. Милицын – гражданский чиновник, который в возрасте сорока трех лет добровольно вступил вольноопределяющимся в Преображенский полк, высказался более категорично: «Я впервые столкнулся с институтом присяжных заседателей в военных судах. Вот крайне жалкая и неудачная реформа, а главное, ненужная. Ее, кажется, никто не просил и не требовал. Почему она проведена? Не по соображениям ли чисто программного характера и либеральной моды? Давать перевес бытовым и иным соображениям над требованиями закона там, где все держится на строгой, неумолимой дисциплине, – разве это не недоразумение?» [2, с. 174-175].

Анализируя причины поражения русской армии в Первой мировой войне, А.И. Деникин пришел к выводу, что непродуманные шаги Временного правительства, в том числе и введение в армии института присяжных заседателей, окончательно подорвали устои русской армии. Они внесли безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, отняв у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и это окончательно развалило армию [6, с. 205-206].

Последующие попытки Временного правительства исправить ситуацию не принесли желаемого результата, маховик истории с неумолимой силой раскручивал трагические события. Отмена института присяжных заседателей не принесла желаемого результата, поскольку ситуация вышла из-под контроля и точка невозврата была пройдена с наступлением глобального социального кризиса [4, с. 150-151].

Не может существовать институт присяжных заседателей с участием военнослужащих в боевых условиях и вследствие того, что в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащих в первую очередь возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации, связанные с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях [14].

Подлежит пересмотру и количество присяжных заседателей при осуществлении правосудия в условиях военного положения в прифронтовых и тыловых районах, поскольку, как и в условиях чрезвычайного положения, значительное количество людских ресурсов прифронтовых местностей и тыловых районов будет задействовано в решении задач по выпуску военной продукции, сооружению фортификационных оборонительных рубежей, ликвидации последствий вражеских налетов и других работах.

При таких обстоятельствах, в целях исключения ситуации, когда правовая норма есть, а ее невозможно реализовать при рассмотрении дел в условиях особых правовых режимов, предлагается в ч. 2 ст. 30 УПК РФ внести дополнения следующего содержания:

- «В случаях введения чрезвычайного положения, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении», военного положения, предусмотренного Федеральным конституционным законом «О военном положении» (на театре военных действий), действие п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ временно приостанавливается;

- «В случаях введения чрезвычайного положения, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении», военного положения, предусмотренного Федеральным конституционным законом «О военном положении», судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из шести

присяжных заседателей – по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, указанных (и далее по тексту).

Кроме того, часть 1 ст. 1 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» необходимо дополнить следующей нормой: «Ограничение рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в окружных (флотских) военных судах устанавливается только федеральным законом».

Таким образом, предложенные дополнения в материальное и процессуальное право, регулирующие участие присяжных заседателей в осуществлении правосудия в условиях особых правовых режимов, ликвидируют белые пятна в правовой системе Российской Федерации.

Литература

1. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996.
2. Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2.
3. Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 20.
4. Веретенников Н.Н. Военные суды Первого мирового кризиса // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37).
5. Деникин А.И. Крушение власти и армии. (Февраль-сентябрь 1917 г.). Париж, 1921.
6. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Брюссель, 1921.
7. Джабраилов М.А. Проблемы совершенствования механизма формирования коллегии присяжных заседателей // Российский следователь. 2012. № 22.
8. Исаева Н.В. Конституционные ценности в правовой идентичности личности: к постановке проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16.
9. Левицкий Г.М. Марк Красс. М., 2012.
10. О введении чрезвычайного положения на части территорий Республики Северная Осетия и Ингушской Республики: указ Президента РФ от 2 декабря 1994 г. № 2145 (в ред. от 09.12.1994) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3335.
11. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
12. О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта: указ Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3422.
13. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.
14. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
15. Сайдумов Д.Х. Суд присяжных в Чеченской Республике и его место в современной судебной системе Чечни // Общество и право. 2011. № 3.
16. Семяка-Максимович Г. Облегчение суда. Петроград, 1916.
17. Уколова В.И. Римское право // Немировский А.И., Ильинская Л.С., Уколова В.И. Античность: история и культура. М., 1994.
18. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1.

УДК 343.1

ВЛИЯНИЕ КОМПРОМИССА НА КАЧЕСТВО И ПОЛНОТУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Марина Михайловна Чепик, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: marina_chepik@mail.ru

В статье рассматривается современная тенденция активного внедрения в уголовный процесс различных форм компромисса. Автором на примере института особого порядка судебного разбирательства анализируется влияние компромиссов на полноту и качество предварительного расследования. Обосновывается вывод о необходимости законодательного закрепления требований всесторонности, полноты и объективности в качестве критериев оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела.

Ключевые слова: компромисс; особый порядок; исследование обстоятельств уголовного дела; всесторонность; полнота; объективность; экономия.

THE EFFECT OF COMPROMISE ON THE QUALITY AND COMPLETENESS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Marina Mikhailovna Chepik, post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with the current trend of active introduction in criminal trial of various forms of a compromise. The author of the example of the institute special order trial analyzes the impact of compromises on the completeness and quality of the preliminary investigation. The conclusion about the need to consolidate the legislative requirements of comprehensiveness, completeness and objectivity as the criteria for evaluating the quality of investigation of the circumstances of criminal case.

Keywords: compromise; special procedure; investigation of the circumstances of criminal case; comprehensive; full; objective; economy.

Введенный в действие с 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации представляет собой отражение основных направлений концепции судебной реформы 1991 г. Многие существовавшие до его принятия правовые положения были трансформированы с учетом складывающейся в стране политической и социально-экономической обстановки. Вектор уголовной политики государства обратился в сторону демократических преобразований и гуманизации.

В связи с этим не удивительно, что законодатель обратил свое внимание на поиск альтернативных способов разрешения конфликта, возникающего в связи с совершением преступления. Рассматривая само преступление как конфликт интересов общества и государства, законодатель все больше стремится к ускорению и упрощению уголовного судопроизводства, отказываясь от традиционных, сформированных еще в советское время, «бескомпромиссных» методов уголовного преследования, в том числе путем внедрения в уголовное судопроизводство различных форм компромисса. В настоящее время в действующем Уголовно-процессуальном кодексе нашли свое отражение различные виды компромисса, например: примирение сторон (ст. 25 УПК РФ), деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ), особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), сокращенноеозна-

ние (гл. 32.1 УПК РФ). И это далеко не исчерпывающий перечень введенных законодателем видов компромисса.

Расширение объема применяемых видов компромисса в современном уголовном процессе России происходит не случайно. Существовавшая ранее и выработанная еще в советское время процедура разрешения уголовных дел была сложной и громоздкой. Достаточно упомянуть лишь то обстоятельство, что факты, установленные в рамках предварительного расследования, должны были вновь найти свое отражение в ходе судебного разбирательства, то есть и следователь (дознатель), и суд, как минимум, два раза исследовали одни и те же факты по одному уголовному делу. Такой порядок рассмотрения уголовных дел приводил к существенным материальным издержкам государства, требовал значительных затрат времени и сил правоприменителя, ограничивал скорость рассмотрения судьями уголовных дел, что, вкупе с возросшим в постсоветское время уровнем преступности в нашей стране, приводило к постоянному и повсеместному нарушению судьями процессуальных сроков разрешения уголовных дел.

Путем введения компромисса в уголовный процесс законодатель получил возможность:

- экономить силы и финансовые средства государственных органов, осуществляющих уголовное преследование и судебное разбирательство по уголовным делам, являющимся наименее общественно опасными;
- сориентировать лицо, совершившее общественно опасное деяние, на сотрудничество с правоохранительными органами путем предоставления ему соответствующих процессуальных гарантий;
- оптимизировать уголовное судопроизводство, сократив временные затраты на его проведение, сделав процесс менее длительным.

Действительно, в настоящее время из всего массива рассмотренных судами уголовных дел большую часть составляют дела, в которых применяются различные компромиссы, в частности, особый порядок судебного разбирательства и находящиеся с ним во взаимосвязи институты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также дознания в сокращенной форме. Так, например, в 2013 г. из 943 939 рассмотренных судами уголовных дел 591 529 (62,7% от общего количества) были рассмотрены в порядке гл. 40 УПК РФ, в 2014 г. – 598 212 дел (63,2% от общего количества). За первое полугодие 2015 г. судами по правилам ст. 316, 317 УПК РФ было рассмотрено 299 875 (61,9% от общего количества) уголовных дел из 484 471 дела, поступившего в суд*. Такая положительная динамика увеличения количества рассмотренных в особом порядке уголовных дел свидетельствует о достижении вышеуказанных целей, поставленных законодателем перед этим институтом.

Следовательно, можно констатировать, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением – это своеобразный «подарок» законодателя не только судам первой инстанции, но и в целом всей судебной системе [4, с. 28]. В рамках указанного института быстрота рассмотрения дела достигается за счет отказа от общего порядка исследования и оценки доказательств – судебного следствия. Это, несомненно, «разгружает» судебную систему, сокращая время, необходимое на судебное разбирательство.

Анализируя институт особого порядка судебного разбирательства, А.В. Булыгин отмечает, что его сущность состоит «в реализации упрощенной процедуры, при которой процессуальная экономия достигается вследствие отказа от судебного следствия в полном объеме и установления фактических обстоятельств содеянного путем непосредственного исследования доказательств в судебном заседании, а приговор основыв-

* Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013-2015 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.01.2016).

вается на доказательствах, собранных органами предварительного расследования» [2, с. 9].

В условиях применения компромиссных норм, в частности особого порядка судебного разбирательства, исследование обстоятельств уголовного дела проводится фактически лишь на стадии предварительного расследования следователем (дознавателем), а суд ограничивается только изучением сведений о личности обвиняемого, имеющих в материалах уголовного дела, не проверяя доводы, изложенные стороной обвинения. Кроме того, осужденный не может обжаловать приговор, постановленный без проведения судебного разбирательства в общем порядке, в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела [7]. Это связано в первую очередь с тем, что вышеобозначенные обстоятельства не исследовались судом первой инстанции.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением К. Титаева и М. Позднякова, утверждающих, что «если следователь заранее договорился с обвиняемым о том, что его дело будет рассматриваться в особом порядке, то он может существенно менее тщательно работать над сбором доказательств. По большому счету, уголовное дело никто читать не будет» [8].

По нашему мнению, данный порядок или, правильнее сказать, возможность рассмотрения уголовного дела в таком порядке выгодна не только судьям, но и лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также защитникам. Уже с момента возбуждения уголовного дела следователь (дознаватель) может просчитать возможность рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ, ведь нужно всего лишь знать категорию преступлений, по которым возможно применение указанного порядка судопроизводства, а также условия его применения. Далее лицу, осуществляющему предварительное расследование, необходимо осведомить подозреваемого или обвиняемого о возможности рассмотрения дела в указанном порядке, не забыв упомянуть о выгоде в виде назначения судом наказания, которое не превышает две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное им преступление (ст. 316 УПК РФ). Кроме того, разъясняется, что ему не нужно будет участвовать в длительной и утомительной процедуре судебного следствия.

Подобные действия следователя (дознавателя) нередко приводят к тому, что лицо, совершившее преступление, признает свою вину и дает подробные показания об обстоятельствах совершенного им деяния. Следователь (дознаватель), в свою очередь, получив признание и показания, не утруждает себя дальнейшим углубленным исследованием обстоятельств уголовного дела, ограничившись лишь обстоятельствами, установленными ст. 73 УПК РФ, заранее зная, что суд не будет проводить исследование и оценку доказательств в общем порядке. Все это позволяет лицу, ведущему предварительное расследование по делу, снизить собственные затраты на производство следственных и процессуальных действий. Таким образом, упомянутое предложение является некой «уловкой» лица, осуществляющего расследование, приводящей к процессуальному компромиссу.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что предусмотренная гл. 40 УПК РФ процедура судебного разбирательства не может полноценно гарантировать соблюдение принципа презумпции невиновности, поскольку ее уязвимость проявляется в том, что решение суда о виновности или невиновности лица основывается исключительно на выводах, изложенных органами предварительного расследования, которые, при согласии подсудимого на особый порядок, не могут быть в дальнейшем им обжалованы. Поэтому возникает вопрос о полноте и качестве проведенного расследования.

В настоящее время законодатель ориентирует субъектов, проводящих расследование, на определенную дуалистичность. С одной стороны, необходимо сократить трудозатраты государственных органов, сэкономить финансовые средства на их содержание путем включения в производство различных видов компромисса. С другой сторо-

ны, появилась возможность игнорировать такие постулаты, как «всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела», «установление истины по уголовному делу» и т.д. [1, с. 7]. Такая процессуальная экономия расширяет пределы внедрения компромисса, все чаще затрагивая именно сферу исследования обстоятельств уголовного дела.

Однако исследование обстоятельств и доказательств дела по-прежнему является фундаментом уголовно-процессуальной деятельности и происходит в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства. Результаты такого исследования ложатся в основу промежуточных и итоговых процессуальных решений, в том числе и приговора, ведь справедливость приговора напрямую зависит от указанных постулатов. Поэтому так важно, чтобы все обстоятельства дела были качественно исследованы в ходе предварительного расследования, так как в пределах этой стадии выстраивается вся доказательственная база. В такой ситуации особое значение приобретают критерии, на основе которых делается вывод о полноте и качестве проведенного исследования.

В связи с этим отказ от общего критерия оценки качества содержания уголовно-процессуальной деятельности, хотя бы применительно к досудебному производству, совмещенный со стремлением сократить сроки, «расшатала» так называемую концепцию баланса качества правосудия и соразмерной продолжительности производства по делу [6, с. 113].

Не вызывает сомнений тезис о том, что качество исследования обстоятельств уголовного дела и эффективность указанного процесса связаны между собой общими целями и задачами, стоящими перед уголовно-процессуальным правом, и поэтому некачественно проведенное расследование по уголовному делу не может быть эффективным и, как следствие, не отвечает требованиям, стоящим перед уголовным судопроизводством.

Исходя из этого, возникает необходимость в выработке наиболее приемлемых и адекватных показателей, на основе которых будет осуществляться оценка качества деятельности по исследованию обстоятельств уголовного дела, так как нормы действующего УПК РФ таких критериев не содержат.

В.К. Зникин, анализируя уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения, делает вывод, что правовыми требованиями, составляющими качество расследования преступлений, являются: законность, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела, обоснованность и мотивированность предъявленного обвинения [3, с. 21].

По нашему мнению, именно всесторонность, полноту и объективность следует определить в качестве основных критериев оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела, ведь при их соблюдении не может вставать вопрос об обоснованности и мотивированности предъявленного обвинения.

Обратившись к истории, мы увидим, что обозначенные нами критерии достаточно традиционны для российского уголовного процесса и присутствовали в его нормах, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и заканчивая УПК РСФСР 1960 г. Именно в рамках последнего, в ст. 20 УПК РСФСР они наиболее полно нашли свое отражение. Содержание этой статьи составляют нормы, обязывающие суд, прокурора, следователя, а также дознавателя принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, установить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. При этом необходимо отметить, что нормами УПК РСФСР предусматривался институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и одним из оснований такого возвращения выступало именно нарушение ст. 20 УПК РСФСР.

Говоря о содержании понятий «всесторонность», «полнота» и «объективность», можно констатировать, что учеными-процессуалистами они трактуются достаточно неоднозначно и разнообразно.

В самом общем виде всесторонность рассматривается как выяснение всех обстоятельств уголовного дела, включая обстоятельства, отягчающие, смягчающие или устраняющие уголовную ответственность за совершенное деяние, путем выдвижения и проверки всех возможных версий. Полнота – требование исследовать все обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Объективность – непредвзятое отношение субъектов, осуществляющих исследование обстоятельств уголовного дела, как к самому исследованию, так и к потерпевшему, обвиняемому и другим участникам уголовного судопроизводства.

В рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса законодатель отказался от упомянутых в ст. 20 УПК РСФСР требований. В частности, руководитель группы разработчиков действующего УПК РФ Е.Б. Мизулина объясняла это следующим образом: «Задачи уголовного судопроизводства – соблюдение прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс, и если в ходе уголовного судопроизводства не будут нарушены права граждан, то его задачи выполнены. Установление истины больше не является целью уголовного судопроизводства» [5, с. 146]. Таким образом, по мнению разработчиков действующего уголовно-процессуального закона, отсутствие необходимости в установлении истины по уголовному делу исключает применение критериев полноты, объективности и всесторонности, поскольку само соблюдение прав граждан уже является конечной целью уголовной политики государства.

Из этого следует, что в настоящее время одними из средств достижения целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 действующего уголовно-процессуального закона, выступают максимальное упрощение судопроизводства и уменьшение затрат на его осуществление.

Вместе с тем распространение компромиссных форм в связи с упомянутым стремлением государства к минимизации затрат в сфере правоохранительной деятельности, при отсутствии каких-либо законодательно закрепленных критериев оценки качества исследования обстоятельств совершенного преступления, лишает процесс расследования возможности достижения истины по уголовному делу.

Включение в УПК РФ нормы, содержащей такие критерии оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела, как полнота, объективность и всесторонность, будет способствовать обеспечению и защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, повышению качества расследования и рассмотрению уголовных дел в суде, достижению истины по уголовному делу.

По нашему мнению, наиболее целесообразным будет помещение указанной нормы в разд. VIII УПК РФ, а именно в гл. 20 «Общие условия предварительного расследования».

Литература

1. Бахта А.С. Компромиссы в уголовном процессе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 1 (26).
2. Булыгин А.В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке гл. 40 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
3. Зникорин В.К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3).
4. Каретников А.С. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10.

5. Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства: проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107).

6. Некенова С.Б. Обеспечение права на разумный срок уголовного судопроизводства // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 1 (17).

7. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (в ред. от 22.12.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах. СПб., 2012.

УДК 343.1

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Валерия Васильевна Алексеева, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: v.v.alexeeva@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм УПК РФ, регулирующих формы предварительного расследования. Выделены черты сходства и отличия предварительного следствия и дознания. Автор приходит к выводу о том, что предварительное следствие по существу не отличается от дознания, и, в связи с этим, считает необходимым отказаться от существующей модели дифференциации форм предварительного расследования на предварительное следствие и дознание.

Ключевые слова: форма предварительного расследования; предварительное следствие; дознание; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

THE RATIO OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY AS A FORM OF PRE-TRIAL INVESTIGATION

Valeriya Vasilevna Alexeeva, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to a comparative analysis of the legal rules governing the form of the preliminary investigation. Highlighted the similarities and differences between the preliminary investigation and inquiry. The author concludes that the preliminary investigation does not differ essentially from the inquiry. In this connection, we consider it necessary to abandon the model of the modern forms of differentiation of the preliminary investigation on the preliminary investigation and inquiry.

Keywords: the form of the preliminary investigation; preliminary investigation; inquiry; criminal procedure code of the Russian Federation.

В уголовно-процессуальной теории имеются различные определения «предварительного расследования». Например, Н.А. Жукова и О.В. Диденко указывают, что это специфический вид деятельности, осуществляемой органами следствия и дознания, включающей в себя собиране, проверку, оценку доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, их полное и всестороннее исследование, быстрое раскрытие преступления, изобличение лица, совершившего преступ-

ление, и привлечение его к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, принятие мер по пресечению преступлений, выявление и устранение причин и условий, способствующих к их совершению, а также мер по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлением [1, с. 54].

По нашему мнению, удачно сформулировано следующее определение предварительного расследования. Предварительное расследование является самостоятельной стадией (этапом) уголовного судопроизводства, представляющей собой урегулированную законом, облеченную в форму правовых отношений деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокурора и других участников, осуществляемую в установленном порядке, назначение которой заключается в доказывании события преступления, виновности лица, его совершившего, и других имеющих значение обстоятельств, а также в создании иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде [5, с. 204].

Нормативной основой форм предварительного расследования является статья 150 УПК РФ. Согласно ч. 1, 1.1 ст. 150 УПК РФ, предварительное расследование преступлений осуществляется в форме предварительного следствия либо в форме дознания, которое, в свою очередь, подразделяется на два вида: дознание в общем порядке и дознание в сокращенной форме.

Производство предварительного следствия является обязательным по всем уголовным делам, исключением являются уголовные дела о преступлениях, по которым в соответствии с ч. 3 ст. 150 УПК РФ производится дознание. Таким образом, предварительное следствие – это основная форма предварительного расследования.

Дознанием является форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ). В соответствии со ст. 223 УПК РФ предварительное расследование уголовных дел в форме дознания осуществляется в порядке, закрепленном в гл. 21, 22 и 24-29 УПК РФ (регламентирующей деятельность органов предварительного следствия), с особенностями, указанными в гл. 32 УПК РФ.

А.Б. Соловьев и М.Е. Токарева считают, что дознание как форма предварительного расследования имеет существенные отличия от предварительного следствия. Они отмечают, что дознание проводится в более сжатые сроки; отсутствует процедура предъявления обвинения; по итогам расследования составляется обвинительный акт, который содержит формулировку обвинения и квалификацию деяния в соответствии с УК РФ [3, с. 86].

Эту позицию разделяет и Ю.П. Якубина. Она выделяет основания, по которым дознание и предварительное следствие отличаются: 1) по подследственности уголовных дел; 2) по методам организации работы; 3) по процессуальному режиму; 4) по органам, осуществляющим расследование [6, с. 35].

О.В. Мичурина в своих трудах так же поддерживает законодательную концепцию дознания в Российской Федерации как формы предварительного расследования и предлагает свою концепцию его дальнейшего развития [2, с. 11-21].

Противоположной позиции придерживаются С.В. Супрун [4, с. 138], Н.А. Жукова и О.В. Диденко [1, с. 55]. Они считают, что правовые отличия между дознанием и предварительным следствием основываются на формальных признаках, которые по содержанию не затрагивают сущности самого производства. Такая позиция нам близка. Полагаем, что разделение предварительного расследования на предварительное следствие и дознание нецелесообразно, так как формы предварительного расследования должны отличаться не по названию, а по порядку их реализации. Процессуальный режим рассматриваемых производств в настоящее время значительных отличий не имеет.

Для обоснования сформулированного нами тезиса раскроем и кратко проанализируем некоторые **отличительные признаки предварительного следствия и дознания.**

1. Субъекты предварительного расследования. В соответствии с ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 40.1, ст. 40.2 и ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание производит дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователи Следственного комитета РФ и следователи органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Следователи органов внутренних дел и Федеральной службы безопасности не проводят дознания по уголовным делам, предварительное следствие по которым обязательно.

Закономерен вопрос: почему одним следователям законодателем даны полномочия производства дознания, а другим – нет?

2. Срок производства предварительного расследования. Статьей 223 УПК РФ установлено, что производство дознания должно быть окончено в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. В необходимых случаях прокурор имеет право продлить данный срок еще на 30 суток. При необходимости, в том числе для производства судебной экспертизы, прокуроры района, города, приравненные к ним военные прокуроры и их заместители могут продлить срок производства дознания до 6 месяцев. И лишь в исключительных случаях, при исполнении запроса о правовой помощи, уголовно-процессуальным законом разрешено продление срока производства дознания до 12 месяцев прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором.

Если расследование уголовного дела необходимо продолжить, то оно направляется в органы предварительного следствия по письменному указанию прокурора. Тем самым меняется форма расследования с дознания на предварительное следствие.

Согласно ст. 162 УПК РФ, срок производства предварительного следствия составляет: 1) 2 месяца; 2) может продлеваться до 3 месяцев руководителем соответствующего следственного органа; 3) может продлеваться до 12 месяцев руководителем следственного органа по субъекту РФ и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями в случаях особой сложности расследования; 4) дальнейшее продление возможно лишь только в исключительных случаях, и уполномочены на это лишь председатель Следственного комитета РФ, руководитель следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместители.

Обратим внимание, что при принятии в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ сроки дознания как самостоятельной формы предварительного расследования были ограничены 15 сутками с возможностью их продления прокурором не более чем на 10 суток. Однако по действующему уголовно-процессуальному законодательству сроки производства дознания и предварительного следствия существенных отличий не имеют.

3. Процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. При производстве предварительного расследования в форме дознания лицо, преследуемое в совершении преступления, занимает статус подозреваемого. В случае, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные сведения, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Лишь только с момента окончания производства и составления обвинительного акта (постановления) подозреваемый становится обвиняемым (ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Таким образом, статус подозреваемого является временным.

При производстве предварительного следствия преследуемое лицо также может наделяться статусом подозреваемого, однако без использования института уведомления о подозрении. При наличии достаточных доказательств, подтверждающих обвинение лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении

данного лица в качестве обвиняемого и предъявляет ему обвинение. Таким образом, лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого еще во время проведения предварительного расследования.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что указанные отличительные признаки (субъекты предварительного расследования, сроки расследования, процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование) имеют формальный характер и не являются существенными.

Анализ содержания форм предварительного расследования позволяет выделить также **общие черты, присущие предварительному следствию и дознанию**. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены: начало производства предварительного расследования, основания и порядок постановки физических и юридических лиц в процессуальный статус, следственные действия, меры пресечения, приостановление и возобновление предварительного расследования, прекращение уголовного дела, обвинительное заключение и обвинительный акт.

Кратко раскроем содержание указанных выше черт.

1. Начало производства предварительного расследования. Предварительное следствие и дознание начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем выносится постановление, в котором должностное лицо, ведущее производство, отражает также решение о принятии уголовного дела к своему производству (ч. 1 ст. 156 УПК РФ).

2. Основания и порядок постановки физических и юридических лиц в процессуальный статус при производстве предварительного расследования. По общему правилу, процессуальный порядок постановки лица в уголовно-процессуальный статус осуществляется путем вынесения постановления (например, потерпевший) либо вызова его для производства следственного или иного процессуального действия (например, свидетель).

Исключение относится к постановке лица в статус обвиняемого. Институт предъявления обвинения при производстве дознания, по общему правилу, отсутствует. До окончания предварительного расследования лицо, преследуемое в совершении преступления, именуется подозреваемым, кроме случая невозможности составить обвинительный акт в течение 10 суток с момента избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Тогда лицо, ведущее производство по уголовному делу, обязано предъявить обвинение, после чего дознание продолжается в общем порядке. В данном случае содержание производства дознания и предварительного следствия совпадают полностью.

3. Следственные действия, проводимые в ходе предварительного расследования. В ходе производства предварительного следствия и дознания уполномоченные должностные лица вправе производить любое следственное действие, предусмотренное УПК РФ. Для следственных действий существуют единые основания, правила производства и оформления их результатов, а также общий судебный порядок получения разрешения на их производство, где такое разрешение необходимо.

4. Меры пресечения, избираемые в ходе предварительного расследования. Дознаватель, следователь в пределах своих полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому любую из мер пресечения, предусмотренных гл. 13 УПК РФ. Виды и порядок избрания мер пресечения одинаковы для предварительного следствия и дознания.

5. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Законом установлены единые основания, порядок и сроки приостановления и возобновления производства по делу.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ обязывает следователя, дознавателя провести действия, необходимые после приостановления предварительного расследования, которые по своей сути ничем не отличаются.

6. Прекращение уголовного дела. Для предварительного следствия и дознания законом установлены единые основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

7. Обвинительное заключение и обвинительный акт (обвинительное постановление). Процессуальные документы, завершающие производство по уголовному делу, имеют одинаковую структуру: вводную часть, описательно-мотивировочную и резолютивную.

Анализируя ст. 220, а также ст. 225 и 226.7 УПК РФ, приходим к выводу, что обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление включают в себя одинаковые сведения (о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, о месте и времени совершения преступления, его способах, мотивах, целях, последствиях и других обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, и т.д.).

По итогам анализа норм, регламентирующих предварительное следствие и дознание как форм предварительного расследования, можно сделать следующие выводы.

1. Предварительное следствие и дознание имеют черты сходства и отличия.

К чертам отличия можно отнести: 1) субъекты предварительного расследования; 2) сроки расследования; 3) процессуальное положение лица, совершившего преступление.

Черты сходства: 1) начало производства предварительного расследования; 2) основания и порядок постановки физических и юридических лиц в процессуальный статус; 3) следственные действия; 4) меры пресечения, приостановление и возобновление предварительного расследования; 5) прекращение уголовного дела; 6) обвинительное заключение и обвинительный акт.

2. Имеющиеся отличительные признаки незначительны. Сокращение содержания деятельности не порождает новой формы, то есть сокращение предварительного следствия не порождает дознания как самостоятельной формы предварительного расследования. В связи с этим считаем, что необходимо отказаться от современной модели дифференциации форм предварительного расследования на предварительное следствие и дознание. По нашему мнению, расследование должно проводиться лишь в форме предварительного следствия и осуществляться в полном объеме или в сокращенной форме.

3. Субъектом предварительного следствия в сокращенной форме должен быть следователь, а не орган дознания. Считаем, что следователю нужно предоставить право расследовать помимо подследственных ему тяжких и особо тяжких преступлений преступления небольшой и средней тяжести. Если предварительное следствие в полном объеме по данным категориям преступлений необязательно, то оно должно осуществляться в форме сокращенного следствия.

Литература

1. Жукова Н.А., Диденко О.В. Формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1.

2. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

3. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблема дифференциации форм досудебного производства в российском уголовном процессе // Прокурорская и следственная практика. 2003. № 3-4.

4. Супрун С.В. Дознание – сокращенное следствие? // Российский юридический журнал. 2010. № 5 (74).

5. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баронова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015.

6. Якубина Ю.П. Соотношение форм предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27).

УДК 343.13

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛИЦА, ВЫДАЧА КОТОРОГО ЗАПРАШИВАЕТСЯ

Александр Александрович Насонов, аспирант Воронежского государственного университета

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

В статье поднимается проблема правового положения лица, выдача которого запрашивается, включая его право на защиту. Исследуются подходы к регламентации процессуальных возможностей указанных лиц в международном, российском и зарубежном законодательстве. Анализируется судебная практика Европейского суда по правам человека с точки зрения процессуальных возможностей рассматриваемого субъекта. Приводятся дополнительные аргументы в пользу систематизации прав лица, выдача которого запрашивается. Подчеркивается ответственность процессуального положения указанного лица и обвиняемого (подозреваемого). Отстаивается позиция, согласно которой лицо, выдача которого запрашивается, является участником уголовного судопроизводства, осуществляющим уголовно-процессуальную функцию защиты.

Ключевые слова: лицо, выдача которого запрашивается; процессуальные возможности; право на защиту; реализация права на защиту; международный договор; функция защиты; правовая помощь.

ABOUT REMEDIAL POSSIBILITIES OF THE PERSON WHICH DELIVERY IS REQUESTED

Aleksandr Aleksandrovich Nasonov, post graduate of the Voronezh State University

In article the problem of a legal status of the person which delivery is requested, including its right to protection rises. Approaches to a regulation of remedial possibilities of the specified persons in the international, Russian and foreign legislation are investigated. Judiciary practice of the European Court under human rights from the point of view of remedial possibilities of the considered subject is analyzed. In work additional arguments in favor of ordering of the rights of the person which delivery is requested are resulted. Likeness of remedial position of the specified person and accused (suspect) is underlined. The position, according to which the person which delivery is requested, is the participant of the criminal legal proceedings which are carrying out criminally-remedial function of protection settles.

Keywords: the person which delivery is requested; remedial possibilities; the right to protection; realization of the right to protection; the international contract; protection function; legal aid.

Появление лица, выдача которого запрашивается, в российском уголовном судопроизводстве означает наступление для него возможности воспользоваться своими правами и тем самым реализовать свое право на защиту, которое возникает у лица как в случае получения Российской Федерацией запроса о выдаче, так и в случае, когда поручение запрашивающей стороной о выдаче еще не направлено, но предполагается это сделать.

Реализация права на защиту лицом, выдача которого запрашивается, осложняется тем, что УПК РФ не содержит не только определения понятия такого лица, но и четкого перечня его прав и обязанностей. Таким образом, ранее обозначенная в литературе [1, с. 44-45] проблема наделения процессуальными правами лица, не признанного в установленном порядке участником уголовного судопроизводства, касается не только заявителя, залогодателя, лица, под присмотр которому отдан несовершеннолетний,

обыскиваемого лица, адвоката этого лица, адвоката свидетеля, но и лица, выдача которого запрашивается.

В отличие от УПК РФ, УПК некоторых других государств, например, Республики Беларусь, достаточно подробно регламентирует данные вопросы применительно к аналогичному участнику и его защитнику, посвящая отдельную главу в Кодексе (гл. 55 «Права и обязанности лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, и его защитника»).

Удачная попытка обратить внимание на права лица при задержании, применяемом для обеспечения его возможной выдачи иностранному государству, была предпринята Генеральной прокуратурой Российской Федерации в информационном письме от 20 апреля 2009 г. № 81/4-27606-09 «О порядке документального оформления задержания лиц в целях обеспечения возможности их выдачи в другие государства», адресованном прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур. В нем говорится о праве лица получать разъяснения об основаниях задержания; получать копию протокола задержания; давать объяснения по вопросам, связанным с процедурой экстрадиции, в том числе на родном языке либо языке, которым оно владеет, или отказаться от дачи объяснений; получать разъяснения о возможности заявлять о препятствиях к выдаче, предусмотренных соответствующими международными договорами Российской Федерации и ст. 464 УПК РФ; получать сведения о решении компетентного иностранного органа направить запрос о выдаче, о заключении под стражу или о вступившем в законную силу приговоре; пользоваться помощью защитника с момента фактического задержания; пользоваться помощью переводчика; приносить жалобы на действия (бездействие) прокурора, других должностных лиц и решения суда; защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законодательством.

Отсутствие надлежащей регламентации в УПК РФ правового статуса лица, выдача которого запрашивается, послужило поводом для научных исследований в указанной области. Одним из них является диссертационное исследование А.Е. Косаревой, в котором автор предлагает следующую систему прав запрашиваемого лица:

«- знать, в чем оно обвиняется (подозревается либо за что осуждено) на территории иностранного государства, т.е. основания, в связи с которыми лицо было объявлено в международный (межгосударственный) розыск и впоследствии задержано на территории Российской Федерации;

- пользоваться помощью переводчика;
- пользоваться помощью защитника, с которым иметь возможность конфиденциальных бесед без ограничения во времени;
- давать устные и письменные объяснения;
- знакомиться с представленными в суд материалами в полном объеме, как через защитника, так и непосредственно;
- лично участвовать в рассмотрении представленных материалов судом;
- заявлять суду ходатайства и отводы;
- представлять по существу поданной жалобы дополнительные документы;
- знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания;
- использовать право обжалования, предусмотренное ч. 9 ст. 463 УПК РФ» [3, с. 14].

Часть прав, указанных в приведенном перечне, в той или иной интерпретации закреплена в ныне действующих уголовно-процессуальных нормах. Например, право лица, выдача которого запрашивается, на обжалование предусмотрено в следующих формах: право на обжалование решения Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя о выдаче (ч. 1 ст. 463 УПК РФ); право лица и защитника на обос-

нование жалобы на решение о выдаче в судебном заседании (ч. 5 ст. 463 УПК РФ); право на апелляционное обжалование постановления судьи (ч. 9 ст. 463 УПК РФ).

Отстаиваемое в литературе право личного участия данного лица в рассмотрении представленных материалов судом обусловлено закрепленной в УПК РФ возможностью личного участия в судебном заседании (ч. 4 ст. 463 УПК РФ). И о возможности его пользоваться помощью защитника также не забыл законодатель, правда, применительно к судебной процедуре обжалования решения о выдаче лица (ч. 4 ст. 463 УПК РФ).

Право лица, выдача которого запрашивается, воспользоваться помощью переводчика вытекает из общей нормы, закрепляющей один из важнейших принципов уголовного судопроизводства – принцип языка уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ).

Как представляется, необходимы большая четкость и детализация в правовой регламентации процессуальных возможностей лица, выдача которого запрашивается, по указанным направлениям и не только.

Полагаем, требуют систематизации и иные права указанного лица, представленные на сегодня в УПК РФ. Речь идет о праве: на получение письменного уведомления о решении, принятом в отношении его Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем (ч. 5 ст. 462 УПК РФ); не подвергаться выдаче в случае обжалования решения Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя (ч. 6 ст. 462 УПК РФ); на проверку законности и обоснованности решения в открытом судебном заседании (ч. 4 ст. 463 УПК РФ); на разъяснение прав, обязанностей и ответственности как участнику судебного разбирательства (ч. 4 ст. 463 УПК РФ).

Отдельно следует сказать о правах лица, выдача которого запрашивается, возникающих у него в связи с применением к нему задержания и заключения под стражу. Эти права образуют целый блок, правовым фундаментом которого на уровне национального законодательства выступают не только нормы, содержащиеся в гл. 54 УПК РФ, но и в статьях Кодекса, к ней не относящихся (ст. 108 «Заключение под стражу» и ст. 109 «Сроки содержания под стражей»), но применяемых во взаимосвязи со ст. 466 УПК РФ «Избрание или применение меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица». Указанный блок главным образом представлен следующими правовыми возможностями: на освобождение из-под стражи, если лицо не будет принято в течение 15 суток со дня, установленного для передачи (ч. 1 ст. 467 УПК РФ); на освобождение по истечении 30 суток со дня, установленного для его передачи (ч. 5 ст. 467 УПК РФ); на применение к нему меры пресечения в соответствии с требованиями УПК РФ, если не представлено решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу (ч. 1 ст. 466 УПК РФ); не быть задержанным, привлеченным в качестве обвиняемого, осужденным без согласия государства, его выдавшего, переданным третьему государству за преступления, не указанные в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 461 УПК РФ); на обязательное участие в судебном заседании лица и его защитника, законного представителя несовершеннолетнего, в котором рассматривается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4 ст. 108 УПК РФ); на разъяснение прав и обязанностей судьей в судебном заседании, в котором решается вопрос об избрании меры пресечения к лицу (ч. 6 ст. 108 УПК РФ); на обжалование постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в апелляционном порядке (ч. 11 ст. 108 УПК РФ); на незамедлительное уведомление кого-либо из близких родственников лица, при их отсутствии – других его родственников о месте содержания этого лица под стражей или изменении места содержания под стражей (ч. 12 ст. 108 УПК РФ); на зачет в срок содержания под стражей времени: а) на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; б) домашнего ареста; в) принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по решению суда; г) в течение которого ли-

цо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ (ч. 10 ст. 109 УПК РФ); на обязательное участие лица и его защитника в судебном заседании, в котором рассматривается вопрос о продлении срока, за исключением случаев нахождения обвиняемого на стационарной судебно-психиатрической экспертизе и иных обстоятельств, исключающих возможность его доставления в суд, что должно быть подтверждено соответствующими документами (ч. 13 ст. 109 УПК РФ).

Следует отметить, что возможности лица, выдача которого запрашивается, предусмотрены не только в национальном законодательстве. Их существование подтверждается некоторыми многосторонними международными договорами Российской Федерации, регламентирующими вопросы выдачи. В чем особенность их закрепления в названных источниках? Во-первых, в общих положениях, касающихся указанных возможностей, прослеживается в той или иной форме цель беспрепятственной реализации права лица на защиту. Показательны в этом плане положения об эффективных средствах правовой защиты в целях сохранения своих прав (ст. 5 Конвенции об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.); о гарантированности справедливого обращения с лицом на всех стадиях производства, включая осуществление всех прав и гарантий, предусмотренных внутренним законодательством государства-участника, на территории которого находится это лицо (ч. 13 ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.); о праве граждан каждой из договаривающихся сторон, а также других лиц, проживающих на ее территории, свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру, органы внутренних дел и иные учреждения других договаривающихся сторон, к компетенции которых относятся в том числе уголовные дела, могут выступать в них, подавать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане данной договаривающейся стороны (ст. 1 Минской конвенции 1993 г.). Кстати, некоторые из указанных в многосторонних международных договорах положений общего характера почти полностью воспроизводятся в двусторонних договорах. Так, о праве лиц, предусмотренном в ст. 1 Минской конвенции 1993 г., говорится, например, в Договоре между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 г. (ч. 2 ст. 1), Договоре между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. (ч. 2 ст. 1), Договоре между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г. (ч. 2 ст. 1) и др.

Во-вторых, о правовых возможностях лица, выдача которого запрашивается, в международных договорах речь идет главным образом в контексте его задержания и заключения под стражу (например, ст. 60-62 Минской конвенции, ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, ст. 16 Европейской конвенции о выдаче).

В-третьих, правовая регламентация возможностей указанного лица в связи с применением к нему задержания и заключения под стражу характеризуется большей подробностью. В частности, более детализированы случаи освобождения задержанного или взятого под стражу лица, выдача которого запрашивается. Они связаны с поступлением уведомления запрашивающей договаривающейся стороны о необходимости освобождения лица, взятого под стражу; с неполучением запрашиваемой договаривающейся стороной в течение сорока дней со дня взятия под стражу требования о выдаче со всеми приложенными к нему документами; с непоступлением в течение срока,

предусмотренного законодательством для задержания, ходатайства о взятии под стражу задержанного лица (ст. 62 Минской конвенции).

В-четвертых, скудность спектра закрепленных в них прав лица, выдача которого запрашивается, не позволяет безоговорочно говорить о нем как о полноправном субъекте правоотношений, возникающих в связи с выдачей лица для уголовного преследования, а ведь его интересы особенно нуждаются в защите, реализовать которую в полной мере может лишь активный носитель этих интересов со своими правами, выступая не объектом, а субъектом данного вида правоотношений.

Судить о тех или иных возможностях лица, выдача которого запрашивается, можно и по судебной практике. Изучение постановлений Европейского суда по правам человека позволяет, например, говорить о праве на ходатайство перед Генеральной прокуратурой РФ об отказе в запросе иностранного государства о выдаче лица; подачу жалобы в прокуратуру на действия сотрудников правоохранительных органов, предпринятые в отношении лица, выдача которого запрашивается; обжалование в вышестоящий орган прокуратуры; подачу жалобы в соответствии со ст. 125 УПК РФ на действия должностных лиц и др. Приведенные возможности являются различными формами таких более общих прав, закрепляемых в гл. 6 УПК РФ (в отношении потерпевшего) и гл. 7 УПК РФ (применительно к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты), как право на заявление ходатайства и на обжалование действий, решений правоприменителя. Поскольку предусмотреть все формы общих прав лица, выдача которого обжалуется, весьма затруднительно, да и нет целесообразности в такой детализации, то очевидна потребность в статье, закрепляющей общие возможности данного субъекта, по типу тех, которые содержат нормы, адресованные таким участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты, как, например, подозреваемые (ст. 46 УПК РФ), обвиняемые (ст. 47 УПК РФ). Сравнение лица, выдача которого запрашивается, именно с этой группой участников уголовного судопроизводства особенно уместно, так как указанное лицо выполняет уголовно-процессуальную функцию защиты. Об этом свидетельствует и характер процессуальных возможностей лица, выдача которого запрашивается. Они же одновременно являются условиями для действительного осуществления указанным субъектом своей уголовно-процессуальной функции. К сожалению, УПК РФ не отличается четкостью в закреплении уголовно-процессуальной функции защиты за лицом, выдача которого запрашивается. О принадлежности данному лицу указанной функции позволяет судить прежде всего название участника, отстаивающего его интересы в ходе оказания юридической помощи и следующей позиции лица, выдача которого запрашивается. Этим участником является защитник, которого законодатель относит к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 ст. 49 УПК РФ).

В отличие от УПК РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь совершенно недвусмысленно признал носителем функции защиты лицо, которое задержано либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (п. 9 ст. 6). Однако эта норма была встречена неоднозначно. Некоторые авторы усмотрели необоснованность в расширении уголовно-процессуальной функции защиты на сферу оказания международно-правовой помощи по уголовным делам, объяснив это следующими обстоятельствами: «Функция защиты не свойственна гражданскому (хозяйственному) процессу, она предусматривает, прежде всего, опровержение обвинения. В отношении выдачи лица для осуществления уголовного преследования... речь идет не об опровержении обвинения, а о правовой помощи. Можно говорить об участии профессионального адвоката в решении вопроса о выдаче, представлении интересов соответ-

ствующего лица и обеспечении ее прав. При оказании международной помощи в рамках уголовного процесса участвует не защитник, а представитель» [2].

Полагаем, что данная позиция спорна. Ведь применительно к лицу, выдача которого запрашивается, функция защиты реализуется не в гражданском (хозяйственном) процессе, а в рамках уголовного судопроизводства. Кроме того, в ходе оказания такого вида правовой помощи, как выдача, выполняются процессуальные действия, затрагивающие права и свободы лица, выдача которого запрашивается (например, задержание, заключение под стражу), что перекликается с целью выдачи – привлечением лица к уголовной ответственности. Такие действия могут применяться по закону только к обвиняемому и подозреваемому и никак не касаются участников уголовного судопроизводства, на стороне которых участвует представитель (например, потерпевший) или адвокат (например, свидетель). Применительно к подозреваемому, который в уголовном судопроизводстве выполняет функцию защиты, начало таких действий определяет один из моментов, с которого допускается участие защитника в уголовном деле (п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Таким образом, характер выполняемых в ходе выдачи процессуальных действий в отношении лица, выдача которого запрашивается, обуславливает защитную деятельность как со стороны самого лица, так и со стороны его защитника и законного представителя (если указанное лицо является несовершеннолетним). В рассматриваемом контексте справедливо звучат следующие слова: «Правовая помощь направлена на защиту, охрану и реализацию прав и законных интересов физических и юридических лиц при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, а также реализации приговоров и иных решений» [4, с. 241].

Литература

1. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / под общ. и науч. ред. В.А. Семенцова. М.: Юрлитинформ, 2013.
2. Данилевич А.А., Самарин В.В. Оказание международной правовой помощи по уголовным делам (сравнительный анализ УПК Беларуси и России). URL: <https://docviewer.yandex.ru/?u> (дата обращения: 01.11.2015).
3. Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
4. Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства: монография / под ред. О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2014.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.775

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДОБЫЧУ И ОБОРОТ ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права
доктор юридических наук, доцент
E-mail: antonovy@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Автор характеризует предмет преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, его объективную сторону, а также анализирует примеры из судебной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность; особо ценные дикие животные; особо ценные водные биологические ресурсы; незаконная добыча; незаконный оборот.

CRIMINAL LIABILITY FOR THE ILLEGAL PRODUCTION AND TRAFFICKING OF THE MOST VALUABLE WILD ANIMALS AND AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES: ISSUES OF QUALIFICATION

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State University of Economics and Law Doctor of Law, associate professor

This article discusses some of the issues of qualification of illegal production and trafficking of the most valuable wild animals and aquatic biological resources. The author describes the subject of a crime under Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, its objective side, and analyze examples from judicial practice.

Keywords: criminal liability; the most valuable wild animals; the most valuable aquatic biological resources; illegal mining; illegal trafficking.

Стратегической целью обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики [9].

Одной из основных задач охраны окружающей среды является сохранение биологического разнообразия и защита редких видов животных и водных биологических ресурсов от полного исчезновения. Серьезную угрозу в связи с этим представляют незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Именно поэтому 17 февраля 2014 г. Правительство РФ утвердило Стратегию сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года [11] (далее – Стратегия).

Несколько ранее Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 258.1, предусматривающей ответственность за незаконные

добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, их частей и производных.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2014 г. было зарегистрировано 924 преступления, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ, выявлено 485 лиц, совершивших данное деяние [4, с. 344]. Всего в 2014 г. было зарегистрировано 25 566 экологических преступлений [10, с. 11]. Таким образом, преступления, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ, составили 3,6% от всех зарегистрированных в 2014 г. экологических преступлений.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2014 г. по ч. 1 ст. 258.1 УК РФ было осуждено 194 лица, в первом полугодии 2015 г. по ч. 1 ст. 258.1 УК РФ осуждено 165 лиц, по ч. 3 ст. 258.1 УК РФ (совершенные организованной группой) – 3 лица*.

Отметим, что подобные нормы существуют и в уголовном законодательстве зарубежных стран. Например, УК Республики Казахстан 1997 г. (утратил силу) [13] предусматривал ответственность за незаконное добывание, приобретение, сбыт, а равно уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Республики Казахстан, или места их обитания (ст. 290). С 1 января 2015 г. в Казахстане вступил в силу новый Уголовный кодекс [12], в котором рассматриваемый состав преступления теперь излагается в следующей редакции: «Незаконное добывание, приобретение, хранение, сбыт, ввоз, вывоз, пересылка, перевозка или уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений или животных, их частей или дериватов, а также растений или животных, на которых введен запрет на пользование, их частей или дериватов, а равно уничтожение мест их обитания» (ст. 339 УК РК).

Таким образом, мы видим, что казахский законодатель расширил предмет данного преступления (помимо редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, теперь это и их части или дериваты) и объективную сторону (добавлены такие деяния, как хранение, ввоз, вывоз, пересылка, перевозка соответствующих предметов).

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, названное преступление имеет тенденцию к росту. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 29 преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РК (9,5% от всех зарегистрированных в стране экологических преступлений), в 2009 г. – 21 преступление (5,3%), в 2010 г. – 29 преступлений (8,5%), в 2011 г. – 20 преступлений (7,4%), в 2012 г. – 53 преступления (15,2%), в 2013 г. – 158 преступлений (27,7%), в 2014 г. – 342 преступления (42%). В 2015 г. было зарегистрировано 406 преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РК (17,6% от всех зарегистрированных экологических уголовных правонарушений)** . Таким образом, прирост данного экологического уголовного правонарушения в 2015 г. к предыдущему году составил 18,7%, а к 2008 г. – 33,1%.

В отличие от России, в Казахстане установлена уголовная ответственность и за незаконный оборот редких и находящихся под угрозой исчезновения растений. Кроме того, считаем положительным установление в УК РК ответственности за уничтожение перечисленных в норме предметов. Совершение данного деяния в Российской Федерации подпадает под признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.35 КоАП РФ, – «Уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения

* Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2014 г., за 6 месяцев 2015 г. (Форма № 10-а).

** URL: <http://pravstat.prokurator.kz/rus>

видов животных или растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами...». На наш взгляд, такое законодательное решение не отражает степени общественной опасности данного деяния.

Итак, российский законодатель выделил в качестве предмета данного преступления не только особо ценных диких животных и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, но и их части и производные.

Впервые в российском законодательстве появляется указание не только непосредственно на животных и водные биологические ресурсы, но и на их части и производные. Однако законодатель категории «часть» и «производные» не раскрыл. Представляется, что для определения этих понятий необходимо обратиться к этимологии данных слов.

В «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля под «*частью*» понимается доля целого, дробь, не все или не целое [3, с. 583], а под «*производным*» – образованное из другого [3, с. 486]. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова определяет категорию «*часть*» как долю, отдельную единицу, на которые подразделяется целое; предмет как составной элемент какого-нибудь целого, а «*производный*» – это образованный от другого, проистекающий из чего-то другого [6, с. 875, 609].

Из такого же понимания данных терминов исходит и судебная практика.

Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» (в ред. от 26.05.2015 № 19) под *частями водных биологических ресурсов* в ст. 258.1 УК РФ следует понимать не подвергшиеся переработке искусственно отделенные от организмов биологические материалы (ткани, покровы, жидкости, половые продукты и т.д.), под *производными водных биологических ресурсов* – продукты хозяйственной переработки организмов или их частей (пищевые продукты, медицинские препараты и биологические добавки, сувениры).

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 26.05.2015 № 19) под *частями диких животных* в ст. 258.1 УК РФ следует понимать не подвергшиеся обработке искусственно выделенные фрагменты, органы, вещества (внутренние органы, кости, желчь, шкура и т.д.), под *производными диких животных* – продукты их хозяйственной переработки (пищевые продукты, медицинские и биологические препараты, меховые изделия, сувениры).

Что касается самих диких животных и водных биологических ресурсов, то для применения данной статьи принято Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Перечень). В Перечень включены **млекопитающие** – алтайский горный баран, амурский тигр, белый медведь, леопард, зубр (за исключением гибридов зубра с бизоном, домашним скотом), сайгак, снежный барс; **птицы** – балобан, беркут, кречет, сапсан и **рыбы** – амурский осетр, атлантический осетр, белуга, калуга, персидский осетр, русский осетр, сахалинский осетр, сахалинский таймень, севрюга, сибирский осетр, шип.

Заметим, что это далеко не полный перечень животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ. Так, в соответствии со Стратегией перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, включает 413 видов животных (155 видов беспозвоночных и 258 видов позвоночных животных, из них 41 вид

круглоротых и рыб, 8 видов земноводных, 21 вид пресмыкающихся, 123 вида птиц и 65 видов млекопитающих), а в Международный Красный список Международного союза охраны природы занесены 168 видов животных, зарегистрированных на территории РФ.

Между тем Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978, является исчерпывающим. Поэтому в тех случаях, когда совершается незаконная добыча иных животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ, но не включенных в указанный Перечень, содеянное будет квалифицироваться по ст. 256 или 258 УК РФ. Таким образом, статья 258.1 УК РФ по такому деянию, как незаконная добыча, является специальной по отношению к общим нормам – ст. 256 и 258 УК РФ.

Кроме того, помимо незаконной добычи законодатель включил в объективную сторону данного преступления такие альтернативные деяния, как незаконные содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа указанных предметов.

Теперь, что касается добычи особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

Статья 258.1 УК РФ употребляет лишь категорию «добыча» и не указывает на термин «вылов». В статье же 256 УК РФ данные категории употребляются как синонимы. Из одинакового понимания этих терминов исходит и Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [8], который определяет *добычу (вылов) водных биоресурсов* как изъятие водных биоресурсов из среды их обитания.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] под *добычей охотничьих ресурсов* понимается отлов или отстрел охотничьих ресурсов. В свою очередь, охотничьи ресурсы – это объекты животного мира, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации используются или могут быть использованы в целях охоты.

По логике, особо ценные дикие животные не могут относиться к охотничьим ресурсам. В связи с тем, что такое млекопитающее, как сайгак, пока не занесено в Красную книгу РФ, Федеральным законом от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ оно отнесено к охотничьим ресурсам. В то же время Международным союзом охраны природы (МСОП) сайгак был отнесен к категории «CR», т.е. «находящийся в критическом состоянии». Соответственно, данный вид млекопитающего можно отнести к охраняемым международными договорами Российской Федерации.

В статье 258 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за незаконную охоту. Обращает на себя внимание тот факт, что категория «охота» в Федеральном законе от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ понимается шире, чем категория «добыча». В законе сказано, что *охота* – это деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, с их добычей, первичной переработкой и транспортировкой. Если исходить из такого понимания охоты, то деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием особо ценных диких животных, в ст. 258.1 УК РФ должна расцениваться как покушение на их незаконную добычу.

Таким образом, считаем, что под *незаконной добычей* следует понимать действия по извлечению указанных предметов из естественной природной среды обитания и (или) завладение ими в нарушение норм экологического законодательства. При этом, в отличие от ст. 256 и 258 УК РФ, в данном случае для квалификации преступления не имеет значение способ, место и время такой добычи.

Незаконное содержание особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это уход за ними, их одомашнивание в нарушение порядка их оборота.

В частности, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 156 «О порядке выдачи разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской

Федерации» [7] содержание в неволе диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ, допускается только в целях сохранения и воспроизводства этих животных в искусственно созданной среде обитания, а также в научных и культурно-просветительных целях.

Незаконное приобретение особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это умышленное их получение любым способом (покупка, получение в дар, в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу, в уплату долга, в обмен на иные предметы, присвоение найденного).

Незаконное хранение особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это умышленные действия лица, связанные с их противоправным владением, в том числе для личного потребления и для продажи.

Незаконная перевозка особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это умышленные действия по их перемещению из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства.

Незаконная пересылка особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это действия лица, направленные на их перемещение адресату (в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя.

Незаконные перевозка и пересылка указанных предметов ограничиваются лишь территорией Российской Федерации. Незаконное их перемещение через таможенную границу Таможенного союза ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС образует состав преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ (контрабанда).

Так, Б. незаконно приобрел у неустановленного лица птиц соколообразных в общем количестве 18 особей: сокол балобан (*falco cherrug*) в количестве 7 особей и сокол сапсан (*falco peregrinus*) в количестве 11 особей, которых на своем автомобиле переместил в г. Барнаул, где стал их незаконно хранить в гаражном боксе. С целью сокрытия от пограничных органов и обеспечения беспрепятственного перемещения через Государственную границу РФ Б. в своем автомобиле оборудовал короб для этих птиц с отверстиями для воздуха, прикрепив его за задним рядом пассажирских сидений. Поместив птиц в автомобиль, Б. направился в сторону Государственной границы РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Однако его действия были пресечены в г. Славгороде сотрудниками пограничной службы ФСБ РФ по Алтайскому краю недалеко от Государственной границы с Республикой Казахстан.

Действия Б. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 УК РФ и ч. 1 ст. 226.1 УК РФ как покушение на контрабанду особо ценных диких животных и по ч. 1 ст. 258.1 УК РФ как незаконные приобретение, хранение особо ценных диких животных*. Из квалификации преступления судом, по нашему мнению, обоснованно были исключены такие действия, как незаконные их содержание и перевозка.

Незаконная продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов – это их возмездная передача другим лицам. Считаем, логичнее было бы установить уголовную ответственность за сбыт данных предметов. Употребив термин «продажа», законодатель существенно ограничил действие данной нормы.

В судебной практике сегодня чаще всего встречаются дела о незаконной добыче особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

* Дело № 1-8/2015 // Архив Славгородского городского суда Алтайского края.

Так, 1 августа 2013 г. Г. вышел на акваторию реки Иртыш на деревянной весельной лодке, где умышленно произвел незаконную добычу рыбы запрещенным способом лова, используя при этом орудие массового истребления (донную сеть длиной 70 м с размером ячеи 35 мм), выловив из реки 1 экземпляр сибирского осетра, занесенного в Красную книгу РФ, стоимостью 10 000 руб. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258.1 УК РФ, т.е. в незаконной **добыче** особо ценных водных биоресурсов (сибирского осетра), принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ*.

Но стали появляться и случаи привлечения в уголовной ответственности за совершение иных действий, образующих состав незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

Например, 19 июля 2013 г. к М., вышедшему из магазина, подошли двое незнакомых мужчин, один из которых предложил ему приобрести свежемороженую калугу. М. согласился и приобрел 4 куска рыбы общим весом 9 кг 800 г, которые положил в багажник своего автомобиля и поехал домой. По дороге он был задержан. В результате противоправных действий М. и неустановленных дознанием лиц государству причинен ущерб в размере 12 500 руб., который является крупным, ввиду того, что калуга отнесена к редким исчезающим видам рыб. М. признан виновным в незаконных **приобретении, хранении, перевозке** частей особо ценных водных биоресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и охраняемым международными договорами РФ**.

Представляется, что в данном случае суд излишне вменил такой объективный признак, как хранение. Считаем, что вопрос о наличии в действиях лица состава преступления – незаконной перевозки и об отграничении указанного состава преступления от незаконного хранения особо ценных водных биологических ресурсов во время поездки должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла, фактических обстоятельств перевозки, количества перевозимого, места его нахождения, а также других обстоятельств дела. В данном случае автомобиль использовался как средство передвижения, а не как место хранения данных предметов.

Другой пример. 13 декабря 2013 г. Л. нашел один экземпляр рыбы семейства осетровых, вид – русский осетр, весом 4 кг, который выловлен колющими орудиями лова – самоловными крючковыми снастями незаконно, браконьерским способом, и перевозил к месту своего жительства. По пути домой был задержан. Л. признан судом виновным в незаконном **приобретении и перевозке** особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, охраняемым международными договорами РФ (ч. 1 ст. 258.1 УК РФ)***.

14 января 2014 г. И. **приобрел** у неустановленного лица и **перевозил** икру рыбы осетровой породы «севрюга» в количестве 1,2 кг с целью дальнейшей **реализации** и извлечения материальной выгоды. Экспертиза данный продукт признала некачественным и опасным для жизни и здоровья человека при употреблении. Действия И. квалифицированы по ч. 1 ст. 258.1 и ч. 1 ст. 238 УК РФ****.

В случае, если лицо совершает действия, образующие незаконный оборот в отношении иных животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ, но не включенных в указанный выше Перечень, должна применяться статья 8.35 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за «...добычу, хранение, перевозку, сбор,

* Дело № 1-27/2014. Приговор от 26 февраля 2014 г. // Архив 35-го судебного участка Черлакского района Омской области.

** Дело № 1-30/2013. Приговор от 3 октября 2013 г. // Архив суда г. Оха Сахалинской области.

*** Дело № 1-19/2014. // Архив судебного участка мирового судьи № 3 Камызякского района (Астраханская область).

**** Дело № 1-39/2014. Приговор от 20 марта 2014 г. // Архив Кизлярского районного суда Республики Дагестан.

содержание, приобретение, продажу либо пересылку животных... , занесенных в Красную книгу РФ либо охраняемых международными договорами, их продуктов, частей либо дериватов без надлежащего на то разрешения или с нарушением условий, предусмотренных разрешением, либо с нарушением иного установленного порядка, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Так, Я. осуществлял **содержание** и эксплуатацию объекта животного мира (лев Африканский), являющегося редким и исчезающим видом животных, находящихся под охраной международной конвенции СИТЕС, в целях предоставления услуг по фотографированию, без специального разрешения на содержание животного, а также без правоустанавливающих документов на животное. Я. был привлечен к административной ответственности по ст. 8.35 КоАП РФ*.

Примечательно, что субъектом данного правонарушения являются граждане, должностные лица и юридические лица. При этом юридические лица будут нести административную ответственность при совершении перечисленных действий даже в случае наличия признаков преступления, поскольку УК РФ не признает в качестве субъектов преступления коллективные образования [2], что, на наш взгляд, является «квазиуголовной» (административно-уголовной) ответственностью юридических лиц [1].

Литература

1. Антонова Е.Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 29-30 мая 2014). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2014. С. 55-61.
2. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности / науч. ред. А.И. Коробеев. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
4. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2015.
5. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (в ред. от 14.10.2014, с изм. от 25.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990.
7. О порядке выдачи разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 156 (в ред. от 24.04.2003 № 240, от 14.12.2004 № 774, от 22.04.2009 № 351, от 18.04.2014 № 357) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 807.
8. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014.
11. Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 212-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 24.11.2015). URL: <http://online.zakon.kz>
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан / предисл. И.И. Рогова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

* Дело № *****. Постановление от 25 ноября 2010 г. // Архив Анапского городского суда Краснодарского края.

УДК 343.378

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Хабаровского пограничного института ФСБ России доктор юридических наук, доцент
E-mail: dfvnii@mail.ru

Состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, был прописан в УК РСФСР 1960 г., аналогичная норма содержится и в современном уголовном законодательстве (ст. 194 УК РФ). И хотя ее текст редактировался неоднократно, диспозиция существующей нормы представляется весьма абстрактной и малоприспособленной для эффективного применения. Это обусловлено прежде всего фактическим отсутствием описания признаков основного состава преступления, за исключением относительно определенных указаний на субъект преступления и размеры таможенных неуплат. Данные обстоятельства, а также необходимость более полного осознания уголовно-правовых особенностей этих преступлений обуславливают целесообразность изучения криминалистически значимых аспектов подобных деяний, особое место среди которых отводится способам их совершения.

Ключевые слова: контрабанда; криминология; криминалистика; таможенные платежи; объективная сторона; преступление; состав преступления; способ преступления; уголовная ответственность; факультативные признаки.

CRIMINAL LIABILITY FOR EVASION OF CUSTOMS DUTIES: QUESTIONS THEORY AND PRACTICE

Ilya Victorovich Nikitenko, chair professor of the Khabarovsk Frontier Institute of FSB of Russia Doctor of Law, associate professor

The evasion of customs payments was the first to have all in the criminal code RSFSR of 1960, the Federal law from July 1, 1994, and since then the text of the criminal law changed three times. However, the norm of article 194 of the criminal code of the Russian Federation formulated to abstract, as in it there is no description of the characteristics of the main composition of the crime, if not take into account the guidance on the subject of the payment and the large size of non-payment. These circumstances made it necessary to attach particular importance to law enforcement investigation of the possible ways of committing such crimes.

Keywords: contraband goods; criminology; criminalistics; custom payments; exteriority side; crime; corpus delict; method of crime; criminal responsibility; optional signs.

Известно, что способы реализации объективной стороны преступлений, направленных на уклонение от уплаты фискальных платежей, отнесены к категории факультативных признаков как не имеющих квалифицирующего значения. Однако же доказательственное и превентивное значение накопленных в правоприменительной практике знаний о многообразии способов совершения подобных деяний трудно переоценить.

Следует отметить и то, что такие преступления отличаются высокой степенью латентности ввиду объективных трудностей их выявления и расследования.

Очевидно, что изучению именно факультативных признаков объективной стороны преступления, к которым в известных случаях относят и способ совершения преступления, уделяется недостаточное внимание аналитиков ввиду отсутствия у подоб-

ных признаков квалифицирующего потенциала, а их распознавание нередко связано с вынужденной необходимостью процессуального документирования результатов предварительного расследования.

Представляется, что подобный подход только усиливает проблему разобщенности уголовного права и криминалистики, нередко обсуждаемую в профессиональном сообществе [1].

При этом в результате ряда криминологических исследований было установлено, что примерно в 92% случаев приготовление к анализируемой группе преступлений было связано с обдумыванием и детализацией возможных способов их совершения. Иные же приготовительные действия заключались в приискании соучастников, подборе средств, а также выборе места и времени реализации криминальных намерений. Однако подобные докриминальные мероприятия имели место только лишь в 8% выявленных преступлений [3]. Представляется, что подобное сопоставление будет еще разительнее в отношении так называемых «интеллектуальных» преступлений, к которым, без сомнения, можно отнести и деяния, предусмотренные ст. 194 УК РФ.

Следует обратить внимание еще и на то, что, согласно экспертному опросу, наиболее опытные адвокаты, практикующие в сфере оказания юридической помощи подозреваемым и обвиняемым в совершении экономических преступлений, среди основных проблем современной правоохранительной системы указывают на недостаток профессионалов, способных разобраться в деталях и тонкостях юридической квалификации таких преступлений, это же впоследствии отражается и на результатах правоприменительной деятельности по соответствующей категории уголовных дел в целом.

Можно ли сомневаться в том, насколько важно и одновременно трудно развить в начинающем оперуполномоченном или следователе способность моделирования возможных вариантов совершения экономических преступлений и тем более при отсутствии у данных сотрудников специальных познаний и соответствующего опыта в сфере экономической деятельности? Кстати, то же самое можно сказать и о преступлениях в сфере компьютерной информации и иных криминальных деяниях, выявление, расследование и раскрытие которых требует кроме юридической еще и дополнительной специальной квалификации.

Вероятно, что именно эта проблема сегодня представляет особую актуальность и для сферы профессионального юридического образования, и для сложившейся системы подбора специалистов, включая пересмотр некоторых квалификационных подходов и требований к претендентам на замещение соответствующих должностей.

Оппоненты подобной точки зрения могут возразить, апеллируя к тому, что для решения подобных задач в правоохранительной системе функционируют экспертно-криминалистические центры, лаборатории и т.п.

Однако те профессионалы, которые непосредственно занимаются оперативной, следственной и судебной практикой, знают, что процессуальные возможности в привлечении экспертов весьма ограничены, особенно когда речь идет о так называемой допроцессуальной деятельности, то есть предупреждении и выявлении таких преступлений. Да и квалификация самих экспертов не всегда отвечает насущным запросам правоохранительной системы. В подобных обстоятельствах уместен традиционный вопрос: что делать?

Не секрет, что многие из ранее апробированных и активно используемых в прежние времена методик изучения способов совершения преступлений сегодня неоправданно забыты либо без достаточных на то оснований признаны неэффективными. Например, в настоящее время практически не используется метод включенного наблюдения, то есть изучение криминогенных явлений как бы изнутри самой системы, создающей криминальные опасности. В связи с этим можно вспомнить бесценный опыт профессора Анзора Александровича Габани, который еще в конце 70-х и первой половине 80-х гг. прошлого века с одобрения МВД СССР разработал методику криминоло-

гического включенного наблюдения [2]. Однако, рассуждая о целесообразности активизации в использовании подобных исследовательских методов, следует напомнить и о необходимости осознания четких границ между «включенным наблюдением» и «оперативным внедрением», которые различаются по целям и задачам, а также правовым основаниям.

Вторым достаточно эффективным, с точки зрения познания способов совершения преступлений, по нашему мнению, является моделирующий эксперимент. Здесь необходимо напомнить и о так называемых ролевых играх в процессе подготовки специалистов для правоохранительных органов, где каждому из обучаемых может быть отведена конкретная роль (следователя, государственного обвинителя, защитника, обвиняемого и т.д.).

Суть этих методов заключается в развитии навыков моделировать конкретные оперативные, следственные и даже криминальные ситуации. Многолетние наблюдения автора статьи позволяют утверждать, что наиболее эффективно работающие специалисты часто используют именно этот метод в повседневной практике расследования и раскрытия сложных преступлений.

С развитием глобальной сети Интернет особое внимание следует уделять установлению контактов и последующему общению в электронно-информационном пространстве (специализированных чатах, блогах, веб-сайтах, информационных порталах, на которых проводятся так называемые профессиональные форумы). Исследовательский опыт свидетельствует о том, что именно эти ресурсы часто содержат эмпирическую информацию о разнообразных способах совершения преступлений, и в том числе о преступлениях в сфере экономической деятельности.

В завершение краткого обзора актуальности изучения способов совершения так называемых таможенных преступлений следует несколько слов сказать и о самих способах, а также поделиться некоторым опытом их исследования.

Так, на протяжении ряда лет автором настоящей статьи проводилось комплексное исследование проблем противодействия преступлениям в сфере лесопромышленного комплекса, в которых отдельным блоком рассматривались вопросы доказывания при расследовании ныне декриминализованной контрабанды леса и продуктов лесопереработки, что сегодня может представлять ценную информацию в выявлении и расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица*.

Эмпирическую базу названного исследования составили данные опросов экспертов, которые были представлены сотрудниками правоохранительных органов, участниками внешнеэкономической деятельности, таможенными брокерами и декларантами. Кроме того, были изучены и проанализированы различные информационные источники, включающие материалы уголовных дел, экспертные заключения и таможенные декларации.

В результате указанной аналитической работы был выработан ряд интересных выводов и предложений, направленных на оптимизацию противодействия преступлениям, связанным с уклонением от уплаты таможенных платежей, а также с ныне декриминализованной товарной контрабандой.

В частности, подробно изучен такой способ преступления в сфере экономической деятельности, как ложный экспорт подакцизных товаров. Кроме того, проанализирова-

* Исследования проводились в соответствии с планом научно-исследовательской работы ВНИИ МВД России на 2010 г.: аналитический обзор «Практика выявления и документирования преступлений, связанных с незаконной вырубкой леса и его контрабандным вывозом за границу в ДФО»; методические рекомендации «Процессуальные и организационно-методические основы выявления и документирования преступлений, связанных с незаконной вырубкой леса и его контрабандным вывозом за границу».

ны факты занижения таможенной стоимости товаров экспортером в том случае, когда на вывозимый товар установлены вывозные таможенные пошлины. В ряде случаев этому способствовали объективные сложности установления таможенной стоимости вывозимых товаров, например, при экспорте круглого леса и продуктов лесопереработки.

Среди способов, позволяющих обеспечить недостоверное декларирование при экспорте круглого леса, особый интерес вызвали способы, связанные с так называемой пересортицей экспортной древесины, а также используемые правоохранительными органами методы выявления подобных деяний.

При экспертном опросе специалистов, в том числе и из института лесного хозяйства, а также иных специализированных учреждений, которые привлекались таможенными органами к проведению лесотоварной экспертизы, было установлено, что близкие родственники некоторых из экспертов, являясь участниками внешнеэкономической деятельности, не только сами принимали активное участие в экспорте древесины, но и находились в поле зрения правоохранительных органов как недостоверные декларанты. Однако это в большей степени относится к вопросу о коррупционных рисках и противодействии правоохранительной деятельности, направленной на выявление таможенных преступлений.

Наряду с этим были исследованы и случаи завышения таможенной стоимости товаров экспортером, что позволяло увеличивать суммы возвращаемого налога на добавленную стоимость участникам внешнеэкономической деятельности. Однако уже сегодня подобные деяния можно квалифицировать как экономическое мошенничество, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ.

Следует признать, что декриминализация товарной контрабанды поставила следственные подразделения, к ведению которых, собственно, и относится расследование таможенных преступлений, в весьма затруднительное положение. Это обусловлено прежде всего тем, что ранее сложившаяся следственная практика в большинстве случаев связывала уголовную ответственность за преступления, предусмотренные ст. 194 УК РФ, с действующей в тот период, до внесения изменений в уголовное законодательство России от 7 декабря 2011 г., ст. 188 УК РФ. И это вполне естественно, так как привлечение к уголовной ответственности за собственно товарную контрабанду не вызывало сложностей. Дело в том, что состав преступления, предусмотренный ст. 188 УК РФ, имел весьма удачную законодательную конструкцию, что во многом препятствовало появлению нормативно-правовых пробелов, образовавшихся вследствие декриминализации упомянутой нормы. Во-первых, в этом составе преступления, в отличие от предусмотренного ст. 194 УК РФ, были достаточно четко определены признаки объективной стороны преступления, включая и обобщенную версию возможных способов его совершения: «перемещение товара с сокрытием от таможенного контроля, помимо таможенного контроля, с обманным использованием документов, с обманным использованием средств таможенной идентификации, с недекларированием или недостоверным декларированием». Это же давало и известные преимущества в правоприменительной деятельности, исключая возможности произвольного толкования указанной нормы, правильно определяя вектор квалификации подобных преступлений, а следовательно, и процесс доказывания по данным категориям уголовных дел. Во-вторых, состав преступления, предусмотренный ст. 188 УК РФ, в отличие от состава ст. 194 УК РФ, был сконструирован как формальный, что также существенно упрощало задачу выявления оснований для возбуждения уголовного преследования в случаях нарушения установленных правил внешнеэкономической деятельности. И, в-третьих, субъект преступления ст. 188 УК РФ был общим, в отличие от предусмотренного ст. 194 УК РФ, где субъектом уклонения от уплаты таможенных платежей может признаваться только то лицо, в обязанности которого входила уплата таможенных платежей.

Ввиду указанных обстоятельств, норма ст. 194 УК РФ значительно эффективнее использовалась правоприменителем при «поддержке» ныне декриминализованной ст. 188 УК РФ.

Вполне уместно сегодня вспомнить и о мотивах, которые побудили законодателя отказаться от уголовного преследования за контрабанду предметов, гражданский оборот которых не ограничен («товарная» контрабанда – *И.Н.*). Развернувшаяся по этому поводу в юридическом сообществе дискуссия, по сути, сводилась к двум основным вопросам. Соответствует ли указанное деяние в сложившейся экономической ситуации признаку общественной опасности и не вредит ли наличие уголовной ответственности за «товарную» контрабанду развитию внешнеэкономической деятельности? Кроме того, некоторые из аналитиков сходились во мнении о нарушении принципа недопустимости двойной ответственности за одно и то же деяние. Однако обоснованность последней из обсуждаемых проблем вызывает большие сомнения, так как ссылки на то, что деяния, образующие объективную сторону ныне декриминализованной контрабанды, например недекларирование или недостоверное декларирование, сокрытие от таможенного контроля и т.д., являются способами совершения преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ, недостаточно аргументированы, а стало быть, юридически некорректны. Представляется, что практику соединения в общую квалифицирующую формулу составов преступлений, предусмотренных ст. 188 и 194 УК РФ, можно рассматривать как классический пример идеальной совокупности деяний.

Рассуждая же об экономической целесообразности декриминализации «товарной» контрабанды, можно предположить, что сегодня этот состав преступления мог бы существенно усилить систему антисанкционных мер, направленных на защиту отечественного производителя от несанкционированного ввоза продукции стран-импортеров, находящихся под так называемыми ввозными санкциями. И, напротив, эти же меры могли бы способствовать эффективности экспортного регулирования, включая финансовый сектор экономики России. Уместно отметить и то, что уголовная ответственность за «товарную» контрабанду сегодня применяется во многих странах с высокими показателями экономического развития (Бразилия, Индия, Китай и др.), что не снижает их инвестиционной привлекательности. Однако можно предположить, что в ряде случаев эта уголовно-правовая мера используется как средство защиты экономических интересов. Так, например, из смысла ст. 154 и 155 УК КНР следует, что уголовной ответственности подлежат не только те, кто осуществил контрабандный ввоз товарно-материальных ценностей на территорию Китая, но и те, кто реализует эти предметы на внутреннем рынке без специального таможенного разрешения. Таким образом китайский законодатель при помощи уголовно-правовых средств защищает внутренний рынок от незаконного импорта товаров, находящихся в свободном рыночном обороте.

В Индии, где уголовное законодательство во многом разделяет британские правовые традиции, основанные на казуальных принципах применения уголовного закона с весьма либеральным отношением к государственному управлению внешнеэкономической деятельностью, уголовная ответственность за «товарную» контрабанду представляется весьма суровой и наказывается лишением свободы с привлечением к каторжному труду. При этом особое значение законодательство придает кроме контрабанды наркотиков, оружия, валютных и культурных ценностей противодействию контрабанде редких животных и товаров, имеющих стратегическое значение для индийской экономики [4].

Следует признать, что имеющая место уголовно-правовая реальность в сфере противодействия «товарной» контрабанде весьма противоречива. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы экспертов, представляющих предпринимательское и юридическое сообщества. На наш взгляд, выход из сложившейся ситуации, обусловленной известными трудностями в привлечении к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ, заключается в комплексном

подходе к решению возникших проблем, эффективное преодоление которых во многом зависит от моделирования, обобщения и систематизации возможных способов совершения подобных преступлений, что, в свою очередь, позволит продолжить работу над частными методами их выявления и расследования.

Кроме того, сегодня все чаще высказывается мнение о целесообразности перевода указанных правоотношений из уголовной в гражданско-правовую сферу, что представляется весьма спорным и недостаточно обоснованным ввиду их общественной опасности. Данное обстоятельство приобретает особую актуальность в условиях объявленных Российской Федерацией экономических санкций, значительная часть из которых поддерживается странами – традиционными экспортерами. Продукция же из этих стран нередко становится предметом контрабандного ввоза.

Литература

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007.
2. Габиани А.А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977.
3. Причины преступности в России: монография / Ю.М. Антонян [и др.]. М.: ВНИИ МВД России; СПб.: Нестор–История, 2013.
4. Уголовный кодекс Индии / пер. с англ. А.С. Михлина; под общ. ред. Б.С. Никифорова. М.: Иностр. лит., 1958.

УДК 343.3/7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виталий Николаевич Каплунов, прокурор Хабаровского края
кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации;
Владимир Владимирович Кулыгин, профессор кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор
E-mail: valandil@mail.ru

Статья посвящена некоторым проблемам защиты окружающей природной среды средствами и методами уголовного права. Отмечается, что, несмотря на принимаемые государством меры, обеспечению экологической безопасности не уделяется адекватного значимости проблемы внимания, хотя процесс деградации окружающей природной среды, все углубляющегося экологического кризиса уже принял близкий к катастрофическому характер, прямым следствием которого является рост заболеваемости, сокращение продолжительности жизни, снижение численности населения. С учетом этого предлагаются меры по оптимизации природоохранного законодательства.

Ключевые слова: экологическая безопасность; защита природной среды; оптимизация законодательства.

ACTUAL PROBLEMS OF ECOLOGICAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vitaly Nikolaevich Kaplunov, prosecutor of the Khabarovsk region
Kandidat nauk degree in Law, honored lawyer of the Russian Federation;
Vladimir Vladimirovich Kuligin, chair professor of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor

The article is devoted to some problems of environmental protection by means and methods of criminal law. It is noted that, despite government action, environmental safety is not given adequate importance of the problem addressed, although the process of degradation of the natural environment, increasing ecological crisis has already taken close to disastrous in nature, the direct consequence of which is increased morbidity, reduced life expectancy, and the decline of the population. With this in mind, measures for optimization of environmental legislation are proposed.

Keywords: environmental safety; protection of the natural environment; optimization of the legislation.

Научно-технический прогресс, индустриализация сельского хозяйства, развитие промышленности, транспорта, энергетики, интенсивное использование природных ресурсов привели к тому, что антропогенное воздействие на окружающую среду резко возросло и приняло катастрофический характер. Ежегодно выбрасываются миллионы тонн твердых и газообразных отходов, водоемы загрязняются миллиардами кубометров сточных вод. Почву и сельскохозяйственные угодья губят ядохимикатами, уничтожают в процессе строительства населенных пунктов, промышленных предприятий и транспортных магистралей.

«На территориях с уровнем загрязнения атмосферы в пределах допустимых концентраций (ПДК) проживает всего 15% городского населения России, тогда как 73% – в условиях постоянного превышения ПДК токсичных веществ в 5-10 раз (в 206 городах России в 10 раз превышены пределы допустимых концентраций). Около 50 млн человек проживает в городах, где уровень загрязнения воздуха систематически в 10 раз и более превышает допустимый» [1], ежегодно в атмосферу поступает около 20 млн т химических веществ от действующих предприятий и 17 млн т – от транспорта. Из доклада первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии И.И. Никитчука следует, что более чем в 40 регионах РФ загрязнение воды и воздуха достигает угрожающих размеров. Объем сточных вод составляет около 70 куб. км в год, а объем очищаемых вод – менее 3 куб. км. В большинстве рек России загрязненность вод классифицируется как «загрязненная» и «грязная», а в реках Оке, Каме, Томи, Иртыше, Тоболе, Миассе, Урале – как «очень грязная».

Проблема сброса сточных вод обострена загрязнением почвы и воды нефтью и нефтепродуктами, особенно в тех районах страны, где располагаются основные нефтегазовые месторождения. Экологическими последствиями проблемы загрязнения почв, поверхностных и подземных вод нефтью и нефтепродуктами являются деструкция экосистемы тундры, истощение биологических ресурсов, загрязнение рек и озер и т.д. На сегодняшний день, по экспертным оценкам, общий объем загрязнений от нефтедобывающей отрасли составляет 1,2 млрд т нефтеводных эмульсий. Ежегодно дополнительно засоряется около 30 тыс. га земли. Кроме того, угроза загрязнения исходит и от недостаточной экологически безопасной консервации отработанных скважин [2].

Ежегодно происходящие в России катастрофические лесные пожары наносят колоссальный ущерб как лесной природе, так и ресурсному потенциалу российских лесов. Высокая частота пожаров приводит к коренному изменению облика таежных лесов, снижению их устойчивости, необратимой деградации биологического разнообразия. В некоторых случаях пожары уничтожают большие площади лесов, имеющих ключевое значение для обеспечения благоприятной окружающей среды. Огромное негативное воздействие лесные пожары оказывают на здоровье людей. «Общая преждевременная смертность, вызванная воздействием дыма от пожаров на природных территориях в мире, оценивается в 260–600 тысяч человек в разные годы» [1].

Истощению лесов способствуют большие объемы официальной заготовки древесины в сочетании с незаконной рубкой лесных насаждений. «В 2012 году официально учтенный объем заготовки древесины в России составил 191 миллион кубометров, объ-

ем расхищаемого леса, по самой максимальной оценке, – еще около 70 миллионов кубометров, а объем древесины, сгоревшей или погибшей в результате пожаров оценочно, – не менее 500 миллионов кубометров» [4].

В настоящее время проблема экологической безопасности является одной из важнейших международных проблем, поскольку, по оценкам и прогнозам экспертов, состояние окружающей природной среды на планете постоянно ухудшается, меняется климат, загрязняется атмосфера и Мировой океан, сокращаются площади лесов, увеличивается опустынивание, разрушается озоновый слой, сокращается многообразие растительного и животного мира. Взаимодействие человека и природы на данном этапе развития человечества, как справедливо отмечено А.В. Николаевой, имеет все признаки антропологического экоцида [3].

В целях реализации экологической безопасности РФ государством принимаются меры государственного обеспечения защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Россия играет ключевую роль в обеспечении экологической безопасности во всем мире, так как на ее обширных территориях, занятых различными природными экологическими системами, представлена значительная часть биологического разнообразия Земли, в связи с этим обеспечение экологической безопасности в РФ признано одной из основных задач государства. Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности России, а национальными интересами на долгосрочную перспективу в части обеспечения экологической безопасности являются повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны, экология живых систем и рациональное природопользование.

В частности, в соответствии с вышеуказанным Указом Президента РФ стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:

1. Сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики.
2. Ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Кроме того, положения об обеспечении экологической безопасности закреплены в ст. 42 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. При этом вопросы обеспечения экологической безопасности находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ (ст. 72 Конституции РФ).

Согласно экологической доктрине Российской Федерации, экологическая безопасность может быть обеспечена только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Для этого необходимо формировать и последовательно реализовывать единую государственную политику в области экологии, направленную на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Сохранение и восстановление природных систем должно быть одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества.

В целях обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации принят ряд законов: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности», Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-

ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О радиационной безопасности населения», Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О безопасности гидротехнических сооружений», Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об использовании атомной энергии», Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (ред. от 13.07.2015) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016), Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об охране атмосферного воздуха» и др.

Несмотря на принятые законы и проводимую государством политику в сфере охраны и защиты экологии, говорить о том, что экологическая безопасность обеспечивается в России в полной мере, не приходится. Для этого достаточно обратиться к структуре Уголовного кодекса РФ, в котором ответственность за совершение экологических преступлений предусмотрена в гл. 26 после преступлений против интересов личности и общества и преступлений в сфере экономики, а это значит, что законодатель обеспечению экологической безопасности отводит далеко не первое место. Для сравнения: например, в уголовном законе Латвийской Республики на первом месте по значимости объектов уголовно-правовой охраны помещена глава о преступлениях против человечества, мира, о военных преступлениях и геноциде, а непосредственно за ней регламентируются преступления против государства и природной среды.

Кроме того, большинство из экологических преступлений отечественным законодателем отнесены к преступлениям небольшой тяжести. Так, анализ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение экологических преступлений, показал, что из 39 санкций, имеющих в гл. 26 УК РФ, 28 (72%) предусматривают максимальное наказание, не превышающее 3 лет лишения свободы, 7 (18%) – максимальное наказание, не превышающее 5 лет лишения свободы, 4 (10%) – максимальное наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы.

На наш взгляд, отнесение экологических преступлений к категории преступлений небольшой тяжести говорит о недостаточности государственных мер по обеспечению экологической безопасности, так как наказание как мера государственного принуждения выполняет функцию, стимулирующую к соблюдению норм права, превентивную, обеспечивающую предупреждение правонарушений, и, чтобы там ни говорилось, карательную. Если государство хочет обеспечить экологическую безопасность, то общественные отношения в сфере охраны окружающей природной среды должны подлежать усиленной уголовно-правовой защите. Полагаем, что в настоящее время в подавляющем большинстве санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за экологические преступления, законодателем неадекватно отражена степень общественной опасности данного вида преступлений.

Действительно, о какой эффективной борьбе с преступлениями против окружающей природной среды можно говорить, если максимальным наказанием за загрязнение вод, повлекшее причинение существенного вреда животному и растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству, а также за загрязнение атмосферы является арест до трех месяцев?

Без сомнения, в результате нарушений экологического законодательства РФ природной среде причиняется огромный вред. Экологический вред обладает своей спецификой, которая выражается в его невосполнимости, в необратимости наступивших вредных последствий. Существует мнение, что у экологического вреда отсутствует денежный эквивалент. На наш взгляд, размер вреда, причиненного в результате совершенного экологического преступления, можно рассчитать по таксам, установленным Правительством РФ, по методикам расчета ущерба, предусмотренным специальными нормативными актами, по стоимости затрат на восстановление природного объекта.

Однако проведенный нами анализ судебных приговоров показал, что при назначении наказаний за совершение экологических преступлений виновным лицам в основном назначается наказание в виде штрафа. При этом, как это ни парадоксально, на виновного не возлагается обязанность возместить причиненный экологический ущерб. Так, приговором Адлерского районного суда г. Сочи от 13 февраля 2013 г. по уголовному делу № 1-83/13 за нарушение режима особо охраняемых природных территорий, повлекшее причинение значительного ущерба в размере 768 000 руб., гражданину К. было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб., и ни слова в приговоре не сказано о возмещении причиненного значительного ущерба. Аналогичная ситуация наблюдается и при вынесении судами приговоров за совершение экологических преступлений, предусмотренных ст. 260, 256, 258 УК РФ. Причинами непринятия судом решений о возмещении экологического ущерба могли быть не заявленные надлежащими государственными органами иски о возмещении ущерба. Гораздо более активную позицию, как представляется, могут занимать и органы природоохранной прокуратуры.

В целях восполнения вреда, причиненного совершенными экологическими преступлениями, представляется необходимым обязать соответствующие государственные органы осуществлять контроль за мерами, принимаемыми к возмещению вреда, причиненного преступлениями против окружающей природной среды.

На сегодняшний день существующих мер государственного обеспечения экологической безопасности явно недостаточно. Современное состояние охраны природы и имеющиеся проблемы экологической безопасности требуют, на наш взгляд:

- совершенствования законодательства в области обеспечения экологической безопасности, принятия адекватных мер наказаний за совершение экологических правонарушений;

- научно-методологической разработки концепции экологической безопасности;

- оптимизации системы органов государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды;

- развития системы экологического образования, экологической культуры и повышения уровня экологического правосознания;

- государственной поддержки общественных экологических движений в обеспечении экологической безопасности;

- укрепления международного сотрудничества в области обеспечения экологической безопасности.

Состояние экологической безопасности является неременным условием выживания человечества в условиях новейших экологических угроз и опасностей XXI в. В связи с этим обеспечение экологической безопасности должно являться приоритетным направлением деятельности государства, не менее значимым, чем борьба с международным терроризмом и коррупцией.

Литература

1. Влияние окружающей среды на здоровье человека. URL: <http://prinas.org/article/2024> (дата обращения: 22.01.2016).

2. Никитчук И.И. Актуальные проблемы экологической безопасности // Государственное регулирование и управление в сфере ТЭК. URL: <http://federalbook.ru/tek/iii|nikichuk> (дата обращения: 22.01.2016).

3. Николаева А.В. Актуальные вопросы экологической безопасности и охраны окружающей среды. URL: <http://www.economics.open-mechanic.com/articles> (дата обращения: 23.01.2016).

4. Ярошенко А.Ю., Куксин Г.В. Проблемы охраны лесов и других природных территорий России от катастрофических пожаров. URL: <http://www.president-sovet.ru> (дата обращения: 23.01.2016).

УДК 343.2/.7

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СИНЕРГЕТИКИ В УГОЛОВНОЕ ПРАВО (статья вторая)

Максим Анатольевич Тулиглович, заместитель начальника
Дальневосточного юридического института МВД России (по научной работе)
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tu-m-an@yandex.ru

Настоящая статья завершает цикл статей, посвященных имплементации методологии синергетики в уголовное право. В ней приводятся конкретные примеры применения синергетического подхода в уголовном праве. Предпринята попытка показать, что нового может принести синергетическая методология в уголовно-правовое исследование, каковы возможности и пределы ее применимости при анализе системы уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: самоорганизация; параметры порядка; синергетика; синергетическая методология; уголовное право; имплементация.

IMPLEMENTATION OF METHODOLOGY OF SYNERGETICS IN CRIMINAL LAW (the second article)

Maksim Anatolievich Tuliglovich, deputy head, scientific
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article completes the cycle of articles devoted to implementation of methodology of synergetics in criminal law. In analyzes of application of synergetic approach in criminal law. Attempts to show that the new may bring synergetic methodology in criminal investigation, what are the possibilities and limits of its applicability in the analysis of the system of criminal-legal regulation.

Keywords: self-organization; order parameters; synergy; synergetic methodology; criminal law; implementation.

В предыдущей статье мы указали на возможные перспективы имплементации положений синергетики в исследовательскую составляющую. Теперь попытаемся на конкретных примерах продемонстрировать возможные варианты анализа процессов самоорганизации элементов системы уголовно-правового регулирования.

Как показано в синергетике, процессы самоорганизации происходят через кооперацию отдельных частей открытой системы. Именно в результате совместных действий у частей системы появляются новые качества, приводящие к изменениям состояния и структуры системы в целом [15]. Несложно заметить, что синергетический подход связывает процессы самоорганизации и, соответственно, развития с понятием «открытости» системы. «Только открытая система, – пишет И. Пригожин, – может обмениваться энергией, веществом и информацией с окружающей средой, в результате чего в ней происходят интенсивные изменения» [8, с. 17]. В противовес же открытым системам закрытые стремятся к физическому хаосу, энтропия (беспорядок) в них постоянно возрастает, достигая в пределе максимума [10, с. 284].

К числу открытых систем, без сомнения, принадлежат социальные системы, «каковыми в действительности являются и государство, и право, а это означает, что любая попытка понять их в рамках механистической модели, традиционно используемой, в том числе и правовой наукой (например, теория нормативизма), заведомо обречена на неудачу» [3, с. 7]. Уголовное право представляется нам открытой социальной

системой, поэтому элементы неопределенности, случайности, вероятности, неизбежно сопровождают и процесс уголовно-правового регулирования. Существенное место в нем занимают вопросы реализации предписаний различными субъектами уголовных правоотношений, направленные на использование прав, соблюдение обязанностей и правоприменение.

Общепринято положение о том, что нормы уголовного права по своему содержанию являются запрещающими. Хотя уголовное право, с одной стороны, не исчерпывается наличием только запрещающих норм, даже в этой стройной системе запретов необходимым компонентом выступают обязывающие и управомочивающие нормы, закрепленные в Общей части уголовного закона. С другой стороны, они выступают регулятивными, когда субъект права соблюдает установленный нормой запрет. В противном случае норма приобретает характер охранительной, вследствие чего меняются характер и содержание прав и обязанностей субъектов уголовного правоотношения.

В качестве субъектов могут выступать как общие субъекты реализации норм (граждане), так и правоприменители. Регулятивной уголовно-правовая норма является постольку, поскольку она упорядочивает общественные отношения посредством установления запрета на совершение конкретных общественно опасных деяний. А ее адресатом выступает прежде всего гражданин (в том числе иностранец или лицо без гражданства). Именно он должен самостоятельно соизмерять свое поведение с запретом, установленным в уголовно-правовой норме, принимая во внимание то, что «диспозиция нормы всегда выступает в качестве модели правомерного поведения, ориентируя усилия субъектов права на позитивные результаты» [5, с. 397]. Если человек соблюдает запрет, установленный уголовной нормой, регулирование достигает своей цели. В том случае, когда при реализации норм права установленный регулятивной нормой запрет не соблюдается, нарушается модель правомерного поведения, что, в свою очередь, неизбежно приводит к возникновению охранительных правоотношений, имеющих отличный от регулятивных субъектный состав.

С возникновением подобного рода отношений начинается специфическая форма реализации уголовно-правовых норм – применение. Субъекты правоприменения, а следовательно, и лица, выступающие адресатами правовых норм, выполняют установленную уголовным законом обязанность применить к лицу, нарушившему запрет, весь комплекс уголовно-правовых средств для привлечения его к уголовной ответственности. И возникшая при этом охранительная норма будет носить характер позитивной обязанности.

Интерес в рамках данной публикации представляет последняя форма, поскольку от качества правоприменения, учитывая, что в нем опосредуется отражение воли всего государства, зависит соблюдение прав и законных интересов иных субъектов права. Кроме того, еще С.С. Алексеев предлагал в свое время рассматривать правоприменение как «властную деятельность компетентного органа, которому государство дало полномочия на самостоятельную, **творческую** (выделено нами – *М.Т.*) реализацию норм применительно к отдельному случаю» [1, с. 28]. Именно творческая природа, усиленная наличием законодательного усмотрения, обуславливает появление в правоприменительной деятельности черт вероятности, неопределенности, неоднозначности, а следовательно, и процессов самоорганизации [4, с. 91].

В чем же кроется причина этой неопределенности и неоднозначности, с которой сталкивается правоприменитель? Если рассматривать деятельность по применению правовых предписаний в сфере уголовного законодательства как самостоятельную систему, субъекты которой соотносят свое поведение с определенными факторами (в синергетике эти факторы называются параметрами порядка [15]), то, выступая частью этой системы, они «подчиняются» определенным параметрам порядка, которые определяют их поведение. Примером параметра порядка в процессе правоприменения могут служить, в частности, отдельные положения закона. При наличии соответствующей

щих условий, связанных в основном с качеством самой правовой нормы, дальнейшее поведение субъекта правоприменительной деятельности характеризуется значительной определенностью.

Вместе с тем в рамках анализа процессов самоорганизации в подсистеме назначения наказания в ряде случаев можно описать принцип конкуренции параметров порядка. Покажем конкуренцию параметров порядка и формирование процессов самоорганизации системы наказания на следующем примере.

В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Однако особенности конструирования относительно-определенных санкций действующего уголовного закона позволяют судье при назначении наказания варьировать свое окончательное решение. Возможные варианты альтернатив итогового наказания могут зависеть от множества факторов, которым могут быть присущи черты вероятности и неопределенности. В целом, не претендуя на исключительность, их можно отнести к обстоятельствам объективного, субъективного или случайного характера (политическая конъюнктура, целесообразность, правовая идеология и психология, эмоциональное и физическое состояние судьи, уровень его правовой культуры, сложившаяся судебная практика, поведение осужденного (правомерное* или противоправное) и др.). И каким, при наличии этих факторов, будет итоговое наказание, спрогнозировать очень сложно, хотя с помощью синергетической методологии представляется возможным смоделировать отдельные варианты принятия решения [15].

И все же, несмотря на влияние макро- и микрофлуктуаций, судья в своей деятельности должен руководствоваться принципом законности [7] и, назначая наказание и постановляя приговор, принимать во внимание, с учетом требований ст. 297 УПК РФ, еще один параметр порядка – справедливость. При конкуренции двух указанных параметров порядка происходит упорядочивание системы за счет доминирования одного из них. Однако при этом следует учитывать особенности конкуренции между законностью и справедливостью. Необходимо помнить, что справедливость не может выходить за рамки законности, и данный вид конкуренции возможен только в существующих по закону границах судебского усмотрения.

Например, санкция ч. 3 ст. 322 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет. Вместе с тем анализ даже 25 приговоров судов первой инстанции** показал, что в среднем по России срок лишения свободы равен всего 15 месяцев (1 год 3 месяца). Максимальный же срок лишения свободы по делам данной категории никогда не превышает 24 месяцев (2 года лишения свободы). Конкуренция параметров порядка достаточно ярко выражается и при соотношении санкций отдельных однородных составов. Например, неоднозначная ситуация складывается при анализе справедливости санкций п. «б» ч. 4 ст. 132 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, когда минимальный порог срока наказания в виде лишения свободы за насильственные действия на одну треть выше, чем за совершение убийства.

В данных примерах мы видим, что справедливость законодательно определенного наказания не соответствует реальным характеру и степени его общественной опасно-

* Интервьюирование 30 судей судов первой инстанции городов Хабаровска, Благовещенска, Биробиджана, Владивостока показало, что в рамках правомерного поведения подсудимого в процессе судебного разбирательства ярко выражены две ключевые формы: конфликтная и бесконфликтная. Первая характеризуется действиями подсудимого, направленными на затягивание любыми возможными способами судебного процесса. В данном случае подсудимым используются пробелы уголовно-процессуального законодательства, несовершенство отдельных правовых предписаний, правовые коллизии и т.д.

** Анализ приговоров проводился по данным официального интернет-портала «РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com> [13].

сти. Поэтому один из параметров порядка подчиняет себе соответствующие элементы системы, в результате этого мы получаем пример самоорганизации правоприменительной практики. Учитывая тот факт, что в открытой социальной системе превалирующее общественное мнение играет роль параметра порядка, который подчиняет себе личные мнения отдельных людей и распространяется все шире и шире, подкрепляя тем самым свое собственное существование [16, с. 189, 190], сложившаяся в результате этого судебная практика, поддерживаемая большинством представителей судейского корпуса, будет и дальше развиваться в указанных границах.

Здесь, однако, необходимы отдельные уточнения. Первое. Любой вид общественного мнения (в том числе и мнение отдельной социальной страты профессионалов, в частности устоявшаяся судебная практика) склонен к трансформациям и переменам. Поэтому в зависимости от внешних факторов (политических, экономических, социальных и т.д.) вектор судебной практики может значительно измениться. Второе. Отдельные судебные решения могут выходить за границы общепризнанных пределов. Вместе с тем это не способно существенно повлиять на общую картину происходящего.

Продолжая разбираться с детерминантами неопределенности и неоднозначности правоприменительной деятельности, отметим, что в большинстве случаев причина кроется в несоответствии правовых предписаний требованиям законодательной техники [11, с. 342]. Так, общепризнанным выступает тот факт, что текст закона должен быть ясен и прост, но не в ущерб полноте, точности, глубине формулирования нормативного акта. И хотя достичь подобного эффекта бывает порой достаточно проблематично, данный подход должен использоваться при структурировании предписаний любого нормативного правового акта, и уголовный закон здесь – не исключение. При более детальном изучении УК РФ мы можем найти формально-логические противоречия в структуре правовых предписаний, возникшие по причине отсутствия единообразного подхода правотворческих органов к ясности закона. Это, в свою очередь, влечет необходимость самостоятельного разрешения субъектами правоприменительной деятельности сложившихся правовых коллизий. Часто это приводит к тому, что судебносудебная практика разных субъектов Российской Федерации по одной и той же категории дела значительно отличается.

Стабилизация существующей энтропии в рамках правоприменения может проходить двумя путями. Первый заключается во включении законодателя в урегулирование сложных коллизионных вопросов через принятие соответствующей нормы или внесение изменения в действующую. Второй, наиболее распространенный – упорядочивание существующих отношений через выработку единообразной практики применения и толкования соответствующих законоположений в решениях Верховного Суда Российской Федерации.

Демонстрацией возникновения процессов самоорганизации в деятельности правоприменительных органов могут послужить отдельные аспекты законодательной реализации института соучастия.

Трудно найти в уголовном праве проблему, которая на протяжении многих лет вызывала такие неоднозначные отзывы и не менее противоречивые решения, как институт ответственности за преступления, совершенные в соучастии. Несмотря на повышенное внимание к проблемным вопросам участия в совершении преступления двух или более лиц, сложно утверждать, что удалось решить наиболее острые из них. Между тем от полученных ответов зависят обоснованность квалификации преступлений, назначение наказания, его справедливость и законность.

Не всегда проблемы института соучастия обусловлены недостаточной теоретической проработанностью положений Общей части УК РФ. Анализ уголовного законодательства показывает, что определенные трудности у правоприменителей вызывает целый ряд предписаний, содержащихся в статьях Особенной части УК РФ. Так, непоследовательность решений законодателя в правовой регламентации признаков соучастия в

квалифицированных составах ярко выражена на примере закрепления в качестве квалифицирующего признака группы лиц без предварительного сговора.

Такой квалифицирующий признак, как «группа лиц», законодатель использует в качестве квалифицирующего в 17 различных составах, в то время как группа лиц по предварительному сговору указана в 105 составах преступления. Примечательно, что в ряде статей уголовного закона наряду с иными отягчающими ответственность обстоятельствами закреплен признак «группой лиц» без указания на возможность совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой (ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», ст. 214 УК РФ «Вандализм», ст. 283.1 УК РФ «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну»).

Мы не ставим перед собой задачи определить ни истинные причины, побудившие законодателя исключить возможность усиления ответственности за наиболее опасные формы соучастия, ни мотивы, не позволившие ему сделать второй шаг, обусловленный законами формальной логики, и установить правило квалификации для подобных случаев в ст. 35 УК РФ. Ответы на эти вопросы раз за разом будут упираться в энтропийные процессы, неизбежно сопровождающие всю процедуру уголовного нормотворчества [14]. Поэтому уровень достижимости истины в данном вопросе сродни поиску доказательств неразрешимых теорем, например, в квантовой физике. Вместе с тем, подобная позиция законодателя не может быть признана как объективно обусловленная. Степень общественной опасности преступления, совершенного при предварительной договоренности нескольких лиц, тем более, когда речь идет об организованной форме соучастия, всегда признавалась отличной от преступления, совершенного без предварительного сговора. Особенно, если это касается незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну (ст. 281.1 УК РФ) и контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ). Следуя строго букве закона, с учетом положений ст. 35 УК РФ, устанавливающей, что «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без **предварительного сговора**» (выделено нами – *М.Т.*), правоприменитель, столкнувшись с фактом совершения данного преступления организованной группой, должен был бы квалифицировать действия соучастников по ч. 1 данной статьи. В то же время совершение преступления группой лиц будет влечь наказание по ч. 2 рассматриваемой статьи, нарушая, тем самым, принцип справедливости.

Выход из сложившейся ситуации, по мнению отдельных авторов, видится в применении, исходя из сложившейся практики, аналогии толкования. «Так, пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», устанавливает, что «при совершении участником преступного сообщества (преступной организации) тяжкого или особо тяжкого преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи УК РФ, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа» (например, по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный организованной группой). Если состав совершенного преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, действия лица подлежат квалификации по соответствующей части (пункту) статьи УК РФ, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц» [9, с. 228].

Насколько данная аналогия применима к преступлениям, не совершаемым преступным сообществом, вопрос остается открытым. В любом случае применение на практике данного разъяснения может считаться не совсем удачной попыткой судебного

нормотворчества^{*}, поскольку это не может быть признано ни формой толкования имеющегося правового предписания, ни его конкретизацией, так как положение, содержащееся в ч. 1 ст. 35 УК РФ, подлежит буквальному толкованию. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции РФ Верховный Суд РФ по вопросам своего ведения может выступить с законодательной инициативой или разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства [6, ч. 6 ст. 2], в круг его полномочий вообще не входит создание нормативных правовых актов. В Российской Федерации данное право делегировано органам законодательной (издание законов) и исполнительной (издание подзаконных актов) власти. От постановлений Пленума сегодня ждут не только толкования, но и, в отдельных случаях, конкретизации действующих норм. Однако формулированием новых предписаний необходимо заниматься законодательным органам власти.

Мы рассмотрели один из сценариев развития событий в рамках процессов самоорганизации, происходящих в институте соучастия в преступлении. Именно подобные пробелы законодателя приводят судебно-следственные органы к необходимости самостоятельного поиска возможных вариантов решения сложной правовой коллизии с учетом соответствующих параметров порядка. В связи с этим необходимо учитывать правило, разработанное синергетикой: в любой открытой системе, находящейся из-за многочисленных и постоянных изменений в состоянии, когда дальнейшее ее развитие оказывается непредсказуемым, «любое внешнее воздействие может произвести эффект, усиливающийся социальным резонансом, что способно как вывести систему на новый уровень самоорганизации, так и оказать деструктивное воздействие» [11, с. 19-22].

Таким образом, анализ имплементации синергетики в уголовное право позволяет нам сделать следующие обобщающие выводы:

1. Рассматривая имплементацию как процесс реализации в определенной исследовательской программе соответствующих методологических подходов, следует отметить, что, по всей видимости, предпосылки для использования междисциплинарной методологии при исследовании уголовного права все же имеются и важность данного подхода не исчерпывается метафорами и аналогиями, вытекающими из теорий и концепций, получивших развитие в естественных науках. Вместе с тем необходимо еще настраивать данный инструментарий «и интегрировать новый подход в целом в ткань социальных наук – при полном понимании специфики последних».

2. Обращение к методологическому инструментарию синергетики видится вполне перспективным направлением при разработке проблем уголовной политики, нормотворчества, уголовно-правовых отношений и реализации норм уголовного права. В области уголовного права методология синергетики может позволить по-новому взглянуть на сущность уголовно-правового регулирования, создать концептуальную теоретическую модель оптимального его развития. Учитывая тот факт, что процессы самоорганизации присущи всем стадиям системы уголовно-правового регулирования, их исследование и описание позволит определить пути развития основных уголовно-правовых институтов. Достижению новых результатов в криминологических исследованиях может способствовать использование методов, развивающихся в рамках синергетики.

3. Имплементация положений синергетики в уголовно-правовое исследование несколько не означает отказа от использования иных методов научного познания. Только при совместном использовании все компоненты исследовательской методологии, связанные между собой, способны дополнить и обогатить полученное знание. Именно такой методологический подход может выступить эффективным руководством в научном познании прошлых, настоящих и будущих процессов, происходящих в системе уголовно-правового регулирования.

* В действующей доктрине уголовного права вопрос о судебском нормотворчестве является достаточно дискуссионным [2, с. 57-58].

Литература

1. Алексеев С.С., Дюрягин И.Я. Функции применения права // Правоведение. 1972. № 2.
2. Волков К.А. Значение судебного прецедента для преодоления недостатков уголовного закона // Российская юстиция. 2010. № 1.
3. Глигич-Золотарева М.В., Добрынин Н.М. Синергетика федерализма. Ч. I // Право и политика. 2006. № 11.
4. Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
5. Любашин В. Я., Смоленский М. Б., Шепелев В. И. Теория государства и права. Ростов н/Д, 2002.
6. О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
7. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 22.12.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета. 1992. 29 июля.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ.; под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М., 1986.
9. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2.
10. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. М.: Юнити, 1999.
11. Сигалов К.Е. Синергетическая организация права: теория и реальность // История государства и права. 2011. № 19.
12. Толстик В.А. Техничко-юридические приемы выявления, устранения и преодоления формально-логических противоречий // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М., 2004.
13. Тулиглович М.А. Процессы самоорганизации при назначении наказания: значение параметров порядка в законодательных компромиссах // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016.
14. Тулиглович М.А. Энтропийный оптимум уголовно-правовой охраны личности // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступлениям против личности: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.С. Бахты, М.А. Тулигловича, К.А. Волкова. Хабаровск, 2014.
15. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? URL: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=244>
16. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.

УДК 343.622

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДЕТОУБИЙСТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ

Анна Владимировна Лунева, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: annaluneva@mail.ru

Статья посвящена уголовно-правовому анализу субъективной стороны детоубийства (п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 106 УК РФ). В работе рассматривается понятие субъективной стороны детоубийства, определяются ее признаки и особенности, основные точки зрения ученых-правоведов на этот счет, а также анализируется судебно-следственная практика данной категории дел. Вносятся предложения по изменению п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: детоубийство; субъективная сторона; квалифицированный состав детоубийства; привилегированный состав детоубийства; вина; прямой умысел; косвенный умысел; неосторожность.

FEATURES OF THE SUBJECTIVE SIDE OF CHILD HOMICIDE AND ITS IMPORTANCE IN THE PROCESS OF QUALIFICATION

Anna Vladimirovna Luneva, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article is devoted to criminal legal analysis of the subjective side of child homicide (n. «в» h. 2, Art. 105, Art. 106 of the Criminal Code of Russia). The paper deals with the concept of the subjective side of child homicide, defined by its symptoms and characteristics, the basic point of view of legal scholars on this subject, as well as analyzes of forensic and investigative practice of this category of cases. Made proposals to amend the n. «в» h. 2, Art.105of the Criminal Code of Russia.

Keywords: child homicide; subjective side; child murder; infanticide; wine; direct intent; indirect intent; carelessness.

Любое преступление характеризуется с помощью признаков, относящихся не только к внешней (физической), но и к внутренней (психической) стороне. Каждый из этих признаков, включая признаки субъективной стороны, должен быть исчерпывающе исследован в случаях применения правовой нормы компетентными органами, чтобы юридическая характеристика конкретного преступления полностью совпадала с законодательным его описанием [11, с. 3].

Детоубийства, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 106 УК РФ, нередко отграничиваются от других преступлений, связанных с причинением смерти ребенку (например, ч. 4 ст. 111, ст. 109 и 125 УК РФ), исключительно по субъективной стороне. Поэтому анализ данного элемента состава преступления представляется очень важным. Обусловлено это в основном проблемами практического применения уголовного закона при квалификации вышеуказанных общественно опасных деяний.

Большинство ученых-правоведов субъективную сторону преступления определяют как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим в результате этого общественно опасным последствиям [12, с. 386; 16, с. 190; 17, с. 157-158; 6, с. 185].

Основным и обязательным признаком субъективной стороны любого преступления является вина в форме умысла или неосторожности, а факультативными – мотив и цель. По поводу включения в содержание субъективной стороны таких признаков, как

эмоции, аффект, заведомость и других, в юридической литературе нет единого мнения. Так, А.И. Рарог считает, что эмоции характеризуют не психическую деятельность виновного, а его психическое состояние, т.е. характеризуют не субъективную сторону, а субъект преступления, следовательно, не являются самостоятельным признаком субъективной стороны [17, с. 158].

На наш взгляд, следует поддержать точку зрения, согласно которой мотив, цель, эмоции, заведомость, самовольность и другие указанные в УК РФ признаки субъективной стороны являются факультативными, а при закреплении одного из них в юридической конструкции состава преступления превращаются в обязательные [12, с. 387; 13].

Детоубийство всегда совершается умышленно. Это вытекает из самого понятия убийства – умышленного причинения смерти другому человеку, закрепленного в ч. 1 ст. 105 УК РФ. Неумышленное причинение смерти ребенку в зависимости от конкретных обстоятельств дела может расцениваться как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть ребенка (ч. 4 ст. 111 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) либо как невиновное причинение смерти (ст. 28 УК РФ). Внешние проявления обозначенных выше составов преступлений часто совпадают по совершаемым действиям (бездействию), способу, а также объекту посягательства – праву ребенка на жизнь. Поэтому отграничить и точно квалифицировать схожие по объективным признакам составы преступлений возможно, только правильно определив форму вины, а также мотив и цель, которыми руководствовался преступник.

Умышленное причинение смерти ребенку (п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 106 УК РФ) предполагает наличие у виновного прямого или косвенного умысла. Согласно проведенному нами исследованию [7], было установлено, что в изучаемых составах преобладают преступления с прямым умыслом (приблизительно 80% случаев). Убийства детей с косвенным умыслом встречаются гораздо реже (около 20%). При этом примерно в 3-5% случаев косвенный умысел, на наш взгляд, был установлен ошибочно.

Полагаем, что развернутая формула вины при совершении детоубийства включает в себя осознание причинения смерти ребенку, предвидение возможности или неизбежности ее наступления и желание (либо сознательное допущение) наступления таковой.

При детоубийстве с прямым умыслом отношение к смерти ребенка выражается в предвидении неизбежности и желании ее наступления, а при детоубийстве с косвенным умыслом – в реальной возможности наступления смерти, в нежелании смерти, но в сознательном допущении или безразличном отношении к ее наступлению. Однако, как справедливо отметил А.И. Рарог, в отдельных случаях лицо, совершающее преступление с прямым умыслом, может предвидеть общественно опасные последствия не как неизбежные, а лишь как реально возможные. Подобная ситуация складывается, если избранный виновным способ посягательства объективно способен с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Например, выбрасывая малолетнего ребенка из окна третьего этажа дома, виновный понимает, что и смерть, и любой тяжести вред здоровью потерпевшего будут в зависимости от обстоятельств падения (например, на ветви дерева или в сугроб) одинаково закономерным результатом этого преступления. В подобных случаях желаемое последствие (смерть) является закономерным, но не единственно возможным результатом совершенных действий, поэтому оно предвидится не как неизбежный, а как реально возможный результат деяния [17, с. 166].

Поэтому не всегда при детоубийстве можно различить эти виды умысла по предвидению (второй части интеллектуального критерия). Следовательно, отличие прямого умысла от косвенного следует проводить по волевому критерию. При прямом умысле субъект должен желать наступления последствий в виде смерти малолетнего, а при косвенном – не желать, но сознательно допускать ее наступление либо относиться к этому безразлично. Причем подобное «нежелание» не есть его полное отсутствие, а

лишь отсутствие у виновного прямого желания причинить смерть или не только ее. «Сознательное допущение» можно рассматривать как готовность лица к наступлению смерти как одному из возможных вариантов общественно опасных последствий. Например, женщина, тайно родившая и оставившая ребенка в месте, где он с равной вероятностью может быть найден и спасен людьми либо умереть от голода или переохлаждения, должна допускать несколько возможных вариантов последствий совершения ею деяния.

Интересно мнение А.Л. Карасовой и М.А. Трясоумова, которые указывают, что детоубийство с косвенным умыслом может иметь место тогда, когда, например, мать с целью избавиться от ребенка оставляет его в месте, где обнаружение и спасение его маловероятно [4, с. 125; 15, с. 103].

Е.В. Серегина убеждена, если мать в мороз отнесет ребенка в лес – это прямой умысел на убийство, а если оставит в условиях, когда его могут спасти, – косвенный [14, с. 107].

Вышеперечисленные точки зрения требуют некоторого уточнения. На наш взгляд, оставление малолетнего ребенка в лесу или поле, вдали от человеческого жилья, там, где его вряд ли кто-нибудь сможет заметить и спасти, может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом на убийство. Поэтому точное установление вида умысла возможно путем определения его направленности.

И.И. Горелик по этому поводу писал, что «о направленности умысла виновного судят преимущественно по тому, куда, в какое время (зимой, летом, ночью, днем), в какое место и в каком состоянии ребенок был подкинут и, следовательно, какова была вероятность его спасения» [10, с. 57].

Например, как совершенные с прямым умыслом были расценены действия жительницы пос. им. Лазо Хабаровского края, которая на последнем сроке беременности (состояла на учете у гинеколога, наблюдалась всю беременность), будучи не замужем, имея на иждивении малолетнего ребенка 1,5 лет, 2 октября 2012 г. в частном доме, где проживает со своими родителями, самостоятельно произвела на свет живого ребенка, которого отнесла и оставила на куче мусора, находящейся на придомовой территории между надворными постройками (сараями). Сама вернулась к домашним делам, но позднее ей стало плохо, и родственники вызвали «Скорую помощь», которая доставила женщину в больницу, откуда и сообщили в полицию о происшедших домашних родах. Со слов родильницы, ребенок родился мертвым, поэтому она его похоронила. Сотрудники полиции выехали по месту жительства женщины и при осмотре обнаружили на куче мусора новорожденного мальчика. Несмотря на то, что ребенок пролежал там более 6 часов, он остался жив. Таким образом, следующие за совершением преступления умышленные действия молодой матери, направленные на сокрытие местонахождения ее новорожденного ребенка, явно свидетельствующие о ее намерении довести свои действия до конца, т.е. причинить смерть младенцу, убедили сотрудников Следственного управления Следственного комитета РФ по Хабаровскому краю, что преступление совершалось с прямым умыслом*.

Другой случай. В июле 2010 г. в пос. Переяславка Хабаровского края мужчина, собиравший грибы в лесном массиве, обнаружил в зарослях кустов новорожденную девочку, завернутую в чистые пеленки. Ребенок был доставлен в детскую краевую больницу г. Хабаровска, где врачи констатировали, что девочке 2 – 3 дня от роду, но пробыла в лесу она сравнительно небольшой промежуток времени (не более 3 часов). Лицо, оставившее ребенка в лесу, установлено не было**.

* «Происшествия»: видеосюжет программы ТРК «Новости 24 – Россия 1» (эфир от 3 октября 2012 г.).

** «Место происшествия»: видеосюжет программы ТРК «Губерния» (эфир от 25 июля 2010 г.).

Полагаем, что если бы последствия в виде смерти наступили, то этот случай мог бы служить характерным примером оконченного состава детоубийства с косвенным умыслом. При этом необходимо учитывать следующие обстоятельства: во-первых, деяние совершилось летом, т.е. замерзнуть сразу ребенок не мог; во-вторых, июль – это время сбора грибов и ягод, соответственно, в дневное время в лесу могут оказаться люди, которыми ребенок может быть найден; в-третьих, никаких дополнительных действий по умерщвлению ребенка не производилось. Таким образом, для квалификации деяния как оконченного детоубийства необходимо установить, что лицо, оставившее младенца в лесу, осознавало грозящую ребенку смертельную опасность, например, от укусов насекомых, животных, голода и др.

В то же время убийство ребенка путем оставления его в малолюдном месте, совершенное с применением дополнительных средств, таких как полиэтиленовый пакет (приблизительно в 15% исследованных нами случаев), по нашему мнению, однозначно свидетельствуют о наличии только прямого умысла. Об этом свидетельствует и судебно-следственная практика. Так, 22 августа 2012 г. тридцатилетняя жительница Белгородской области, мать 4 детей, в кустах на обочине загородной трассы родила ребенка и оставила его в полиэтиленовом пакете на мотке электрических проводов на обочине дороги. Спустя несколько часов ребенка обнаружил электрик, который выполнял работы на этом участке, и сообщил о находке в правоохранительные органы. В течение часа сотрудники полиции установили личность женщины – матери новорожденного, она работала недалеко от места обнаружения ребенка. Было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, ст. 106 УК РФ*.

Считаем, что помещение живого ребенка в полиэтиленовый пакет свидетельствует о прямом желании причинить смерть ребенку. Ведь понятно, что если без воды и пищи ребенок может прожить какое-то время, то без воздуха – нет. Поскольку полиэтилен воздух не пропускает, ребенок может задохнуться в пакете очень быстро, буквально в течение нескольких минут. Этот факт общеизвестен, поэтому, помещая новорожденного (или малолетнего) в целлофан и оставляя в мусорном контейнере, в лесу, на обочине дороги или другом безлюдном месте, лицо должно осознавать (и осознает) неизбежность или реальную возможность наступления быстрой смерти ребенка. Фактор времени, пишет Ю. Власов, в подобном случае играет существенную роль, поскольку объективная вероятность наступления последствий в течение короткого промежутка времени позволяет усматривать конкретное их предвидение [1, с. 20]. Более того, совершение таких действий, на наш взгляд, свидетельствует об их направленности на достижение именно данного последствия, а это характерно только для прямого умысла.

Правильная квалификация умышленного причинения смерти малолетнему (в том числе новорожденному) ребенку предполагает тщательное исследование дополнительных признаков субъективной стороны, таких как мотив и цель, обязательное установление которых рекомендовано п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [8, с. 5]. Более того, пункт 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию по каждому уголовному делу, предусматривает мотив преступления. Установление мотива и цели детоубийства также необходимо для решения вопроса о тяжести преступления, личности преступника, квалификации содеянного, назначения вида и размера наказания.

Сознательное действие человека всегда связано с определенной мотивацией поведения. Безмотивных действий не существует, если только они не совершаются душевнобольным в состоянии заболевания, которое исключает возможность сознательной

* URL: <http://www.regnum.ru/news/1564754.html/> (дата обращения: 19.09.2012).

мотивации поступков. Таким образом, мотив всегда порождает умысел на совершение преступления [9, с. 66].

Мотив при детоубийстве – это внутренняя субъективная побудительная причина преступного поведения, его смысл, объективно связанный с обстоятельствами внешней среды и, конечно, с устойчивыми чертами личности преступника. Основой мотивов являются потребности, отражающие внутреннюю среду личности [18, с. 28-29].

Устанавливая мотив, нельзя забывать о цели, которую преследовал преступник, совершая детоубийство. Цель детоубийства – это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, заключающаяся в наступлении смерти ребенка, к достижению которой стремится убийца посредством прямого осуществления задуманного [18, с. 31].

Проводя отграничение цели от мотива, следует обратить внимание на их сходство. Во-первых, иногда ближайшая, а большей частью конечная (финальная) цель поведения преступника способна удовлетворить его мотивационные побуждения. Во-вторых, сама цель нередко имеет мотивирующее значение [5; 13, с. 153]. Цели детоубийства могут быть различными. Например, избавление от материальных затрат по содержанию ребенка, получение свободного времени, сокрытие совершенного ранее преступления в отношении этого же ребенка либо другого лица, использование органов и тканей и др.

Отметим, что только определив мотив и цель детоубийства, можно точно установить вид умысла, с которым было совершено преступление.

Кроме вины, мотива и цели субъективная сторона убийства малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) должна содержать признак заведомости. Так, А.И. Рарог указывает: «... применительно к квалифицированным составам осознание общественной опасности деяния как компонента умысла означает осознание повышенной общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность» [3, с. 16]. Таким образом, малолетний возраст ребенка (до 14 лет) должен быть очевиден для того, кто совершает посягательство на его право на жизнь.

Признак заведомости присутствует и сейчас в норме об убийстве, квалифицируемом по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но только применительно к случаю умышленного причинения смерти иному лицу, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии. Следовательно, независимо от того, знал виновный в причинении смерти лицу до 14 лет о малолетнем возрасте жертвы или не знал, его преступные деяния будут квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По данному вопросу в литературе было высказано мнение, что, доказав лишь предположительное знание возраста, можно вменить и соответствующий квалифицирующий признак. Безусловно, подобные тонкие разграничения в оттенках осознания (точно знать или предполагать) могут вызвать возражения у практических работников вследствие затруднительности доказывания соответствующих обстоятельств. Однако доказать достоверное знание труднее, чем знание предположительное, которое у виновного может наличествовать вследствие всей совокупности объективных обстоятельств происшедшего (внешние данные потерпевшего лица, его речь, упоминания знакомых и друзей и т.п.) [3, с. 16-17].

Полагаем, что виновный в убийстве малолетнего должен абсолютно точно знать о малолетстве потерпевшего. Позиция законодателя, не включившего в нынешнюю редакцию п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ указание о заведомости малолетнего возраста жертвы, объяснима частично тем, что такого рода преступления в подавляющем большинстве случаев (приблизительно 72%) совершаются родителями, другими родственниками и знакомыми, для которых возраст жертвы на момент совершения преступления очевиден.

В то же время определенное количество детоубийств совершают посторонние лица, например, маньяки, которые могут и не знать точный возраст жертвы, особенно если ей около 13-14 лет (т.е. период интенсивного полового созревания). Девочки, созревающие раньше мальчиков, в этом возрасте выглядят достаточно взросло. В таких случаях, согласно действующей редакции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, убийца, даже сославшись на незнание, что его жертвой стал именно малолетний ребенок, будет нести ответственность за совершение квалифицированного детоубийства, так как закон не предусматривает каких-либо других признаков квалификации по данной норме, кроме объективного установления малолетнего возраста жертвы. Данное законодательное решение, с одной стороны, направлено на пресечение возможности ухода от ответственности лиц, виновных в совершении тяжкого деяния – убийства малолетнего ребенка. С другой стороны, во-первых, это противоречит одному из основных принципов уголовного права о недопустимости объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ). Во-вторых, вызывает большие сложности в судебной-следственной практике при доказывании умысла. Ведь если деяние должно квалифицироваться в соответствии с содержанием и направленностью умысла, то чем будет различаться умысел на «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ)? Следовательно, станет невозможным разграничение смежных составов, отличие которых возможно лишь по субъективной стороне.

Наши выводы косвенно подтверждаются определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 3-О11-2, разъяснившим, что исключение (Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ) из п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ «заведомости» совершения изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, не освобождает органы следствия от обязанности доказывания наличия у виновного лица умысла на совершение инкриминируемых ему действий. Распространяя данное судебное решение на исследуемый нами состав квалифицированного убийства малолетнего, можно сделать вывод, что судебная практика следует принципу о запрете объективного вменения. Несмотря на отсутствие законодательной формулировки о заведомости, нельзя квалифицировать действия виновного, вменяя признак «малолетний», если это обстоятельство им не осознавалось.

Учитывая сказанное и преследуя цель исполнения требования уголовного закона о соблюдении принципа вины и, в частности, недопустимости объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ), предлагаем пересмотреть законодательный подход к формированию диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнить ее словом «заведомо» (малолетнего), что устранил законодательное противоречие, а также будет содействовать строгому соблюдению уголовного закона.

Литература

1. Власов Ю. Отграничение убийства и умышленного причинения вреда здоровью, совершенных путем бездействия, от оставления в опасности // Уголовное право. 2008. № 2.
2. Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам субъективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 18.
3. Есаков Г. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики // Уголовное право. 2011. № 6.
4. Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003.
5. Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России. М.: Юрлитинформ, 2009.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть: Т.1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.
7. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (с изм. от 06.02.2007, 03.04.2008) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
9. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965.
10. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
11. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
12. Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Т.1.
13. Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 2007.
14. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.
15. Трясоумов М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийством матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
16. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
17. Уголовное право РФ. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Инфра-М, 2008.
18. Федотов И.С. Расследование детоубийств. М.: Юрлитинформ, 2003.

УДК 343.3/7

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 173¹ УК РФ (НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (СОЗДАНИЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА)

Марианна Геннадьевна Ильина, адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: marianna_super@mail.ru

В статье автор рассматривает общественные отношения, составляющие содержание непосредственного объекта незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. Проанализированы точки зрения ученых относительно данного вида объекта преступления. Предложена формулировка понятия непосредственного объекта незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица.

Ключевые слова: объект преступления; ст. 173¹ УК РФ; юридическое лицо; непосредственный объект незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица; уголовная ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица; подставные лица; регистрация юридического лица через подставных лиц.

A DIRECT OBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 173¹ OF THE CRIMINAL CODE (ILLEGAL FORMATION (CREATION, REORGANIZATION) LEGAL ENTITY)

Marianna Gennadyevna Ilyina, post graduate of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

In the article the author examines the social relations that make up the content of the immediate object of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity. Analyzed the point of view of scientists regarding this type of crime. According to the research results, the authors proposed the formulation of the direct object illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity.

Keywords: object of crime; article 173¹ of the criminal code; a legal person; the immediate object of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity; criminal liability for illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity; surrogates; registration of the legal person through figureheads.

В определении сущности преступления и характера общественной опасности незаконного образования юридического лица важную роль играет характеристика объекта данного преступного деяния. В науке уголовного права отсутствует единое мнение относительно непосредственного объекта незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. Одной из причин этого можно считать сложный путь формирования современной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Анализируя проблему содержания понятия непосредственного объекта незаконного образования юридического лица, нельзя не учитывать исторический аспект.

Данная норма является обновленной редакцией существовавшей ранее ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство» (отмененной в 2010 г.). Непосредственный объект лжепредпринимательства в свое время также вызывал разногласия. Его непосредственным объектом признавались и охраняемые законом отношения по поводу организации и осуществления предпринимательской деятельности [1, с. 31], и общественные отношения, устанавливающие основные начала предпринимательской деятельности как меры дозволенного поведения, которое заключается в рациональном использовании собственности при производстве товаров и оказании услуг с целью удовлетворения потребностей как отдельных граждан, так и общества в целом, с соблюдением установленных для этого правил [8, с. 64]. Обе позиции по-разному отражали сущность деяния, однако общим было то, что лжепредпринимательство признавалось посягающим на отношения, которые возникали при организации субъекта предпринимательской деятельности, являющегося главным участником общественных отношений, устанавливающих основные начала экономической деятельности.

Современная редакция ст. 173¹ УК РФ определяет незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица как образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) сведений о подставных лицах. К сожалению, эта, на первый взгляд, ясная формулировка не позволяет авторам высказывать единую точку зрения относительно содержания непосредственного объекта данного деяния. Многие авторы либо расширяют, либо значительно сужают круг общественных отношений, входящих в содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ.

Так, А.К. Романов в качестве непосредственного объекта незаконного образования юридического лица выделяет сферу экономической деятельности [6, с. 121]. Однако с этим нельзя согласиться, поскольку данная сфера включает в себя более широкий круг экономических отношений, характеризующих видовой объект незаконного образования юридического лица.

В.И. Тюнин и Т.А. Бадзгардзе, наоборот, в качестве непосредственного объекта выделяют лишь установленный законодательством порядок создания или реорганизации юридических лиц [7, с. 24].

Н.А. Лопашенко, характеризуя непосредственный объект незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, считает, что посягающее на принцип законности экономической деятельности преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ, нарушает порядок создания коллективных хозяйствующих субъектов – юридических лиц [2, с. 100].

Соглашаясь с мнением, что непосредственным объектом выступает порядок образования юридических лиц, считаем важным отметить необходимость дальнейшего изучения порядка государственной регистрации юридических лиц, поскольку использование подставного лица как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, при государственной регистрации создания или реорганизации юридического лица не всегда может негативно повлиять на установленный законом порядок образования юридического лица.

Порядок создания или реорганизации юридического лица закреплен в гл. III Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4]. Государственная регистрация осуществляется в регистрирующем органе, которым в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» [3] является Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России).

В соответствии с п. 8 ст. 51 ГК РФ юридическое лицо считается созданным, а данные о юридическом лице считаются включенными в ЕГРЮЛ со дня внесения соответствующей записи в такой реестр. В случае, когда происходит реорганизация юридического лица в соответствии с п. 4 ст. 57 ГК РФ, оно считается реорганизованным (за исключением реорганизации в форме присоединения) с момента государственной регистрации юридических лиц, создаваемых в результате реорганизации. Когда происходит реорганизация юридического лица в форме присоединения к нему другого юридического лица, первое из них считается реорганизованным именно с момента внесения в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица.

Предшествует процедуре образования юридического лица путем его государственной регистрации этап, в рамках которого происходит вовлечение подставного лица в совершение преступления и подготовка всех необходимых для государственной регистрации юридического лица обязательных документов.

Процедура государственной регистрации юридических лиц в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» начинается с подачи документов в территориальный орган ФНС России по месту нахождения указанного учредителями в заявлении о государственной регистрации постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия такого исполнительного органа – по месту нахождения иного органа или лица, имеющего право действовать от имени юридического лица без доверенности. Государственная регистрация юридического лица осуществляется в срок не более пяти рабочих дней.

Порядок действий ФНС России при государственной регистрации юридических лиц регулируется приказом Минфина РФ от 22 июня 2012 г. № 87н «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств».

В соответствии со ст. 64 Административного регламента предоставление государственной услуги, направленной на государственную регистрацию юридического лица, включает ряд административных процедур:

I. *Прием и регистрация представленных в инспекцию документов.* Основанием для начала административной процедуры по рассмотрению представленных в инспекцию Федеральной налоговой службы (далее – ИФНС) документов и принятию решения о государственной регистрации либо решения об отказе в государственной регистрации является получение необходимых документов специалистом, на которого возложена ответственность по рассмотрению этих документов. При этом регистрирующий орган выдает расписку в получении документов.

II. *Формирование и направление межведомственного запроса о предоставлении документов, необходимых для оказания государственной услуги, в государственные и иные органы, участвующие в предоставлении государственной услуги* (в случае непредставления заявителем в ИФНС необходимых документов).

III. *Рассмотрение представленных в инспекцию документов и принятие решения о государственной регистрации либо решения об отказе в государственной регистрации*. На данном этапе специалист, ответственный за рассмотрение представленных в ИФНС документов, осуществляет проверку на предмет наличия или отсутствия оснований для отказа в предоставлении государственной услуги. По результатам проверки специалист готовит проект решения о государственной регистрации либо об отказе в государственной регистрации. Подготовленный проект специалист, ответственный за рассмотрение представленных в инспекцию документов, направляет на подпись руководителю инспекции. Подписанное руководителем инспекции решение вместе с представленными в инспекцию документами передается для внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ.

IV. *Подготовка и оформление документов, являющихся результатом предоставления государственной услуги*. Ответственный за подготовку и оформление документов, являющихся результатом предоставления государственной услуги, специалист оформляет документы, подтверждающие факт внесения записи в ЕГРЮЛ, и выписку из ЕГРЮЛ, которая содержит сведения о внесении соответствующей записи, а также один экземпляр учредительных документов юридического лица или изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, на котором проставляется отметка инспекции, а в случае отказа в предоставлении государственной услуги – решение об отказе.

V. *Выдача (направление) документов, являющихся результатом предоставления государственной услуги*. Документы, являющиеся результатом предоставления государственной услуги, передаются специалисту, ответственному за выдачу указанных документов. После этого происходит выдача документов, являющихся результатом предоставления государственной услуги.

Как указано в ст. 11 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», моментом государственной регистрации, т.е. и моментом образования юридического лица, признается внесение регистрирующим органом соответствующей записи в ЕГРЮЛ.

Проведенное нами анкетирование исследователей в области уголовного права показало, что только 28% респондентов считают непосредственным объектом преступного деяния в форме образования (создания реорганизации) юридического лица через подставных лиц установленный гражданским законодательством порядок государственной регистрации.

Исследовав процедуру образования юридического лица и учитывая, что понятие незаконного образования юридического лица объединяет два самостоятельных действия: 1) образование юридического лица через подставных лиц; 2) предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших включение в ЕГРЮЛ сведений о подставных лицах, мы приходим к выводу, что сам порядок создания и реорганизации юридического лица не является объектом данного преступления.

Сущность деяния по образованию юридического лица через подставных лиц заключается в том, что субъект, создавая или реорганизуя юридическое лицо, использует подставное лицо тремя способами. Во-первых, виновный вводит в заблуждение лицо, не знающее о том, что оно будет являться учредителем (участником) или органом управления юридического лица. Во-вторых, вносит данные о таком лице без его ведома в ЕГРЮЛ. В-третьих, вовлекает лицо, не имеющее цели управления юридическим лицом, которое при этом будет являться органом управления юридического лица.

Необходимо отметить, что в любом случае подставное лицо вводится на первоначальном этапе реализации виновным преступного умысла – на этапе подготовки всех необходимых для государственной регистрации документов, где подставное лицо может участвовать при подписании заявления о государственной регистрации либо при заверении подписи у нотариуса. Данный этап предшествует установленному гражданским законодательством порядку и тем самым выходит за пределы этого порядка. Таким образом, при создании или реорганизации юридического лица путем его государственной регистрации любые действия по вовлечению для этого подставного лица самого порядка не нарушают. Это связано с тем, что для исполнения своих преступных намерений фактический учредитель должен соблюсти установленный законом порядок государственной регистрации юридических лиц, т.е. последовательно совершить все предусмотренные гражданским законодательством действия. Неисполнение последовательности (порядка) этих действий неизбежно приведет к официальному отказу в государственной регистрации вновь создаваемого или реорганизуемого юридического лица.

Существует другая точка зрения, в соответствии с которой непосредственным объектом незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица выступает не порядок государственной регистрации, а определенная группа общественных отношений.

Так, Е.В. Петухов определяет объект незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица как общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением установленного порядка образования юридических лиц [5, с. 13]. Данную формулировку поддержали 18% опрошенных нами исследователей в области уголовного права.

Соглашаясь с тем, что непосредственным объектом незаконного образования юридического лица являются общественные отношения, мы считаем, что данная формулировка непосредственного объекта не отражает всей сущности отношений, на которые посягает реальный руководитель организации. Само по себе использование подставного лица, определяющее незаконность образования юридического лица, не может влиять на все общественные отношения, которые обеспечивают порядок образования юридического лица. Общественные отношения в сфере образования юридического лица, а тем более отношения в связи с обеспечением этого порядка, задействуют широкий круг субъектов, и это связано не только с самим порядком, но и с действиями должностных лиц, которые обеспечивают деятельность государственных органов, нотариуса, интернет-ресурсов и на которые у субъекта ответственности нет намерения негативно воздействовать.

При определении понятия непосредственного объекта по ст. 173¹ УК РФ мы приходим к выводу о том, что его содержание составляют не обеспечивающие общественные отношения, а отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации. Устанавливая данный круг общественных отношений, охраняемых уголовным законом, необходимо охватить общественные отношения, возникающие до начала процедуры государственной регистрации, а также сам порядок образования юридического лица.

Значение уголовно-правовой охраны этих общественных отношений заключается в необходимости защитить общественные отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией, так как именно эти отношения охватывают первоначальную стадию образования юридического лица. Именно в момент государственной регистрации нового юридического лица либо реорганизованного юридического лица создается основной субъект предпринимательской деятельности, который, в свою очередь, выступает основой развития рыночной экономики государства.

Сущность посягательства, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, заключается в том, что незаконное создание юридического лица предполагает его использование для совершения других преступлений, чаще всего связанных с посягательством на финансо-

вые отношения. Хотя в законе прямо не говорится о преступных целях фактических учредителей, данный факт подразумевает их желание совершать в будущем финансовые операции противозаконного характера с помощью образованного юридического лица. При охране общественных отношений, возникающих в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации, происходит предупредительная защита общественных отношений в сфере экономической деятельности, так как использование незаконно образованных юридических лиц в дальнейшем служит способом совершения различных преступлений в экономической сфере.

Еще одной причиной того, что в юридической науке нет единого мнения относительно непосредственного объекта незаконного образования юридического лица, является непостоянство уголовного законодательства. Так, статья 173¹ УК РФ была введена в 2011 г., а в 2015 г. в нее внесены изменения. В диспозицию статьи кроме создания и реорганизации юридического лица через подставных лиц вошли деяния, связанные с предоставлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших включение в ЕГРЮЛ сведений о подставных лицах.

Таким образом, непосредственный объект незаконного образования юридического лица, включающий в себя общественные отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации, необходимо дополнить еще одной группой общественных отношений. Это общественные отношения, возникающие в связи с ведением ЕГРЮЛ. В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в Российской Федерации ведутся государственные реестры, содержащие сведения о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, иные сведения о юридических лицах. Государственные реестры представляют собой федеральные информационные ресурсы.

Значимость реестра заключается в том, что он позволяет участникам получить достоверную информацию о месте нахождения организации, величине уставного капитала, видах деятельности; о действительности лица, указанного в качестве директора, руководителя организации; о нахождении предполагаемого контрагента – юридического лица в состоянии реорганизации или ликвидации; о существовании такой организации, в случаях, если такая информация может понадобиться при участии в тендерах, совершении сделок на торгах и аукционах (например, при подаче заявки на участие в аукционе при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд). С помощью сведений из ЕГРЮЛ можно также проверить, когда и кем создана организация, когда были внесены изменения в ее учредительные документы. Кроме того, сведения ЕГРЮЛ служат подтверждением того, что юридическое лицо ликвидировано либо прекратило свою деятельность в связи с реорганизацией.

Субъект незаконного образования юридического лица, внося сведения о подставных лицах, являющихся фиктивными учредителями юридического лица, посягает именно на общественные отношения, которые связаны с ведением ЕГРЮЛ, а также искажает саму сущность ЕГРЮЛ как источника достоверной информации.

На основании изложенного, можно сделать следующий вывод: *непосредственным объектом ст. 173¹ УК РФ являются общественные отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации и ведением Единого государственного реестра юридических лиц.*

С предложенной формулировкой непосредственного объекта незаконного образования юридического лица согласились 54% опрошенных нами исследователей в области уголовного права.

Литература

1. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография: в 2 ч. М., 2015. Ч. II.
3. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 10. Ст. 3961.
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
5. Петухов Е.В. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
6. Романов А.К. Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица и незаконное использование документов для образования юридического лица (ст. 173¹ и 173² УК РФ) // Хозяйство и право. 2012. № 9.
7. Тюнин В.И., Бадзгардзе Т.А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица // Российская юстиция. 2012. № 2.
8. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство. М., 2003.

УДК 343.35

СООТНОШЕНИЕ СТАТЬИ 285.1 УК РФ С ИНЫМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ, УСТАНОВЛИВАЮЩИМИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Артем Александрович Пастушенко, аспирант Хабаровского государственного университета экономики и права

E-mail: gotthard89@rambler.ru

В настоящей статье проведен сравнительный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, с иными составами преступлений, предметом посягательства которых выступают бюджетные средства и средства внебюджетных фондов. Определены конкретные признаки нецелевого расходования бюджетных средств, позволяющие не допускать квалификационных ошибок.

Ключевые слова: нецелевое расходование бюджетных средств; бюджетные средства; бюджет; государственный целевой кредит.

THE RATIO OF ARTICLE 285.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH OTHER CRIMINAL LEGAL NORMS ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST FINANCIAL SECURITY

Artyom Aleksandrovich Pastushenko, post graduate of the Khabarovsk State University of Economics and Law

This article a comparative analysis of structure of a crime under article 285.1 of the criminal code for other offences encroached upon by budgetary funds and extra-budgetary funds. Identifies specific signs of inappropriate spending of budgetary funds, in order to prevent qualification mistakes.

Keywords: no-purpose expenditure of budgetary funds; budgetary funds; budget; budgetary loan.

Важным показателем состоятельности государства является продуктивный характер финансово-бюджетного блока экономики. Его эффективность во многом зависит не только от грамотности экономической политики в целом, но и от степени его защищенности. Такое состояние защищенности, среди прочего, обеспечивается мерами штрафного воздействия.

Современные правовые системы содержат целый блок охранных мер. В общем виде они выражены через меры финансовой (бюджетной и налоговой), административной и уголовной ответственности.

Осознание важности обеспечения безопасности финансово-бюджетного сектора экономики в Российской Федерации отражено на самом высоком уровне.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, закреплено, что к числу главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности в экономической сфере относятся низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений.

Кроме того, российское законодательство содержит комплекс мер разнопланового характера, итоговой целью которых является обеспечение безопасности экономики РФ от внешних и внутренних посягательств. Особая роль при этом отводится мерам уголовно-правового воздействия.

Отметим, что одной из особенностей российского уголовного законодательства является разбалансированный характер закрепления норм, устанавливающих ответственность за посягательства в финансово-бюджетной сфере.

Так, анализ Уголовного кодекса РФ позволяет прийти к выводу, что такие нормы закреплены в его нескольких главах: главе 21 – ст. 159, 160; главе 22 – ст. 176, 193, 194, 198-199.2, 201; главе 30 – ст. 285, 285.1, 285.2, 286. Этими статьями предусмотрена ответственность как за совершение преступлений в процессе исполнения бюджетов по доходам, так и за их совершение в процессе исполнения бюджетов по расходам.

Рассмотрим соотношение ст. 285.1 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств) с иными нормами, устанавливающими ответственность за совершение преступлений в финансово-бюджетной сфере. Для этого определим признаки, позволяющие отграничить преступление, предусмотренное ст. 285.1 УК РФ, от иных преступлений, совершаемых в данной сфере общественных отношений.

Начнем с двух форм хищения, предметом которых могут выступить бюджетные средства, а именно мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), и присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ).

Ключевым признаком, позволяющим отграничить указанные преступления от нецелевого расходования бюджетных средств, является наличие корыстной цели на завладение бюджетными средствами. Данный элемент субъективной стороны преступления является определяющей, характерной чертой всех форм хищения. Субъективная сторона нецелевого расходования бюджетных средств выражена прямым умыслом, при этом факультативные характеристики (мотив, цель, эмоциональное состояние) для квалификации значения не имеют [5, с. 106; 7, с. 795; 8, с. 613; 9, с. 661].

Если нецелевое расходование бюджетных средств относится к числу формальных составов, то хищения являются по своей природе материальными. Для признания деяния мошенничеством недостаточно выявить факт нарушений при использовании бюджетных средств. Необходимо доказать, что указанные бюджетные средства лицо смогло обратить в свою пользу, тем самым причинило вред потерпевшей стороне. Приведем пример из судебной практики.

И.В., занимая должность начальника отдела администрации района г. <...>, в целях хищения денежных средств, перечисляемых на расчетный счет администрации

района из бюджетных средств мэрии г. <...> в качестве оплаты выполненных работ по муниципальным контрактам, заключенным с главой администрации района г. <...>, договорился с директором ООО «<...>» и фактическим руководителем ООО «<...>» К. о том, чтобы возглавляемые последним общества недовыполняли работы по муниципальным контрактам на 10-15%, а И.В. в связи с возложенными на него обязанностями не будет осуществлять должную приемку работ, станет указывать в актах приема-передачи работ не соответствующие действительности сведения о выполнении подрядчиком работ в полном и завышенном объеме, визировать эти акты и передавать для подписания главе администрации района, что будет являться основанием для расчета с подрядчиком в полном объеме. После перечисления бюджетных денежных средств мэрии на расчетный счет подрядчиков из числа возглавляемых К. обществ, последний будет перечислять полученные денежные средства за недовыполненный объем работ в размере 10-15% от стоимости муниципального контракта на расчетный счет, доступ к которому с помощью банковских карт имел И.В. Таким образом, в период с 20 мая 2010 г. по 13 января 2012 г. К. перечислил на расчетный счет, контролируемый И.В., денежные средства в сумме <...> руб., которые были похищены И.В. [1].

Что касается объектов указанных посягательств, то их различность связана с вышеописанными особенностями субъективной стороны (наличие корыстной цели свидетельствует о причинение вреда отношениям в сфере собственности). При этом отметим, что деяния, причиняющие вред правоотношениям в сфере собственности либо вред общественным отношениям государственно-властного характера в сфере надлежащего расходования бюджетных средств, в итоге направлены против экономического благополучия государства. По этой причине наделение указанных составов преступления самостоятельными объектами носит условный характер. Так, совершая нецелевое расходование бюджетных средств, лицо в абсолютном значении причиняет вред как интересам и авторитету органов власти, так и экономической безопасности. Аналогично нельзя сказать, что хищение бюджетных средств, совершенное с использованием служебного положения, влечет причинение вреда исключительно правоотношениям в сфере собственности.

Особый интерес представляет разграничение нецелевого расходования бюджетных средств и незаконного получения государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению (ч. 3 ст. 176 УК РФ).

Очевидным отличием данных составов преступлений является специфика их предметов. Если при нецелевом расходовании таковыми являются бюджетные средства в целом, то во втором случае речь идет об особой категории, которая носит смежный правовой характер – средства государственного целевого кредита.

Отметим, что законодательство не раскрывает такие понятия, как «средства государственного целевого кредита» и «государственный целевой кредит». При этом Бюджетный кодекс РФ содержит определение бюджетного кредита. Им являются денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах.

Специфика средств государственного целевого кредита (бюджетного кредита) заключается в следующем.

Во-первых, их предоставление носит возвратно-возмездный характер.

Во-вторых, основанием их предоставления является договор, заключенный в соответствии с гражданским законодательством.

В-третьих, к получателям средств бюджетного кредита предъявляется общее требование – отсутствие просроченной задолженности по денежным обязательствам перед соответствующим бюджетом.

Особенностью состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, также является его материальный характер. Для признания деяния преступным требуется, чтобы им был причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

В остальном признаки указанных составов могут совпадать, что в определенных ситуациях может привести к правоприменительным ошибкам. Однако наличие вышеописанных отличий должно их минимизировать.

Теперь рассмотрим состав преступления, который на первый взгляд не имеет ничего общего с нецелевым расходованием бюджетных средств, а именно ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями».

Субъектом ст. 201 УК РФ является лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена Совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

Анализ данного понятия позволяет прийти к выводу о том, что к этой категории относится и директор унитарного предприятия.

Обратимся к новой редакции примечания 1 к ст. 285 УК РФ, из которого следует, что должностными лицами в статьях гл. 30 УК РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Соответственно директор унитарного предприятия попадает и в категорию «должностные лица».

Принимая во внимание, что унитарные предприятия, в силу положений Бюджетного кодекса РФ, не являются получателями бюджетных средств, действия директора унитарного предприятия, содержащие признаки нецелевого расходования бюджетных средств, при отсутствии корыстной либо иной личной заинтересованности (например, в случае предоставления из бюджета бюджетной системы субсидий) не являются преступными (при установлении корыстного мотива либо иной личной заинтересованности возникает правовая неопределенность – действия могут быть квалифицированы как злоупотребление полномочиями, так и злоупотребление должностными полномочиями).

Выходом из данной ситуации является расширение категории «получатель бюджетных средств» либо изменение диспозиции ч. 1 ст. 285.1 УК РФ путем отказа от использования формулировки «получателя бюджетных средств».

Теперь обратимся к составам, размещенным в одной главе с нецелевым расходованием бюджетных средств, что уже указывает на однородность объекта их правовой охраны.

Статьи 285 и 285.1 УК РФ называют общей и специальной нормами [3, с. 206], кроме того, некоторые авторы указывают на нецелесообразность наличия ст. 285.1 УК РФ, поскольку до момента ее появления, в случае нецелевого расходования бюджетных средств, применялась статья 285 УК РФ [6, с. 140].

С данным мнением нельзя согласиться. Точка зрения о том, что нормы соотносятся как общая и специальная, также спорна.

Включение в уголовный закон отдельной статьи, устанавливающей ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, носило обоснованный и своевременный характер, было связано с необходимостью усиления уголовно-правовой охраны бюджетных правоотношений. Статья 285 УК РФ в силу своего материального характера не может в полной мере справиться с этой задачей. Кроме того, существенная особенность данной нормы отражена в элементах ее субъективной стороны. Так же, как и многие из сравниваемых здесь составов преступлений, злоупотребление должностными полномочиями требует установления корыстной или иной личной заинтересованности.

Относительно соотношения ст. 285.1 и 286 УК РФ отметим следующее.

Объективная сторона ст. 286 УК РФ заключается в совершении должностным лицом действий, которые явно выходят за пределы его должностных обязанностей. Как отметила высшая судебная инстанция, «Превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые: относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц); совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать» [4].

При этом нецелевое расходование бюджетных средств предусматривает, что действия лица по распоряжению бюджетными средствами входят в его служебную компетенцию.

Кроме того, отличительной чертой превышения должностных полномочий является необходимость наступления в результате преступных действий последствий (существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства).

Теперь сравним нецелевое расходование бюджетных средств с наиболее близким по своей правовой природе составом – нецелевым расходованием средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ).

Различие данных составов, а соответственно, и признаки, которые позволяют их разграничивать, связаны со спецификой средств, выступающих предметом этих преступлений.

При нецелевом расходовании средств государственных внебюджетных фондов воздействию подвергаются средства этих фондов. Под ними следует понимать денежные средства, формируемые в бюджетах государственных внебюджетных фондов, предназначенные для решения задач фондов.

Специфика этой бюджетной категории заключается в следующем:

1. Средства внебюджетных фондов имеют самостоятельную форму образования. Они содержатся в бюджетах специальных фондов.

Так, в пункте 2 Постановления Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» закреплено, что денежные средства фонда не входят в состав бюджетов соответствующих уровней, других фондов.

2. Средства внебюджетных фондов имеют свои источники образования, которые напрямую связаны со спецификой самого государственного внебюджетного фонда.

Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 для Фонда социального страхования источниками формирования средств являются страховые взносы работодателей; страховые взносы граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и обязанных уплачивать взносы на социальное страхование; прочие поступления.

3. Средства внебюджетных фондов имеют специально-целевой характер, что также зависит от назначения самого фонда.

Например, средства Федерального фонда обязательного медицинского страхования направляются на предоставление субвенций из бюджета Федерального фонда бюджетам территориальных фондов для финансового обеспечения расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении переданных полномочий; исполнение расходных обязательств Российской Федерации, возникающих в результате принятия федеральных законов и (или) нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и (или) нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан; выполнение функций органа управления Федерального фонда (Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ).

Специфика данного состава выражена и в особенностях объективной стороны, что опять же связано со статусом средств государственных внебюджетных фондов.

Д.А. Бойков к числу отличительных признаков ст. 285.2 УК РФ также относит специфику субъекта [2, с. 112]. Однако с этим мнением нельзя согласиться. В отличие от диспозиции ст. 285.1 УК РФ, диспозиция ст. 285.2 УК РФ не содержит ограничительных требований к субъекту (используется формулировка «должностное лицо», а, например, не «должностное лицо государственного внебюджетного фонда»). Кроме того, судебная практика указывает на необоснованность данного суждения. Это видно из следующего судебного решения.

Бариков В.А., занимая должность главного врача городской поликлиники, являясь должностным лицом, осуществляя организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в муниципальном учреждении, израсходовал целевые средства государственного внебюджетного фонда – территориального фонда обязательного медицинского страхования, согласно заключению судебно-бухгалтерской экспертизы, не по назначению, на общую сумму 2 098 768 руб. 09 коп., тем самым причинил ущерб государству в лице территориального фонда обязательного медицинского страхования в крупном размере.*

Подводя итог, отметим, что к признакам, отграничивающим нецелевое расходование бюджетных средств от иных смежных составов преступлений, относятся:

- 1) прямой умысел совершения преступления;
- 2) формальный характер объективной стороны;
- 3) специфический субъект – должностное лицо получателя бюджетных средств.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 марта 2015 г. № 67-АПУ 15-5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Бойков Д.А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
3. Карпов А.Г. Нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. 30 октября.
5. Офицера А.В. Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
6. Плехова О.А. Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2006.

* Уголовное дело № 1-369/2009 // Архив Центрального районного суда г. Омска.

7. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселова. М.: Норма, 2008.
8. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 2008.
9. Уголовное право России: практический курс / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Волтерс Клувер, 2007.

УДК 343.8

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Николай Николаевич Закаржевский, помощник Читинского прокурора
по надзору за исправительными учреждениями

E-mail: zakar54@mail.ru

В настоящей статье рассматривается социально-правовая характеристика личности осужденных, отбывающих лишение свободы в следственных изоляторах, в том числе лиц, ранее не отбывавших лишение свободы, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Ключевые слова: криминология; пенитенциарная криминология; следственные изоляторы; исполнение наказания в виде лишения свободы; исправление преступников; хозяйственное обслуживание исправительных учреждений; уголовно-исполнительная система; личность преступника.

SOCIO-LEGAL CHARACTERISTICS OF CONVICTS SERVING DEPRIVATION OF LIBERTY IN DETENTION CENTERS

Nikolay Nikolaevich Zakarzhevsky, assistant of Chita prosecutor
on supervision of correctional facilities

This article discusses the features of criminological convicts serving imprisonment in detention centers, including those not previously served a prison left to perform household activities.

Keywords: criminology; penitentiary criminology; detention facilities; deprivation of freedom as execution of punishment; correctional rehabilitation; correction facilities operation; correctional system; personality of a criminal.

Нормативной основой отбывания наказания в виде лишения свободы осужденных хозяйственной obsługi следственного изолятора (далее – СИЗО) являются положения ч. 1 ст. 77 УИК РФ: в исключительных случаях лица, осужденные к лишению свободы, ранее не отбывавшие лишение свободы, которым отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима, могут быть с их согласия оставлены в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Изучение социально-правовой характеристики личности осужденных, отбывающих лишение свободы в СИЗО, является важным не только для процесса исправления данных лиц, но и для осуществления и выработки специфических мер индивидуальной криминологической профилактики, позволяет прийти к пониманию сущности преступления как акта волеизъявления и поведения конкретного лица.

Социально-демографическая характеристика личности осужденных дает представление об осужденных по полу, возрасту, семейному положению, трудоспособности и состоянию здоровья, образованию, роду занятий.

В отрядах хозобслуги СИЗО содержатся как мужчины, так и женщины, чем нарушается принцип уголовно-исполнительного законодательства, касающийся дифференциации отбывания наказания, в части раздельного содержания мужчин и женщин. Основную часть осужденных составляют мужчины – 94%. Доля женщин среди лиц хозяйственной обслуги СИЗО невелика и составляет не более 6%. Это объясняется тем, что женщины, как правило, совершают менее опасные преступления, очень редко – насильственные преступления.

Возрастная характеристика преступников позволяет судить о степени и интенсивности проявления криминальной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп. В целом наиболее часто совершают преступления лица в возрасте 18-40 лет (70-75%). В этой группе наибольшая криминальная активность характерна для лиц 25-29 лет. Затем следуют 18-24-летние [7, с. 25-33].

Анализируя данные о возрасте осужденных «хозобслуги», следует отметить, что примерно 92% осужденных принадлежит к возрастной группе от 19 до 40 лет. Осужденные в возрасте от 41 до 50 лет составляют 8%. Осужденных старше 50 лет содержится от 0,1 до 2,8 %*.

По роду занятий основная масса осужденных связана с рабочими специальностями (сантехник, электрик, водитель, повар, швея и др.), требующими профессионального обучения, квалификации и хорошего состояния здоровья. С учетом относительно молодого возраста осужденных на первый план выступает важнейшая задача – создание непрерывно действующей системы исправления и социальной реабилитации осужденных, призванной помочь человеку не только адаптироваться в обществе после освобождения, но и сменить место, занимаемое в социальной структуре [1].

Как известно, семья является наиболее устойчивым коллективом, который максимально влияет на формирование личности с детских лет. Результаты криминологических исследований в целом по УИС показывают, что около 50% преступников к моменту совершения преступления не состояли в браке. При этом коэффициент преступности среди лиц, не состоявших в браке, почти в 2 раза выше, чем среди состоявших [3]. В определенной степени это объясняется тем, что среди совершивших преступления весьма значительна доля молодых людей, не успевших обзавестись семьей. Распад семей является неблагоприятной тенденцией. Наибольшие показатели по числу распавшихся семей приходится на возраст до 25 лет, самые низкие – на возраст 35-50 лет. Распад семей очень слабо компенсируется новыми браками. За время отбывания наказания вступило в брак около 3,9% осужденных из числа лиц, не состоявших в браке, то есть почти в 8 раз меньше числа потерявших семью. Доля распавшихся семей у осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах, значительно ниже, чем у лиц, находящихся в исправительных колониях общего режима.

В связи с этим деятельность следственного изолятора как исправительного учреждения, несомненно, должна быть направлена на восстановление и укрепление социально полезных связей осужденных, прежде всего с семьей и родственниками.

Образование – важный элемент общей характеристики личности человека. Высокий уровень образования, по общему правилу, расценивается как антикриминогенный фактор, а после отбывания наказания он облегчает социальную адаптацию освобожденных из мест лишения свободы [6, с. 14].

* В настоящей статье использованы результаты конкретно-социологических исследований, организованных автором в 2009-2015 гг., в процессе которых проведено анкетирование 328 осужденных, изучено 258 личных дел лиц, оставленных для хозяйственного обслуживания в следственных изоляторах Краснодарского края, Иркутской области.

Как показывают криминологические исследования, лица с более высокой степенью образования совершают должностные и экономические преступления; лица же, совершающие хулиганство, посягательство на личность, кражи, грабежи и разбои, как правило, имеют низкий уровень образования [6, с. 14]. Не случайно право получения образования в исправительных учреждениях нашло свое обоснование в международных актах по правам человека и заключенных, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными [4], в ст. 43 Конституции РФ, где прямо закреплено право каждого гражданина на образование, а уголовно-исполнительное законодательство относит получение общего образования к основным средствам исправления осужденных.

За 2006-2012 гг. уровень образования осужденных хозобслуги практически не изменился и составляет соответственно: неполное среднее 19,6% (20%), среднее полное 43% (45%). Увеличилось число лиц, не имеющих образования, до 0,2%. Уменьшилась доля лиц, имеющих высшее (неполное высшее) образование, на 6,2%. Наиболее высокий образовательный уровень у осужденных, принадлежащих к возрастной группе 40-51 год [6, с. 14]. Наиболее низкий профессиональный уровень у осужденных в возрасте до 25 лет. Данное обстоятельство вызвано тем, что у осужденных отсутствуют возможности в полной мере получать общее (среднее) образование, повышать свой профессиональный уровень и осваивать рабочие специальности, что связано с ненадлежащим финансированием УИС.

В последнее время приняты меры к получению осужденными из отрядов хозобслуги рабочих специальностей столяр, электрик, повар, швея и др.; развивается система начальной профессиональной подготовки.

Вместе с тем решение задач, связанных с получением образования, рабочей специальности, с повышением профессионального уровня осужденных, должно стать комплексным и принципиальным, что будет способствовать более эффективному процессу исправления осужденных и их ресоциализации.

Кроме того, следует отметить характерную черту отрядов хозобслуги СИЗО, заключающуюся в особенностях неформальной организации общества. Среди осужденных хозяйственной службы следственных изоляторов так называемая «отрицаловка» полностью отсутствует, большая их часть сотрудничает с администрацией СИЗО. Остальная часть осужденных занимает нейтральное положение, живут сами по себе, выполняя предоставленную им работу.

Указанные обстоятельства в своей совокупности дают возможность выделить характерные особенности осужденных, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов, определить для них специфичный, отличный от других категорий осужденных набор средств исправления и методов работы, выбрать оптимальные способы коррекции.

Согласно проведенному автором исследованию, непосредственно в отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО доля осужденных, совершивших преступления против жизни и здоровья, составляет: убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 18,2%; совершивших сексуальные преступления – 8,3%; совершивших преступления против собственности – 2%; совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 58,3%.

Основная часть мужчин и женщин исследуемой категории отбывают наказание за преступления небольшой, средней тяжести, отдельные из них за тяжкие (ст.158, 161, 162, 166, 222, 228 УК РФ). В настоящее время, согласно исследованиям автора, доминирующие позиции занимают осужденные, совершившие преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои и др.), – 58,3% (в колонии – 27%). Доля осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности снизилась в сравнении с 2011 г. примерно на 7,1% (с 8,3 до 1,2%).

Женщины в СИЗО в основном занимаются работой, связанной с уборкой помещений, столовой, женского корпуса. Выборочные исследования говорят о том, что им, по сравнению с «мужским населением», в меньшей степени свойственны асоциальные установки и криминальные наклонности. Важное место в повседневной жизни женщин занимает ожидание предстоящего освобождения [2, с. 10-12].

Весьма характерно, что основная масса осужденных, содержащихся в СИЗО за убийство (ст. 105-108 УК РФ), – это женщины. Как правило, мужчин, осужденных за убийство, среди осужденных хозяйственного обеспечения СИЗО не оставляют. Произошло значительное снижение доли лиц, осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, с 11,2% в 2012 г. до 3,6% в 2015 г.

Осужденные, отбывающие наказание в СИЗО, как и другие лица, лишённые свободы, в целом продолжают поддерживать социально полезные связи со своими семьями и родственниками на свободе, которые для них являются источниками помощи в трудовом и бытовом устройстве после освобождения и формируют у них мотивацию к исправлению.

Уголовно-исполнительная характеристика личности осужденных включает в себя прежде всего объективные данные о месте отбывания наказания осужденными, об их обеспеченности работой и другие.

Место отбывания лишения свободы имеет большое значение для сохранения и восстановления позитивных социальных связей осужденных, в перспективе способствующих их постпенитенциарной адаптации [6, с. 42].

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УИК РФ осужденные к лишению свободы (за исключением отдельных категорий лиц) отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены, что создает возможности их успешной ресоциализации на свободе. Так, в отрядах по хозяйственному обеспечению следственных изоляторов эти лица составляют примерно 65% от общей массы осужденных: 52% отбывают по месту жительства, 13% – по месту осуждения.

Несмотря на экономическую нестабильность в стране, осужденные, отбывающие лишение свободы в СИЗО, практически все трудоустроены. При этом они получают невысокую, но все же постоянную заработную плату, которая в условиях изоляции от общества обеспечивает их бытовые и иные социальные потребности. Более того, отношение к труду является одной из главных составляющих при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания. Работа должна быть такой, чтобы в последующем она позволила осужденным заняться честным трудом после освобождения, а также компенсировать ущерб, нанесенный преступлением потерпевшим и государству [5, с. 31-33].

Все вышеизложенное позволяет сделать выводы:

1. Осужденные, занимающиеся хозяйственным обслуживанием СИЗО, имеют свои социально-правовые характеристики личности, обусловленные спецификой и условиями исполнения (отбывания) наказания. Как правило, эти лица ранее не отбывали наказание в виде лишения свободы непосредственно в исправительных колониях, имеют небольшие сроки лишения свободы, их средний возраст – 18-40 лет, практически все они трудоустроены и не допускают нарушений режима.

2. В Концепцию развития УИС, уголовно-исполнительное законодательство необходимо внести конкретные дополнения и изменения в части получения осужденными профессионального образования (рабочих специальностей). В частности, в ст. 77 УИК РФ добавить часть 4 следующего содержания: «осужденным, оставленным в следственном изоляторе, создаются необходимые условия для самообразования (обеспечение их учебными пособиями, книгами и другими материалами)». Предусмотреть создание совместно с органами образования учебных центров для консультаций и сдачи переводных экзаменов экстерном, а также обучение их непосредственно на производстве

курсовым, бригадным методами (индивидуальное обучение, теоретическая подготовка к освоению новой специальности). Ввести обязательное обучение осужденных компьютерной грамотности.

Литература

1. Доклад директора ФСИН России на коллегии ФСИН России (февраль, 2010 г.) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4. С. 7-14.
2. Казберов П. Современные «обитатели» исправительных учреждений // Преступление и наказание. 2009. № 7.
3. Криминология / под ред. Ю.М. Антояна. М.: Юрайт, 2012.
4. Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990. С. 290-311.
5. Минязева Т.Ф. Труд как основное средство исправления осужденных в свете концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Российская юстиция. 2013. № 3.
6. Уткин В.А. Осужденные в колониях-поселениях // Материалы специальной переписи осужденных и содержащихся под стражей / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2011.
7. Характеристики мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам исследований 2009-2010 гг.) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ БРОДЯЖНИЧЕСТВУ И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВУ КАК РАЗНОВИДНОСТИ АНТИСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Олег Александрович Дизер, заместитель начальника кафедры
Омской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: dizer77@mail.ru

В статье дается характеристика бродяжничества и попрошайничества как разновидности антисоциального явления. Анализируется их влияние на состояние общественного порядка, на общественную нравственность и здоровье населения. Подробно рассмотрены полномочия полиции по противодействию бродяжничеству и попрошайничеству. Высказаны предложения по совершенствованию положений законодательства о противодействии бродяжничеству и попрошайничеству.

Ключевые слова: бродяжничество и попрошайничество; организации социального обслуживания; полномочия полиции по предупреждению и пресечению бродяжничества и попрошайничества; приемники-распределители органов внутренних дел для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество.

POLICING ANTI-VAGRANCY AND BEGGING AS A KIND OF ANTI-SOCIAL BEHAVIOR

Oleg Aleksandrovich Dizer, deputy head of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article describes the vagrancy and begging as a kind of anti-social phenomena. Analyze their impact on public order, public morality and public health. Considered in detail the powers of the police to combat vagrancy and begging. Suggestions for improvement of the legislation on combating vagrancy and begging.

Keywords: vagrancy and begging; social service organizations; police powers to prevent and combat vagrancy and begging; receivers-distributors of internal affairs bodies for persons detained for vagrancy and begging.

Девиантное поведение можно определить как отклоняющееся от наиболее распространенных, общепринятых и устоявшихся норм и правил поведения в обществе. Оно устраняется с помощью применения позитивных (меры, не связанные с принуждением, например, лечение, пропаганда, помещение в социальные учреждения и т.д.) и негативных (освидетельствование, применение наказаний) мер.

Обобщая разные типологии поведенческих девиаций, Е.В. Змановская определяет основными критериями классификации вид нарушаемой нормы и негативные последствия отклоняющегося поведения. В ее классификации выделены три основные группы отклоняющегося поведения:

- 1) антисоциальное (делинквентное) поведение (противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей);
- 2) асоциальное (аморальное) поведение (уклоняющееся от выполнения морально-нравственных норм, угрожающее благополучию межличностных отношений);
- 3) аутодеструктивное (саморазрушительное) поведение (суицидальное, фанатическое, аутическое, виктимное, рискованное поведение, пищевая зависимость, химическая зависимость и т.д.) [3, с. 14].

Антисоциальное (делинквентное) поведение можно назвать также негативным девиантным поведением. Оно разделяется на аморальное (поступки противоречат принятым в обществе нормам морали) и делинквентное (когда поступки противоречат нормам права) поведение.

Существуют схожие подходы к классификации девиантного поведения. Одним из первых такую классификацию предложил в 60-е г. XX в. американский социолог Г. Беккер. Он разделил отклонения на первичные и вторичные. Первичные отклонения – отклоняющееся поведение личности, которое в целом соответствует культурным нормам. В этом случае отклонения незначительны и не наносят заметного ущерба обществу и личности, хотя и могут быть широко распространены. При этом девиация остается в рамках социальной роли (например, переход улицы в неположенном месте). Вторичные отклонения наносят заметный ущерб социальным отношениям и обществу как системе и поэтому однозначно классифицируются как девиации. Такое поведение требует применения юридических санкций.

Традиционно бродяжничество и попрошайничество относят к разновидности негативного девиантного поведения [5, с. 299-313].

«Под бродяжничеством следует понимать систематическое перемещение лица в течение длительного времени из одной местности в другую либо в пределах одной местности (например, города) без постоянного места жительства с существованием на нетрудовые доходы. Под попрошайничеством понимается систематическое выпрашивание у посторонних лиц (под различными предлогами и без них) денег, продуктов питания, одежды, других материальных ценностей» [13, с. 259].

Вред бродяжничества и попрошайничества состоит в том, что лица, ведущие подобный образ жизни, совершают хищения, а также правонарушения, посягающие на общественный порядок. Часто и сами они становятся жертвами противоправного поведения.

Бродяжничество для многих людей ассоциируется не столько собственно с отсутствием жилья у конкретного человека, сколько с особенностями его жизни, обуславливающими его социальное положение.

Большинство людей стараются избежать контакта с бродягой. На лиц, ведущих подобный образ жизни, смотрят как на людей неполноценных. Общество относится к ним с нетерпимостью и неуважением, брезгливостью и отвращением и, наконец, с явным опасением. Вследствие этого оно абстрагируется от бездомных и не предпринимает сколько-нибудь серьезных попыток повлиять на государственные органы власти, чтобы те принимали активные меры социальной поддержки таких людей. Результаты проведенных нами исследований свидетельствуют, что многие граждане считают репрессивный метод противодействия данному антисоциальному явлению наиболее целесообразным и эффективным. По мнению многих, именно органы МВД России должны быть главными в решении проблем таких людей. На наш взгляд, подобное отношение к проблеме бродяжничества и попрошайничества – заблуждение, результатом которого является увеличение численности лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, при игнорировании со стороны общества угроз, связанных с этим социальным злом, требующих комплексного решения.

В настоящее время законодательство, регламентирующее деятельность полиции, не предусматривает полномочий в сфере противодействия бродяжничеству и попро-

шайничеству. Указ Президента РФ от 6 февраля 2004 г. «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» [11] перевел данную проблему в разряд социальной и медицинской.

Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» на органы внутренних дел возлагались задачи по выявлению лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, задержанию и доставлению их в центры социальной реабилитации, установлению личности задержанных, а также по обеспечению общественного порядка и охране указанных учреждений.

Удаление полиции из сферы предупреждения бродяжничества и попрошайничества не способствует оздоровлению ситуации в рассматриваемой области. В 2013 г. лицами без определенного жительства на территории Омской области совершено 330 преступлений, в 2014 г. – 265.

В настоящее время единственными учреждениями, реализующими государственную политику в сфере социального обслуживания лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, являются организации социального обслуживания, относящиеся к Минтруду России. В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» «социальное обслуживание предоставляется при наличии таких обстоятельств, как:

- наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье;
- отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- отсутствие работы и средств к существованию» [8].

Как представляется, наличие лишь одного элемента в системе предупреждения бродяжничества и попрошайничества не отвечает современным потребностям оказания необходимой помощи рассматриваемым категориям лиц и явно недостаточно для цивилизованной охраны общественной нравственности и здоровья населения.

О необходимости совершенствования законодательства в части комплексного регулирования вопросов предупреждения бродяжничества и попрошайничества и создания системы органов, реализующих государственную политику в рассматриваемой области, свидетельствуют результаты работы организаций социального обслуживания.

Так, в Алтайском крае в Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства в 2013 г. обратились за помощью 1457 чел., из них 213 – без определенного места жительства, 231 – оказавшийся в сложной жизненной ситуации, 766 – освободившихся из мест лишения свободы, 182 чел. прибыли из других субъектов Российской Федерации. Среди поступивших выявлены 54 человека с педикулезом, 15 – с туберкулезом и 8 – ВИЧ-инфицированных. Трудоустроен 91 чел. Оформлена регистрация по месту пребывания для 214 чел., восстановлено 44 паспорта. При этом 9 чел. привлечены к административной ответственности, 15 – к уголовной ответственности*.

По нашему мнению, реализация представленных задач возможна силами системы органов исполнительной власти. В данную систему могут входить Минтруд России, Минздрав России, ФМС России, МВД России, ФСИН России. При этом ядром этой системы, выполняющим функции координации и контроля за соблюдением законода-

* Данные КГБУСО «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства» администрации Алтайского края.

тельства в рассматриваемой сфере, должны стать организации социального обслуживания Минтруда России.

Следует отметить, что ранее пункт 10 ст. 11 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» предоставлял сотрудникам право задерживать и доставлять в приемники-распределители, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также центры социальной реабилитации лиц в случаях и порядке, предусмотренных законом [4, с. 198].

Положительный опыт в данном вопросе был накоплен в Чеченской Республике. Так, приказом МВД России от 22 декабря 1999 г. № 1077 утверждено Положение о временном приемнике-распределителе для лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество, при Управлении внутренних дел Министерства внутренних дел Российской Федерации по Чеченской Республике [12].

Данное специализированное учреждение полиции «предназначено для содержания лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество, в течение срока, необходимого для установления личности, определения в дома-интернаты для престарелых и инвалидов или установления над ними опеки либо для решения вопроса о привлечении их к ответственности согласно законодательству Российской Федерации, но не свыше 10 суток» [12]. К числу его основных задач отнесено:

«- оказание социальной, медицинской и иной помощи лицам без определенного места пребывания или жительства, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения;

- участие в поддержании общественного порядка в условиях отсутствия ранее существовавшей системы органов, учреждений внутренних дел и органов исполнительной власти Чеченской Республики;

- выявление среди задержанных лиц, совершивших уголовные преступления, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации;

- участие в пропаганде и разъяснении российского законодательства среди лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество.

Функциями приемника-распределителя являются:

- осуществление круглосуточного приема и регистрации лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество;

- обеспечение медицинского обслуживания лиц, содержащихся во временном приемнике-распределителе;

- взаимодействие с лечебными учреждениями органов здравоохранения на территории Чеченской Республики при необходимости помещения на стационарное лечение лиц, содержащихся во временном приемнике-распределителе, с другими медицинскими учреждениями Минздрава России по вопросам направления больных инфекционными болезнями и заболеваниями, передающимися половым путем, на специализированное обследование;

- осуществление проведения оперативно-розыскных мероприятий среди лиц, содержащихся во временном приемнике-распределителе, по выявлению скрывающихся от следствия и суда, бежавших из мест лишения свободы и из-под надзора органов внутренних дел, а также совершивших преступления;

- направление во временные органы внутренних дел МВД России в Чеченской Республике материалов на лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество и подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации привлечению к уголовной или административной ответственности;

- подготовка материалов для выдачи паспортов или временных удостоверений личности на лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество, при уста-

новлении их личности и подтверждении принадлежности к гражданству Российской Федерации;

- контроль в пределах своей компетенции за соблюдением установленных правил регистрационного учета граждан, а также за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных для них правил въезда, выезда и пребывания;

- проведение среди задержанных работы по разъяснению положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных актов МВД России, обязательных для исполнения гражданами» [12].

Следует отметить, что на сегодняшний день определенными полномочиями по противодействию бродяжничеству и попрошайничеству наделяются патрульно-постовая служба полиции, служба участковых уполномоченных полиции, подразделения по делам несовершеннолетних. В вопросах предупреждения и пресечения бродяжничества и попрошайничества данные подразделения и службы руководствуются приказами МВД России, определяющими порядок их деятельности и полномочия.

Так, в частности, сотрудники патрульно-постовой службы осуществляют свою деятельность в соответствии с приказом МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [1]. Данный нормативно-правовой акт определяет порядок организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы по обеспечению правопорядка на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах. Во время службы наряды должны обращать особое внимание на лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством.

Деятельность участковых уполномоченных полиции регламентирована приказом МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [2]. Участковые уполномоченные полиции выполняют возложенные на них задачи по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на закрепленной за ними в установленном порядке части территории, обслуживаемой органом внутренних дел. В соответствии с данным приказом участковые уполномоченные «обязаны выявлять на административном участке лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, занятие проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством» [2].

Полномочия и порядок осуществления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних утверждены приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [9]. В число основных обязанностей подразделений по делам несовершеннолетних включены обязанности по выявлению лиц, вовлекающих несовершеннолетних в занятие бродяжничеством, попрошайничеством.

С момента упразднения приемников-распределителей органов внутренних дел для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество, в государстве прекратила функционировать служба, основной и непосредственной задачей деятельности которой являлась борьба с бродяжничеством и попрошайничеством. Следует отметить, что в некоторых странах СНГ подобные специализированные подразделения полиции продолжают функционировать, хотя имеют различные наименования – «специально предназначенные для содержания лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество помещения подразделений органов внутренних дел» [6, п. 4 ч. 2 ст. 24], «приемники-распределители для лиц, задержанных за бродяжничество» [7, п. 12 ст. 11; 10, п. 7 ст. 18].

Для эффективного противодействия таким антисоциальным явлениям, как бродяжничество и попрошайничество, необходима активная многоплановая работа органов исполнительной власти, иных государственных структур.

Требует разрешения также ряд правовых и организационных вопросов в сфере противодействия бродяжничеству и попрошайничеству, не нашедших отражения в нормах действующего законодательства.

Учитывая актуальность рассматриваемых проблем для охраны общественной нравственности и здоровья населения и пробельность федерального законодательства в рассматриваемой сфере, в субъектах Российской Федерации принимаются нормативные правовые акты, направленные на противодействие данным антисоциальным явлениям. Примером такого документа может быть двустороннее соглашение между департаментом социального развития и УМВД России по г. Тюмени «О сотрудничестве и совместной деятельности по выявлению и социальной реабилитации лиц без определенного места жительства» 2009 г. Предметом соглашения является проведение совместных мероприятий, направленных на выявление и социальную реабилитацию лиц без определенного места жительства.

В соответствии с данным соглашением сотрудники полиции выявляют лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, принимают меры к установлению их личности, проверяют на причастность к совершению преступлений и правонарушений, осуществляют постановку их на дакто-, фотоучеты, направляют их в учреждения социальной защиты населения для оказания социальной помощи.

Таким образом, фактически на сегодняшний день применяются и требуют юридического закрепления такие меры предупреждения и пресечения бродяжничества и попрошайничества, как задержание и доставление лиц в центры социальной реабилитации; регистрация лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество; постановка на учет лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество; медицинское освидетельствование лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество; лечение лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество. Полагаем также, что заслуживает внимания вопрос о возможности создания приемников-распределителей для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество в системе МВД России.

Литература

1. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 (в ред. от 12.02.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Российская газета. 2013. 27 марта.
3. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2004.
4. Кондрашов Б.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». 4-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, 2004.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с франц. Е.А.Самарской. М.: Прогресс, 1966.
6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 173.
7. Об органах внутренних дел Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2707 // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 23. Ст. 154.
8. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

9. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

10. О полиции: закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 727-IQ // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 11. Ст. 611.

11. О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества»: указ Президента РФ от 6 февраля 2004 г. № 151 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 6. Ст. 412.

12. О создании временного приемника-распределителя для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество, при УВД МВД России по Чеченской Республике: приказ МВД России от 22 декабря 1999 г. № 1077. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. Социальные отклонения / С.В. Бородин [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Николай Николаевич Егоров, профессор кафедры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор

E-mail: egorovnn@yandex.ru

В статье рассматривается структура собирания доказательств, включающая их поиск и обнаружение, фиксацию, изъятие и сохранение.

Ключевые слова: собирание доказательств; поиск и обнаружение доказательств; фиксация доказательств; изъятие доказательств; сохранение доказательств.

CRIMINALISTICS ASPECTS OF COLLECTING EVIDENCE

Nikolai Nicolayevich Egorov, chair professor of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin Doctor of Law, professor

The structure of collecting evidence, including their search and detection, fixation, seizure and preservation, is considered.

Keywords: collecting evidence; search and detection of evidence; evidence fixation; seizure of evidence; evidence preservation.

Собирание доказательств – первый содержащийся в законе и поэтому основной элемент работы с доказательствами: что соберем, то в дальнейшем будем исследовать, оценивать и использовать.

Поскольку элементы собирания доказательств законом не определены, то различные авторы вкладывают в это понятие разное содержание.

По мнению О.В. Волынской, собирание доказательств представляет собой единство обнаружения и фиксации фактических данных [4, с. 128]. Ю.К. Орлов выделяет в этом процессе несколько этапов: поиск, получение, процессуальное оформление доказательств (фиксацию) [11, с. 75]. По мнению С.А. Шейфера, структура собирания доказательств охватывает выполнение уполномоченным лицом поисковых, познавательных, удостоверительных и правообеспечительных операций [16, с. 70]. В.М. Тертышник считает, что собирание доказательств заключается в поиске и обнаружении (выявлении) источников и носителей доказательственной информации, в получении и закреплении фактических данных, которые содержатся в выявленных источниках и носителях [15, с. 10]. По мнению Р.С. Белкина, собирание доказательств – это понятие комплексное, включающее действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств [1, с. 29]. Л.И. Слепнева включает в собирание доказательств поиск и обнаружение доказательств; фиксацию доказательственной информации (документирование, удостоверение, изготовление различных копий и др.); изъятие и сохранение (консервация, упаковка); изучение доказательств (предварительное исследование в ходе след-

ственных действий на месте их производства, а также в лабораторных условиях; экспертное исследование вещественных доказательств); использование доказательств для получения новой криминалистически значимой информации (составление розыскных таблиц, создание информационно-поисковых систем, ведение криминалистических учетов и справочно-информационных коллекций, а также выдвижение версий и т.п.) [5, с. 24].

Как видно из вышеприведенных точек зрения, все зависит от того, кто рассматривает собирание доказательств – процессуалисты или криминалисты. Первые сужают содержательную часть собирания, сводя ее к формализованным операциям; вторые расширяют, включая в нее и действия, которые, как правило, предшествуют формализованным операциям или сопровождают их.

И процессуалисты, и криминалисты сходятся в том, что собирание доказательств начинается с выполнения поисковых операций. Более удачным названием для этого этапа будет *поиск и обнаружение доказательств*, что подчеркивает поисковый характер действий. Тем более, что выполнению поисковых операций предшествует сложная мыслительная деятельность – моделирование события преступления с целью выделения мест вероятного нахождения доказательств, для чего используются объективный и субъективный методы. Объективный метод предусматривает выделение для детального осмотра мест, реально измененных преступником или криминальным событием. Субъективный метод характеризуется тем, что следователь ставит себя на место преступника и выделяет для детального осмотра те места, которые должны были привлечь внимание последнего, другими словами, следователь как бы идет по пути движения лица, совершившего преступление (отсюда и название), либо выделяет те места, на которые указал потерпевший.

Для выявления доказательств применяются технико-криминалистические и другие методы, приемы и средства. Они достаточно многообразны, но их условно можно свести к трем группам: органолептические, физические и химические. Однако и применение этих, в некоторых случаях достаточно сложных методов, приемов и средств, может завершиться, а может и не завершиться обнаружением доказательств.

Органолептические – методы обнаружения доказательств с помощью органов чувств человека. Для них характерны сложные физиолого-психологические процессы, что предопределяет субъективизм этих методов. Для снижения субъективизма и повышения достоверности результатов необходимо знать и учитывать особенности этих процессов, а также их достоинства и недостатки. К достоинствам относятся доступность и быстрота обнаружения при отсутствии дорогостоящего оборудования. К недостаткам – субъективизм, относительное выражение его результатов в безразмерных величинах (цвет – зеленый, красный и т.п.; вкус – сладкий выраженный, маловыраженный, безвкусный и т.п.), несопоставимость и недостаточная воспроизводимость результатов.

В органолептической оценке участвуют все пять органов чувств человека. В зависимости от используемых органов чувств и определяемых показателей качества органолептические методы подразделяется на пять подгрупп: визуальный, слуховой, осязательный, обонятельный и вкусовой.

Физические методы основаны на инструментарии, использующем физические процессы, например, электромагнитную индукцию при поиске металлических предметов с помощью металлоискателя, или на том, что органы чувств человека усиливаются с помощью приборов, например, зрение с помощью лупы или микроскопа.

Химические методы обнаружения доказательств предполагают использование веществ, которые при взаимодействии с искомым объектом дают цветную окрашивающую реакцию. Химические методы обнаружения доказательств по своей природе являются деструктивными (уничтожающими) и поэтому применимы не ко всем объектам.

Например, запрещается применять химические методы выявления следов рук на документах – вещественных доказательствах.

После обнаружения доказательств приступают к выполнению удостоверительных операций. Этот этап традиционно называют *фиксацией доказательств*, их запечатлением в установленной законом форме.

Н.Н. Лысовым была предложена развернутая классификация методов фиксации доказательственной информации, которая включает шесть групп оснований деления.

1. По степени общности и сфере использования: всеобщий метод (материалистическая диалектика); общие методы (наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование); частнонаучные методы; специальные методы.

2. По процессуальной природе: обязательные и дополнительные методы.

3. По характеру получаемых в результате фиксации отображений: методы, обеспечивающие возможность получения первичных отображений; методы, с помощью которых получают вторичные отображения.

4. По форме преобразования информационного сигнала: методы, с помощью которых получают знаковые модели вещественных доказательств (описание, измерение, составление планов, схем и чертежей); методы, обеспечивающие получение предметных, вещественных моделей (фото, кино- и видеосъемка, технические методы копирования).

5. В зависимости от времени получения результатов: обычные, скоростные и экспрессные методы.

6. В зависимости от применяемых при фиксации технических средств: оптико-фотографические и электромагнитные методы; физико-химические методы; методы консервирования; механические методы; вербально-семантические и графические методы [7, с. 180-185].

Но процесс фиксации доказательств является достаточно сложным и имеет две стороны: процессуальную и криминалистическую. Причем на первый план в процессуальном понимании фиксации доказательств выступает процессуальная форма их удостоверения и запечатления. В отличие от процессуального, криминалистический аспект фиксации носит содержательный характер, т.к. упор делается на действия по фиксации доказательств и на средства, с помощью которых выполняются эти действия [7, с. 100-102].

К криминалистической фиксации в более широком смысле многие криминалисты относят также консервирование и непосредственное изъятие вещественных доказательств [6, с. 459-460], что соответствует этимологическому значению слова «фиксация» – закрепление чего-либо в определенном положении или состоянии [2, с. 676]. Консервированию подвергаются вещественные доказательства, которые быстро портятся или изменяют свойства под действием каких-либо факторов. Изъятие вещественных доказательств также направлено на сохранение их свойств в естественном виде. В классификации Н.Н. Лысова этот метод фиксации отсутствует. Если невозможно изъять объекты в натуре, изготавливаются их копии.

Процессуальный и криминалистический аспекты фиксации находятся в тесной взаимосвязи, что не исключает их отдельного рассмотрения в ходе научного анализа.

По процессуальной природе выделяют обязательные и дополнительные способы фиксации доказательств. *К обязательным способам* фиксации относятся описание доказательств в протоколе следственного действия, фотографирование и дактилоскопирование неопознанных трупов. Применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает (ч. 2 ст. 178, ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Протокол следственного действия (ст. 166 УПК РФ) составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Он может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. В протоколе указываются: 1) место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты; 2) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; 3) фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности. В протоколе описываются действия следователя в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии.

В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств.

Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц. Протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии.

К дополнительным средствам фиксации относятся стенографирование, составление планов (схем, чертежей), фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись.

Криминалистические рекомендации направлены на развитие процессуальных требований. В соответствии с ними в протоколе указывается:

- название и место расположения объекта, на котором обнаружено вещественное доказательство; форма, размеры, индивидуальные признаки и состояние поверхности объекта [12, с. 66];
- при описании различных объектов и их частей используется общепринятая в специальной литературе терминология. Все описываемые объекты могут быть пронумерованы в соответствии с их обозначениями на плане места происшествия [14, с. 51-70, 106];
- при описании действий следователя и обнаруженных на месте происшествия предметов и следов следует избегать употребления длинных фраз, неопределенных выражений типа «недалеко», «вблизи» и т.п.; местных выражений и большого количества специальных терминов; использования синонимов при описании одного объекта; последовательно и четко излагать свои мысли; подробно описывать предметы и видимые следы, относящиеся к преступлению; при описании этих объектов индивидуализировать предметы и следы, чтобы в дальнейшем исключить возможность их фальсификации, а в случае их утраты – чтобы основные параметры и признаки объектов остались зафиксированными в протоколе осмотра; отразить наступившие в ходе осмотра различные обстоятельства (например, изменения погодных условий) [12, с. 35];
- способ обнаружения (выявления) латентных следов, их вид и взаиморасположение; применявшиеся при этом технические средства; способ фиксации и изъятия следов; вид упаковки [13, с. 66];
- процессуальное и техническое оформление фотоснимков, которое складывается из двух этапов: 1) оформление факта применения фотографии в процессе проведения того или иного следственного действия, т.е. отражение в протоколе средств, методов, приемов и условий фотосъемки, кто и в чьем присутствии произвел фотографирование; 2) оформление результатов фотографирования, т.е. самих фотоснимков (составление фототаблиц с соответствующими пояснениями). Прилагаемые к протоколу снимки снабжаются пояснительными текстами. В тексте должно быть указано: к протоколу ка-

кого следственного действия они относятся; какие средства использовались при съемке, в каких условиях она производилась и какое количество кадров было использовано; кто производил фотографирование; кем составлена фототаблица. Если при съемке были допущены ошибки, в результате которых изготовить снимки невозможно, то в подобном случае об этом должна быть составлена справка, которая заверяется подписью следователя или лица, ведущего дознание, и приобщена к уголовному делу [3, с. 11-12];

- технические характеристики аудио-, видеоаппаратуры и носителей, на которые записывается информация, факт их прослушивания и просмотра [8, с. 87-93].

Сохранение доказательств в качестве одного из этапов их собирания рассматривают только криминалисты, сводя его к организационным и техническим операциям, исключающим утрату доказательств, поскольку в некоторых случаях условия хранения могут сказаться на результатах исследования доказательств. Процессуалисты в основном говорят о хранении вещественных доказательств, что регламентировано ст. 82 УПК РФ.

Вещественные доказательства хранятся при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаются вместе с уголовным делом. В случае, если спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда (ч. 1 ст. 82 УПК РФ). При передаче уголовного дела органом дознания следователю или от одного органа дознания другому либо от одного следователя другому, а равно при направлении уголовного дела прокурору или в суд либо при передаче уголовного дела из одного суда в другой вещественные доказательства передаются вместе с уголовным делом (ч. 5 ст. 82 УПК РФ). Из этого правила есть исключения (ч. 2 ст. 82 УПК РФ), которые распространяются:

- на предметы, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью;

- скоропортящиеся товары и продукция, а также подвергающееся быстрому моральному старению имущество, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью;

- изъятые из незаконного оборота наркотические средства, психотропные вещества, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, или их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также предметы, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды;

- деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества;

- электронные носители информации;

- изъятые из незаконного оборота товары легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации;

- изъятые из незаконного оборота этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также предметы, используемые для незаконного производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Более детализированы правила хранения вещественных доказательств в постановлениях Правительства РФ и ведомственных нормативных актах, основными из которых являются Постановление Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» [9] и приказ Следственного комитета России от 30 сентября 2011 г. № 142 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказа-

тельств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации» [10].

В соответствии с вышеуказанным Постановлением Правительства РФ условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность. Определены, в частности: а) требования к камере хранения вещественных доказательств (специальному хранилищу); б) порядок хранения отдельных видов вещественных доказательств (отдельных видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, радиоактивных материалов, а также предметов, имеющих историческую, художественную, научную или иную культурную ценность); в) порядок составления комиссией акта приема-передачи в случае необходимости помещения на хранение в камеру хранения (специальном хранилище) либо получения из нее вещественных доказательств при отсутствии ответственного лица или замещающего его лица. При приеме на хранение (или возврате) вещественных доказательств ответственное лицо оформляет и выдает лицу, представившему вещественные доказательства, квитанцию (расписку) по утвержденной форме. Передача вещественных доказательств на хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю на основании договора хранения осуществляется должностным лицом уполномоченного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и оформляется актом приема-передачи, составленным в 3-х экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела, другой передается представителю юридического лица или индивидуальному предпринимателю, третий – в дело (наряд).

Приказом Следственного комитета России регламентирован порядок изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества, полученных в ходе досудебного производства следственными органами СК РФ. Для хранения изъятых предметов выделяется отдельное помещение – камера хранения вещественных доказательств. Она оборудуется стеллажами, металлическими шкафами, охранной и противопожарной сигнализацией, средствами пожаротушения, решетками на окнах и металлической дверью с надежными запорами, которая должна опечатываться. Руководителем следственного органа назначается ответственный за хранение. Он ведет книгу (журнал) учета, а также номенклатурное дело. Определены особенности хранения громоздких предметов (в том числе больших партий товаров), культурных ценностей, денег, ценных бумаг, драгметаллов и камней, ювелирных изделий, оружия, взрывчатых вещества, радиоактивных материалов, ядов, сильнодействующих веществ, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, транспорта. Регламентирована процедура реализации и уничтожения доказательств.

Таким образом, структура собирания доказательств складывается из четырех этапов:

- 1) поиск и обнаружение доказательств;
- 2) фиксация доказательств;
- 3) изъятие доказательств;
- 4) сохранение (хранение) доказательств.

Литература

1. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.
2. Большой словарь иностранных слов в русском языке. М.: ЮНВЕС, 1999.
3. Вагурина М.В., Егоров Н.Н., Панжинский Ю.К. Основы криминалистической техники: учеб. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2000.
4. Волынская О.В. Доказывание истины в уголовном процессе // Вестник МВД России. 1999. № 3-4.

5. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / под ред. В.А. Снеткова. М.: ЭКЦ МВД России, 1996.
6. Криминалистика социалистических стран / под ред. В.Я Колдина. М.: Юрид. лит., 1986.
7. Лысов Н.Н. Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
8. Методические рекомендации по применению видеозаписи при производстве следственных действий // Бюллетень ГСУ МВД СССР. 1987. № 1(50).
9. Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам: постановление Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 20. Ст. 2915.
10. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета России от 30 сентября 2011 г. № 142. Доступ из СПС «Гарант».
11. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-метод. пособие. М.: Проспект, 2000.
12. Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М.: Юристъ, 2000.
13. Осмотр места происшествия: учеб. пособие / под ред. В.Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 1995.
14. Справочная книга криминалиста / рук. авт. кол. и отв. ред. Н.А. Селиванов. М.: НОРМА, 2000.
15. Тертышник В.М. Нетрадиционные способы и формы собирания и исследования доказательств при расследовании преступлений: учеб. пособие. Харьков: ХИВД, 1994.
16. Шейфер С.А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Куйбышев, 1981.

УДК 343.985

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Сергей Сунгуевич Ким, судья Хабаровского краевого суда

E-mail: ugpd@rambler.ru

kimss74@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые методы и тактические приемы психологического воздействия на лицо, показания которого проверяются, при проведении проверки показаний на месте в судебном заседании. Рассмотрены признаки и условия использования такого метода судебного воздействия, как внушение. Описаны судебные ситуации, в которых целесообразно применение конкретного психологического приема. Приведены тактические рекомендации по использованию конкретных психологических приемов.

Ключевые слова: судебное разбирательство; проверка показаний на месте; психологическое воздействие; внушение.

PSYCHOLOGICAL METHODS OF INFLUENCE AT VERIFICATION OF INDICATIONS ON THE PLACE IN TRIAL

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor, honored lawyer Russian Federation;
Sergey Senguevich Kim, the judge of the Khabarovsk regional court

In article methods and tactical technique of psychological impact on the person of the indication of whom are checked, when carrying out verification of indications on the place in court session. Signs and conditions of use of such method of judicial influence as suggestion. Judicial situations in which application of concrete psychological reception is expedient are described. Some tactical recommendations about use of concrete psychological receptions are provided.

Keywords: the trial; verification of indications at the place; the psychological impact; suggestion.

Проведение проверки показаний на месте в судебном заседании является эффективным тактическим методом установления истины по делу. Проверка показаний на месте предоставляет суду возможность непосредственного исследования одновременно субъективной и объективной информации. В связи с этим невозможно переоценить познавательные ресурсы данного судебного действия.

В то же время нельзя не признать, что одновременно с высокой исследовательской способностью проверка показаний на месте в судебном заседании интересна также конкретной формой реализации участниками процесса своих прав и обязанностей и способом установления истины, всегда обладающим свойством допустимости [2, с. 288].

Содержание и особая форма организации проверки показаний на месте определяют необходимость и специфичность разработки тактических методов и приемов ее производства.

При проведении проверки показаний на месте обязательным условием является добровольность участия в обозначенном судебном действии лица, чьи показания подлежат проверке. Несогласие допрошенного субъекта на участие в проверке его же ранее данных показаний делает невозможным проведение проверки показаний на месте.

Необходимо отметить, что субъективная составляющая проверки показаний на месте лица, чьи ранее сообщенные сведения уточняются судом, является ведущей по отношению к внешней обстановке места события, на котором проводится проверка. Предметы и объекты, находящиеся на месте проверки показаний, приобретают криминологическое значение только через призму проверяемых показаний. Именно поэтому при проверке показаний на месте в судебном разбирательстве большое значение имеют разработанные тактические приемы, связанные с личностью проверяемого лица, с его психическим и психологическим состоянием.

Одним из тактических приемов, направленных на повышение эффективности проверки показаний на месте, является предоставление судом полной инициативы проверяемому лицу указать маршрут движения к месту проверки, само это место, а также обстоятельства происшедших на этом месте событий. При этом ни суд, ни другие участники процесса не должны проверяемому лицу «напоминать» какие бы то ни было обстоятельства либо задавать наводящие вопросы. Судом должна быть предоставлена возможность лицу, чьи показания проверяются, самостоятельно дать показания и продемонстрировать совершенные в этом месте действия. Любые попытки участников процесса оказать давление на проверяемое лицо должны незамедлительно пресекаться судом.

Вместе с тем суд, руководя ходом судебного заседания и обеспечивая в нем порядок, может остановить пояснения лица, например, в тех случаях, когда требуется задать уточняющие вопросы или ограничить передвижение проверяемого лица в целях соблюдения безопасности участников процесса либо по иным этическим соображениям.

Таким образом, некоторые судебные ситуации, возникающие при проверке показаний на месте, требуют применения тактических приемов психологического воздействия на проверяемого участника процесса. Целью психологического воздействия являются нейтрализация факторов, блокирующих нормальную психическую и физиологическую деятельность лица, показания которого проверяются, и изменение в требуемом суду направлении состояния и поведения проверяемого лица.

Определяя психологическое воздействие как двусторонний процесс детерминации активности взаимодействующих между собой психологических систем, обусловленных определенным психологическим пространством и конкретным психологическим временем, Г.А. Ковалев указывает, что искусство психологического воздействия в немалой степени зависит не только от точности «попадания» семантического поля «субъекта» в семантическое поле «объекта», взаимной упорядоченности их пространств, но и от своевременности этого «попадания», определяемой наличием актуальной психологической готовности или обоюдной пространственно-временной «заряженностью» взаимодействующих друг с другом систем [4, с. 25].

Обозначенная научная система изучения и психологического объяснения (объектная, субъектная и интерсубъектная парадигмы) личности определяет три стратегии психологического воздействия и взаимодействия: императивную, манипулятивную и развивающую.

По нашему мнению, в ходе проверки показаний на месте прежде всего должна применяться стратегия императивного воздействия, основанная на функции контроля поведения и установок человека, их изменения в нужном направлении через принуждение лица, показания которого проверяются. При этом не допускается произвольное и необдуманное воздействие в ходе проверки показаний на месте. Оно должно учитывать психологическое состояние проверяемого лица, а также условия межличностных коммуникаций, возникающие в ходе судебного действия.

При проверке показаний на месте также возможно использование судом приемов развивающей стратегии, предусматривающей не только изменение поведения проверяемого субъекта, но и оказываемого воздействия на изменение его отношения к происшедшему событию. Судебное воздействие не должно, во-первых, манипулировать сознанием проверяемого лица и, во-вторых, подавлять волю субъекта. Однако следует иметь в виду, что в результате психологического воздействия подсудимый может осознанно и самостоятельно руководить своими действиями, реализуя тем самым предоставленные ему права и обязанности активного участника проверки показаний на месте.

Примером судебного воздействия может служить разъяснение судом положений конкретного закона. При использовании данного приема суд воздействует на потребностно-мотивационную сферу проверяемого лица, активизирует его желание в поиске оптимального способа поведения в конкретной судебной ситуации.

Эффективность проведения судом проверки показаний на месте в значительной степени зависит от степени психологического контакта с лицом, показания которого проверяются. Установление и сохранение психологического контакта достигается вербальными и невербальными приемами. Суть вербальных приемов заключается в исключении при обращении к проверяемому лицу фраз в повелительном наклонении, а также в словесном одобрении решений и действий проверяемого лица. Невербальные приемы (позы, жесты, мимика, зрительный контакт) также могут быть использованы судом при проверке показаний на месте. Безусловно, наиболее информативной частью применяемых тактических приемов является регуляция отношений посредством воз-

действия на волю и сознание субъекта таким образом, чтобы побудить его дать правдивые показания о происшедшем событии. По мнению Н.Г. Шурухнова, «детализация и анализ могут выявить несоответствие с первоначальными показаниями, т.к. ложные утверждения не основываются на действительных событиях, не имеют наглядных образов, поэтому сравнительно быстро забываются» [5, с. 395].

Следовательно, психологическое воздействие при проверке показаний на месте должно предусматривать два основных метода – убеждение и принуждение. Каждый из этих методов реализуется при проверке показаний на месте через свою систему тактических приемов.

Обратим внимание на то, что убеждение – это критически воспринимаемое воздействие на проверяемое лицо с использованием логически построенных аргументов в целях формирования у этого субъекта сознательного самостоятельного принятия определенной позиции и последующего стабильного ее поддержания. Следовательно, убеждение при проверке показаний на месте предусматривает доведение до проверяемого лица аргументов процессуальной позиции суда и разъяснения связи между нею и личными и процессуальными интересами проверяемого. Эффективность воздействия приемов убеждения зависит от уверенности суда в излагаемой им информации, от правильного, логичного построения выводов и умозаключений, от степени аргументированности фактами и понятиями. В процессе убеждения имеет значение и степень эмоциональной насыщенности при использовании конкретного тактического приема, потому что именно через нее активизируется эмоциональная сфера проверяемого лица. Приемами убеждения являются: разъяснение, аргументация, доказывание, информирование, опровержение.

Принуждение представляет собой психологическое воздействие, при котором аргументация лица, показания которого проверяются, снижена или отсутствует. К приемам принуждения относятся внушение, порицание, предупреждение и наказание. Цель их применения такая же, как и при убеждении. Однако принуждение направлено на установление надлежащего процессуального поведения в судебном заседании проверяемого лица, которое требуется для проведения проверки показаний на месте. В силу этого принуждение отличается от убеждения тем, что метод принуждения не требует активной позиции от проверяемого лица. Реализовывать приемы принуждения целесообразно, например, в случаях, когда действия участника проверки явно свидетельствуют о намерении нарушить права других субъектов либо когда высказывания проверяемого лица нарушают регламент судебного заседания.

Внушение – это вид психологического воздействия при проверке показаний на месте, который характеризуется сниженным критическим восприятием проверяемым лицом предлагаемых ему установок.

В.Н. Куликов предлагает следующую градацию видов внушения: преднамеренное и непреднамеренное, положительное и отрицательное, прямое и косвенное [1, с. 23]. Думается, указанная классификация применима и к видам внушения как судебным приемам воздействия при проверке показаний на месте.

Соглашаясь с мнением автора, мы считаем, что при любом из указанных видов внушения суд точно знает, что он хочет внушить. В то время как при непреднамеренном внушении суд заранее не преследует цели что-либо внушить. В силу этого спонтанное и непланируемое применение обозначенного приема может привести совершенно не к тем результатам, которые перед собой ставит суд. Как отмечает А.С. Подшибякин, незначительное внушающее воздействие вопросов на обвиняемого и подозреваемого нейтрализуется боязнью уголовной ответственности за преступление, в совершении которого он обвиняется [3, с. 239].

Прямое и косвенное внушение отличаются по способу воздействия суда на проверяемое лицо. Используя прямое внушение, суд воздействует на проверяемое лицо, не скрывая цели принуждения. Например, через указание на необходимость соблюдения

судебного регламента, а также через наставления, внушающие определенные психологические установки лицу, показания которого проверяются. При косвенном внушении цель воздействия проверяемому лицу остается недоступной. В судебном заседании при проверке показаний на месте применение приемов косвенного внушения более эффективно, чем разъяснение суда или категорическое требование. По своему механизму воздействия косвенное внушение похоже на влияние убеждения. При косвенном внушении объекту воздействия для понимания требуется применение построения логической цепи, косвенное внушение глубже и насыщеннее мотивирует проверяемое лицо к совершению требуемых действий в целях установления истины по делу.

По нашему мнению, при проведении проверки показаний на месте судом могут быть применены следующие приемы косвенного внушения: внушение через запрет, внушение через противопоставление и внушение доверием.

Внушение через запрет заключается в ограничении лица, показания которого проверяются, в совершении какое-либо действия без указания причины такого ограничения. Судебное воздействие направлено на выполнение проверяемым лицом действий, противоположных запрещаемым. Мы рекомендуем применять данный способ внушения в случаях, если необходимо преодолеть противодействие правосудию в форме отказа от дачи показаний либо от выполнения каких-либо действий одного из подсудимых по групповым преступлениям в ситуациях, когда другие подсудимые принимают по делу активную признательную позицию. При использовании данного вида внушения при проведении проверки показаний на месте судом должно допускаться ограничение проверяемого лица исключительно в пределах, установленных законом.

Прием противопоставления, когда положение проверяемого лица сравнивается с состоянием другого субъекта, может быть использовано судом также в ситуации противодействия со стороны либо лица, показания которого проверяются, либо связанных с ним сообщников. Механизм воздействия основан на моделировании ситуации, когда кто-то может сделать что-то, на что проверяемое лицо якобы не способно. Например, при неустойчивом поведении в ходе проверки лица, показания которого проверяются, суд может ему внушить уверенность в правильности принятого решения подтвердить ранее данные достоверные показания, сославшись на то, что иное лицо, с противоположными проверяемому процессуальными интересами, не побоялось (не побоялось бы) помочь суду в установлении истины. Данный прием применяется при расследовании преступлений, совершенных группой лиц, а также по уголовным делам, где осуществлено заключение досудебного соглашения с обвиняемым или возможность заключения которого зависит от того, кто раньше из соучастников преступления даст свое согласие на содействие следствию.

Третий прием косвенного внушения при проведении проверки показаний на месте судом – это внушение доверием. Обозначенный прием основан на формировании у лица желания содействовать правосудию, чтобы оправдать ожидания, возложенные на него судом. Высокая эффективность результатов применения данного тактического приема воздействия обусловлена тем, что допрошенное лицо при проверке его показаний на месте искренне желает выполнить требуемые от него процессуальные действия с максимальной полнотой и достоверностью. Обязательным условием данного вида воздействия является наличие уважительного отношения к суду, а также чувства чести и долга перед государством. Формирование указанных условий требует от суда длительной и многоэтапной работы по установлению с проверяемым лицом особого глубокого психологического и коммуникативного контакта.

Кроме методов убеждения и принуждения лица, показания которого проверяются, в судебном заседании целесообразно применять приемы так называемой рефлекторной модели психики. Как известно, родоначальниками теории об условных рефлексах были И.М. Сеченов и И.П. Павлов. Исходя из положений рефлекторной теории, при проверке показаний на месте лицо, чьи показания проверяются в ходе судебного следствия, под-

вержено определенным устойчивым психическим процессам, связанным с деятельностью мозга и центральной нервной системы по установлению связи организма человека с внешним миром, анализ этих процессов позволяет управлять и корректировать поведение проверяемого лица.

Через положительное и отрицательное подкрепление суд при проверке показаний на месте может воздействовать на психику проверяемого лица для того, чтобы стимулировать его в случае одобрения его действий или для того, чтобы затормозить нежелательные последствия. Меры наказания следует применять реже, чем меры поощрения. Использование приемов наказания приемлемо лишь в случаях явного нарушения участником процесса судебного регламента, а выбранный судом прием наказания должен соответствовать характеру допущенного нарушения. Нарушение указанных условий не позволит суду достигнуть необходимого результата воздействия. Применение чрезмерно мягкого наказания, явно не соответствующего проступку, не заставит преступника исправиться и осознать негативные последствия своего нарушения. В ситуации назначения необоснованного или чрезмерно сурового наказания суд может потерять психологический и коммуникативный контакт с подсудимым, а необоснованное наказание вызовет озлобленность, недоверие к суду и негативно скажется на эффективности результатов проверки показаний на месте.

Таким образом, психологическое и физиологическое состояние подсудимого, его мотивация до и в момент совершения общественно опасного деяния существенно влияют на полноту и качество восприятия. В силу этого, по нашему мнению, при подготовке и проведении проверки показаний в судебном заседании должны учитываться те или иные свойства личности, которыми обладает субъект.

Литература

1. Куликов В. Н. Психология внушения: учеб. пособие. Иваново, 1978.
2. Мерецкий Н. Е. Особенности проверки и уточнения показаний на месте в судебном следствии // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. мат-лов 52-х Криминалистических чтений: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2011. Ч. 1.
3. Подшибякин А.С. Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2011.
4. Психология воздействия (проблемы теории и практики). М., 1989.
5. Шурухнов Н.Г. Рекомендации профессора Н.И. Порубова по производству допроса и их использование в допросе обвиняемых в организации экстремистского сообщества // Допрос: криминалистические и процессуальные проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова): сб. мат-лов 55-х Криминалистических чтений: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2014. Ч. 2.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА

Владимир Анатольевич Корзун, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: orinka@list.ru

Одним из направлений криминалистической методики расследования преступлений является формирование криминалистической характеристики конкретных преступлений. В настоящей статье анализируются основные подходы к определению криминалистической характеристики, ее структуры и составляющих ее элементов. Автором предложена структура криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых при получении средств материнского капитала. Рассматриваются такие элементы, как предмет преступного посягательства, обстановка совершения преступления (место и время), орудия преступления и механизм слеодообразования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления; мошенничество при получении средств материнского капитала; предмет преступного посягательства; место и время совершения преступления; орудия преступления; идеальные и материальные следы преступления.

THE SOME ELEMENTS OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUDS, COMMITTED WHEN RECEIVING MEANS OF THE MATERNITY CAPITAL

Vladimir Anatolievich Korzun, post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

One of the areas criminalistic crime investigation techniques is the formation of criminalistic characteristic of specific crimes. This article analyzes the main approaches to the definition of criminalistic characteristics, its structure and its constituent elements. The author suggests the structure of criminalistic characteristics of frauds, committed when receiving means of the maternity capital. Considers elements such as the subject of a criminal assault, environment committing the crime (place and time), instruments of crime and the mechanism of formation of traces.

Keywords: criminalistic characteristics of crime; fraud in obtaining the maternity capital; the subject of a criminal assault; the place and time of the crime; instruments of crime; perfect and material traces of the crime.

Рассматривая отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых при получении средств материнского капитала, необходимо обратить внимание на само понятие «криминалистическая характеристика преступления», а также отметить, что сущность данной категории является одним из наиболее дискуссионных вопросов в криминалистике, а именно в ее разделе о криминалистической методике.

Термин «криминалистическая характеристика преступления» впервые был упомянут в исследовании А.Н. Колесниченко, который указал, что в число наиболее значимых положений, которые являются общими для всех частных методик, относится «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений», а также утверждал, что «преступления имеют и общие черты криминалистического характера»

[5, с. 10, 14]. Несмотря на то, что автором вышеуказанного термина не было предложено его определение и не рассмотрена его сущность, это стало отправной точкой для многих ученых-криминалистов в проведении исследований в данной области.

Впервые определить составные элементы криминалистической характеристики попытался А.Л. Сергеев, который в ее содержание включил: способы совершения преступления; условия преступления и обстановка его совершения; обстоятельства, характеризующие объекты преступного посягательства; субъект и субъективную сторону преступления; наличие связей отдельных видов преступных деяний с иными видами преступлений, а также действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, хотя и обладающими определенными сходствами с конкретными преступлениями по отдельным элементам объективной стороны; взаимосвязь между перечисленными обстоятельствами [10, с. 4-5]. В структуре криминалистической характеристики, предложенной А.Л. Сергеевым, абсолютно верно, на наш взгляд, указано на то, что между ее элементами должна быть взаимосвязь, что является одним из основных принципов построения любой структуры.

В настоящее время существует множество определений криминалистической характеристики преступления. Данные определения имеют сходства, однако есть и различия, на основании которых их можно систематизировать в группы (по направлениям). Профессор В.П. Бахин систематизировал представления ученых относительно сущности криминалистической характеристики преступления по определенным направлениям. Согласно его исследованию, для одной группы ученых криминалистическая характеристика представляется как информационная модель типичных признаков определенного вида (группы) преступлений, для других – она является идеальной моделью типичных связей и источников доказательственной информации, для третьих – это система обобщенных фактических данных, знание которых необходимо для организации раскрытия и расследования преступлений и т.д. [1, с. 16-17].

Но сколько бы ни продолжалась дискуссия относительно сущности понятия «криминалистическая характеристика преступления», большинство исследователей в данной области сходятся во мнении, что «это информационная или вероятностная модель типичных признаков определенной категории общественно опасных деяний, характеризующаяся закономерными связями между ее элементами» [3, с. 24]. Практически все авторы определения понятия «криминалистическая характеристика преступления» рассматривают ее как систему, целью которой является оказание помощи в познании происшедшего события, подлежащего расследованию.

Кроме того, не менее важным и не менее обсуждаемым остается вопрос структурирования криминалистической характеристики преступлений.

Несмотря на значительное число определений криминалистической характеристики, имеющих в литературе, в понимании ее сущности и составных частей имеется общий взгляд, однако, еще не сложилось единого представления об элементах ее структуры [7, с. 22-23].

Так, профессором Р.С. Белкиным предложена структура криминалистической характеристики преступления, которую составляют следующие элементы: система данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичные последствия его применения; личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления; личность вероятной жертвы преступления; некоторые обстоятельства совершения преступления, такие как место, время, обстановка [2, с. 192].

И.М. Лузгиным при рассмотрении некоторых аспектов криминалистической характеристики преступлений была предложена несколько иная ее структура, в состав которой им были включены такие элементы: типичные способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, используемые орудия преступления; характер бездействия; этапность деяния; типичные условия криминалистической ситуации (место, время, погодные и иные условия); типичные факторы, детерминирующие выбор способов

и условий подготовки, совершения и сокрытия преступления, мотив и цель деяния; устойчивые особенности объекта (предмета) посягательства, влияющие на подготовку, совершение и сокрытие деяния; типичные следы и документы как материальные источники информации; особенности их образования, уничтожения, сокрытия, взаимные связи следов; наиболее вероятные свидетели; особенности личности преступника, потерпевшего, свидетелей; факторы, влияющие на формирование их показаний и поведение на следствии; характер и размер ущерба [6, с. 27-28].

Н.Г. Шурухновым в рассматриваемую категорию включены такие элементы, находящиеся во взаимосвязи, как способ совершения и сокрытия преступления, механизм преступного посягательства, следы, обстановка, в которой готовилось и происходило преступное событие, предмет преступного посягательства, черты личности преступника и потерпевшего, а также обстоятельства, способствующие совершению преступления [11, с. 119].

Для формирования криминалистической характеристики мошенничества при получении средств материнского капитала можно воспользоваться предложением Н.А. Селиванова, заключающимся в том, что общим логическим основанием деления компонентов структуры криминалистической характеристики может выступать элемент состава преступления [9, с. 56-57].

Итак, обобщая вышеизложенное, можно предложить следующую структуру основных элементов криминалистической характеристики мошенничества при получении средств материнского капитала:

- предмет преступного посягательства;
- способы подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- орудия преступления и механизм слеодообразования;
- обстановка совершения преступления;
- типичная личность лица, совершающего преступление, его мотив и цель действий.

В рамках данной публикации рассмотрим некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых при получении средств материнского капитала.

Предметом преступного посягательства (хищения) при совершении мошенничеств в сфере получения средств материнского капитала являются средства федерального бюджета, предназначенные для обеспечения функций и задач государства в сфере социальной политики. Данные средства передаются в бюджет Пенсионного фонда РФ в виде денежных средств в безналичной форме, которые в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» должны быть распределены по определенным направлениям. При этом необходимо отметить, что перечень данных направлений, изложенных в законе, является исчерпывающим и использование средств материнского капитала по иным направлениям не допускается.

Рассматривая обстановку совершения преступления, уделим внимание таким элементам, как *время* и *место* преступления.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что *время* совершения мошенничеств, связанных с незаконным получением средств материнского капитала, определяется содержанием преступной деятельности, осуществляемой мошенниками. В связи с этим категорию «время» необходимо рассматривать в двух аспектах:

- время, в период которого осуществлялись подготовительные действия (например, изготовление фиктивных документов для предоставления в Пенсионный фонд РФ);
- время, в период которого совершались преступные действия, непосредственно направленные на хищение (например, предоставление документов в Пенсионный фонд РФ с заявлением о распоряжении с целью получения средств материнского капитала).

Специфика рассматриваемого вида мошенничества позволяет сделать вывод о том, что временем совершения преступных действий, непосредственно направленных на хищение средств материнского капитала, являются будние дни, рабочее время конкретного отдела Пенсионного фонда РФ. При этом подготовительные действия могут совершаться и в иное время в зависимости от способа совершения преступления.

Изучение уголовных дел и судебных решений по делам о мошенничествах, совершаемых при получении средств материнского капитала, показывает, что *место преступления*, как правило, также зависит от конкретного способа совершения данного преступления, при этом оно не является единым, а имеет комплексный характер и может состоять из местонахождения учреждения здравоохранения (родильный дом), кредитной организации, органа ЗАГС, местонахождения конкретного отделения Пенсионного фонда РФ и т.п.

Рассматривая такую категорию, как «место преступления» в структуре криминалистической характеристики при хищении средств материнского капитала, необходимо различать место совершения подготовительных действий преступников и место выполнения действий, непосредственно направленных на получение средств материнского капитала. Важно отметить, что во всех случаях местом совершения действий, непосредственно направленных на получение средств материнского капитала, будет местонахождение отделения Пенсионного фонда РФ.

Период совершения указанного преступления может иметь значительный временной промежуток, при этом преступники совершают свои действия в различных местах. Однако при расследовании мошенничества при получении средств материнского капитала установление времени и места совершения преступных действий является обязательным, и установить их можно в том числе и на основе анализа данных, содержащихся в документах, используемых при совершении мошенничества, где может быть указано время и место составления конкретного документа.

В качестве *основных орудий* совершения мошенничества в сфере получения средств материнского капитала используются поддельные (подложные) документы. Это является одной из особенностей мошенничества данного вида.

В криминалистике выделяют подлинные и поддельные (подложные) документы [8, с. 106-112]. Подложным является документ, не имеющий юридической силы ввиду недействительности его содержания и реквизитов. В зависимости от способа изготовления поддельного документа различают материальный и интеллектуальный подлог, полную и частичную подделку документа [4, с. 14].

Поддельные документы, которые используются преступниками как орудия при совершении мошенничества в сфере получения средств материнского капитала, можно подразделить на первоначальные и производные. В первом варианте используется поддельный документ в первоначальном виде, а во втором – документ, полученный на основании иного документа, который первоначально был подделан. Например, по поддельной справке о рождении второго или последующего ребенка получается свидетельство о рождении, которое позже предоставляется в Пенсионный фонд РФ для получения сертификата на материнский капитал.

Процесс образования следов при совершении конкретного преступления в криминалистике называется механизмом следообразования. Разнообразие способов совершения мошенничества при получении средств материнского капитала прямым образом влияет на образование совокупности материальных и идеальных следов совершения данного преступления.

Материальные следы мошенничеств, совершаемых при получении средств материнского капитала, содержатся в различных документах, к которым, например, могут относиться:

- 1) договор купли-продажи жилого помещения;
- 2) договор займа, ипотечного кредитования;

3) заявление о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала;

4) решение о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и т.п.

Также необходимо обращать внимание на следы рассматриваемого вида мошенничества, которые могли сохраниться на электронных носителях, в памяти компьютеров и т.д.

Идеальные следы – это определенные сведения, которые могут содержаться в сознании лиц, имеющих то или иное отношение к хищению средств материнского капитала. Данными сведениями могут располагать лица, которые непосредственно совершают такие преступления, например, держатели сертификата на материнский капитал, сотрудники агентств недвижимости (риэлторы) и т.п., либо лица, которые в силу своих должностных обязанностей могут обладать информацией о фактах мошенничеств, связанных с получением средств материнского капитала, например, сотрудники Пенсионного фонда РФ.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что знание криминалистической характеристики конкретного вида преступления, его отдельных элементов и их характеристик может способствовать эффективному использованию первоначальной информации при разработке средств, приемов и методов раскрытия и расследования преступлений, установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кроме того, это дает возможность разработать рекомендации по построению следственных версий, а также по планированию расследования конкретного преступления в целом.

Литература

1. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М., 1979.
3. Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1(3).
4. Коваленко Е.Г. Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007.
5. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
6. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
7. Мерецкий Н.Е. Методика расследования хищений государственного имущества, совершаемых путем краж в условиях вахтово-экспедиционного метода организации работ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
8. Образцов В.А. О документе как объекте криминалистического анализа // Выявление и изобличение преступника. М., 1997.
9. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2.
10. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
11. Шурухнов Н.Г. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика (актуальные проблемы) / под ред. Е.И. Зуева. М., 1988.

УДК 343.982.4

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДПИСИ ОРИГИНАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ

Николай Юрьевич Жигалов, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по учебной работе) кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Петр Михайлович Кошманов, доцент кафедры Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент;

Михаил Петрович Кошманов, кандидат юридических наук, доцент;

Надежда Алексеевна Вилкова, доцент кафедры Волгоградского государственного университета кандидат юридических наук

E-mail: nik@esi.irk.ru

koshmanov-mikhail@mail.ru

В статье приводятся результаты научного исследования совокупности способов, с помощью которых исполнители своих личных подписей придают оригинальность их строению. Установленный перечень таких способов для правильного и объективного его восприятия систематизирован с помощью различных оснований для классифицирования.

Ключевые слова: подпись; оригинальная конструкция; безбуквенные элементы; монограмма.

METHODS OF FORMING THE SIGNATURE OF AN ORIGINAL DESIGN BY RUSSIAN CITIZENS

Nikolay Yurievich Zhigalov, deputy head of academic affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor, honoured lawyer of the Russian Federation;

Petr Mikhailovich Koshmanov, chair associate professor of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;

Mikhail Petrovich Koshmanov, *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;

Nadezhda Alekseevna Vilkova, chair associate professor of the Volgograd State University *Kandidat nauk* degree in Law

The article presents the results of scientific studies a combination of methods by which performers their personal signatures add originality to their structure. Set the list of such means for proper objective and its perception is systematized by using different bases for classification.

Keywords: signature; original design; bespochvennye elements; monogram.

Среди важнейших реквизитов документов подпись занимает особое место, что обусловлено целым рядом причин. Во-первых, наличие подписи обязательно для подавляющего большинства официальных документов в целях придания им юридического статуса. Во-вторых, даже при отсутствии в документе других реквизитов наличие в нем подлинной подписи позволяет относить его к категории официальных документов, что влечет за собой возникновение связанных с этим фактом правоотношений. В-третьих, личная подпись автора документа является самым доступным и легко воспроизводимым графическим изображением, поскольку нанесение ее на документ не требует временных затрат и использования арсенала технических средств. В-четвертых,

современный уровень научно-технических средств позволяет преступникам успешно подделывать все реквизиты документов: бланки, оттиски удостоверительных печатных форм и даже специальные средства защиты от подделки. В этих условиях подпись может стать основным гарантом подлинности документа, если в ней найдут свое проявление индивидуальные свойства почерка исполнителя [5, с. 3].

Однако, чтобы подпись соответствовала статусу одного из важнейших реквизитов документов, необходимо исполнителю придать ее графическому изображению особый «образ», который в дальнейшем станет его личным удостоверительно-идентификационным знаком [4, с. 680]. Для реализации данной цели автору-исполнителю своей подписи в первую очередь необходимо создать такую ее графическую конструкцию, которая имела бы высокую степень необычности, оригинальности. Авторское видение понятия оригинальности подписи включает в себя:

- необычное (нетрадиционное) ее графическое изображение;
- неповторяемость данного изображения в подписях других лиц;
- быть легко узнаваемой другими лицами и надолго запоминаемой;
- наличие комплекса идентификационных признаков, позволяющих отождествить исполнителя подписи;
- реализация в подписи в полном объеме ее удостоверительной и защитной функций.

Приведенный перечень структурных элементов, образующих (составляющих) понятие оригинальности конструктивного строения подписи, со всей очевидностью требует более глубокого ее изучения. С этой целью нами было проанализировано более 9000 экспериментально полученных у российских граждан подписей. Весь экспериментальный массив подписей изучался по двум позициям: 1) по степени выраженной в них оригинальности конструктивного строения; 2) по степени распространенности групп подписей, имеющих определенные уровни оригинальности конструктивного строения.

Полученные результаты позволили весь изученный материал разделить по степени оригинальности конструктивного строения подписей на 4 группы: 1) подписи с ярко и четко выраженной оригинальностью их конструкции; 2) оригинальные по конструкции подписи; 3) подписи, содержащие в их конструкциях лишь отдельные элементы (черты) оригинальности; 4) подписи, неоригинальные по своему конструктивному строению [1, с. 11-12].

Статистика распространения в экспериментальном материале установленных групп подписей следующая: подписи с ярко и четко выраженной степенью оригинальности их конструктивного строения, а также оригинальные по своему строению и содержащие в своих конструкциях элементы (черты) оригинальности в совокупности составили 42%. Количество же неоригинальных по своему конструктивному строению подписей равнялось 58%, то есть больше половины российских граждан не понимают роли и значения личной подписи как реквизита документа и относятся к созданию этого личного удостоверительного знака крайне безразлично. Сложившаяся ситуация весьма негативно отражается на удостоверительной и защитной функциях индивидуальной подписи и во многом делает этот важный реквизит документов «неработающим» в полной мере.

Указанные обстоятельства стимулировали авторов избрать подписи, имеющие оригинальное конструктивное строение, а также подписи, содержащие элементы оригинальности в их конструкциях, объектами дополнительного научного исследования. При этом решалась главная задача – выявить и изучить способы и приемы, используемые российскими гражданами при формировании собственной подписи оригинальной конструкции. В процессе выполнения этой работы авторы пришли к выводу о том, что весь выявленный многочисленный перечень таких способов для правильного и объективного его восприятия необходимо систематизировать, используя различные основания для классифицирования.

Первая группа способов, придающих оригинальность конструктивному строению подписей, связана с выполнением их основных составляющих частей: начальной, средней, заключительной, а также сочетанием двух из них (начальной и средней; начальной и заключительной; средней и заключительной):

а) *начальная часть подписи*; оригинальность ее выполнения, как правило, достигается следующими способами (рис. 1):

– увеличением протяженности движений и по вертикали, и по горизонтали, при выполнении первых букв подписи (если подпись буквенной либо смешанной транскрипции), а также начальных безбуквенных штрихов в подписях безбуквенной транскрипции;

– использованием комплекса разных как по форме, так и по направлению движений; чаще всего присутствуют криволинейные по форме движения: дуги, петли, овалы, полуовалы, выполненные как левоокружными, так и правоокружными движениями;

– включением в состав начальной части подписей монограмм, состоящих как из отдельных букв фамилии, имени, отчества исполнителя, так и из безбуквенных элементов; монограммы в подписях чаще всего имеют усложненную конструкцию и отличаются многообразием способов их образования [2, с. 68-70; 3, с. 15-16];

– при отсутствии монограммы первые буквы подписи (прописные) имеют усложненное строение и значительно большие размеры по сравнению со средней частью подписи;

– использованием многократно повторяющихся, частично соприкасающихся друг с другом безбуквенных штрихов увеличенных размеров, которые чаще всего имеют овальную форму;

Рис. 1. Подписи, начальная часть которых имеет оригинальную конструкцию

б) *средней части подписи*; оригинальность выполнения данной части подписи чаще всего достигается за счет применения следующих способов (рис. 2):

– использования одинаковых по размеру и форме безбуквенных штрихов, которые могут быть дополнением к первым прописным буквам в подписи или же, в случае их отсутствия (что чаще всего и бывает), являются самостоятельными штрихами. Количество таких штрихов может достигать 10 и даже более. Характерной особенностью этих штрихов является одинаковая форма их выполнения, которая может иметь различные проявления: от петлевой до овальной. Иногда средняя часть подписи выполняется усложненными по строению, повторяющимися движениями, одинаковыми по форме и плавно уменьшающимися либо увеличивающимися по вертикали к концу данной части подписи;

– замены безбуквенных штрихов в средней части подписи, выполняемых петлевыми либо овальными по форме движениями, на сочетание нескольких форм движений, например: дугообразно-петлевою-угловатую или же на точки в виде пунктирной

линии либо на практически прямую линию как результат выпрямления безбуквенных штрихов;

- увеличения в несколько раз, чаще всего по вертикали, по отношению к остальным штрихам средней части подписи размера одного или же нескольких безбуквенных штрихов, имеющих петлевую форму либо в верхней, либо в нижней их части;

- наложения на первые безбуквенные штрихи повторных дополнительных штрихов, выполненных различными по форме и размерам движениями, что делает строение этой части подписи усложненным;

- включения в состав средней части подписи дополнительных, увеличенных по горизонтали линий (от 2 до 4), иногда и отдельных букв, располагающихся над, под или же между горизонтальными линиями;

Рис. 2. Подписи, средняя часть которых имеет конструктивное строение с чертами оригинальности

в) *заключительная часть подписи (росчерк)*; часто благодаря только оригинальному строению росчерка вся конструкция подписи приобретает индивидуальные (неповторимые в подписях других лиц) черты. Для придания оригинальности конструкции росчерка исполнители подписи используют следующие способы (рис. 3):

- выполнение росчерков многократно повторяющимися, однотипными движениями, нередко налагаемыми друг на друга; такие конструкции, составляющие росчерк, часто имеют увеличенные размеры по вертикали по отношению к средней и реже к начальной части подписи. В верхней части росчерка они выполняются петлевыми по форме движениями, в нижней части форма движений их может быть петлевой либо прямолинейной, но переходящей в угловатую, а затем в петлевую;

- использование для выполнения росчерка разнообразных по размерам и направлению движений, которые нередко пересекаются друг с другом;

- выполнение подстрочной части росчерка усложненной конструкции за счет увеличения размеров и разнообразия форм движений, которыми она выполняется;

- использование при конструировании изображения росчерка более сложного графического рисунка по сравнению с остальными частями подписи за счет значительного количества элементов, пересекающихся между собой, различных размеров их по вертикали и горизонтали, а также многообразия форм и направлений выполняемых движений;

- различное расположение росчерков по отношению к остальным частям подписи: за подписью, над подписью, под подписью, вокруг подписи;

– размещение в границах росчерков дополнительных штрихов разной формы и размеров, а также точек, количество которых может быть различным;

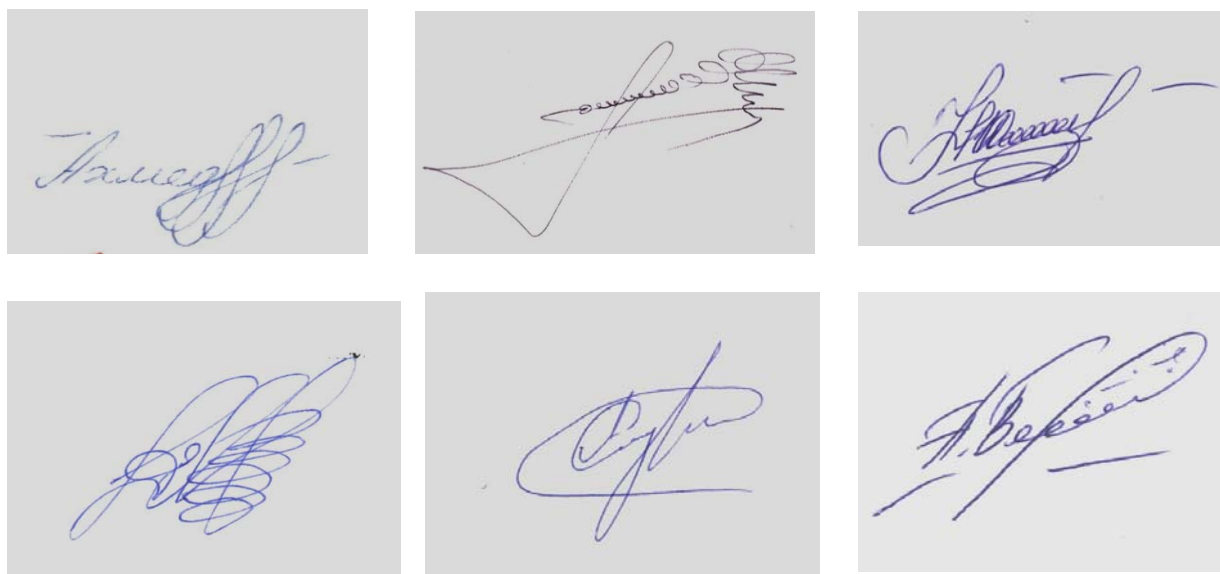

Рис. 3. Подписи, заключительная часть (в том числе и росчерки) которых имеет оригинальное конструктивное строение

г) наличие в конструкциях отдельных необычных подписей двух составных частей, содержащих оригинальное строение или же обладающих чертами оригинальности; такое комбинированное проявление оригинальности может наблюдаться при выполнении следующих частей подписи: начальной и средней; начальной и заключительной; средней и заключительной. Оригинальность строения указанных частей подписи достигается следующими способами (рис. 4):

– увеличением размеров по вертикали букв и их элементов при выполнении начальной части и заключительной части подписи с одновременным усложнением их конструкций за счет использования дополнительных элементов, выполненных разнообразными по форме и направлению движениями. В редких случаях имеет место выполнение указанных частей подписи менее протяженными по вертикали движениями, нежели в средней части подписи;

– выполнением отдельных элементов начальной и средней частей подписи увеличенными по вертикали движениями, имеющими как одинаковые, так и разные формы и направления движений;

– значительным увеличением по вертикали начальной и заключительной частей подписи по сравнению с ее средней частью. При этом имеет место выполнение в начальной и заключительной частях подписи нескольких штрихов одинаковой формы и направления движений, примыкающих друг к другу, а некоторые из них накладываются друг на друга;

– уменьшением размерных характеристик по вертикали и горизонтали начальной части подписи при одновременном упрощении ее конструкции и увеличении размеров средней и заключительной частей подписи с усложнением их конструктивного строения. Данный способ придания оригинальности конструкции подписи является редко встречающимся среди экспериментального массива подписей.

Рис. 4. Подписи, в которых две из трех основных частей имеют оригинальное строение их конструкций

Вторая группа способов, с помощью которых авторы-исполнители своей подписи придают ей оригинальное конструктивное строение, связана с ее изображением (графическим рисунком) в целом. Подписи, в которых имеются специфические особенности на протяжении всей их конструкции, резко выделяются на фоне других подписей. Они относятся либо к категории подписей с ярко и четко выраженной оригинальностью их конструктивного строения, либо являются специфически оригинальными по их строению. Различия по степени оригинальности указанных подписей в основном заключаются в том, что первые чаще имеют усложненное строение, другая же группа подписей не всегда бывает усложнена по своей конструкции.

Наряду с указанными особенностями применительно к каждой части подписи имеется еще и ряд способов, которые придают оригинальность всей ее конструкции в целом. К числу таких способов относятся следующие (рис. 5):

- выполнение подписей гипертрофированными, вычурными движениями. В состав таких подписей, как правило, входят: отдельные начальные прописные буквы из имени, фамилии или отчества исполнителя; монограмма; безбуквенные штрихи; росчерки; дополнительные штрихи и точки. Движения, которыми они выполняются, могут быть различной протяженности, формы и направления. В некоторых же подписях просматриваются явно выраженные преобладающая форма и направление движений. При выполнении подписей имеют место и много пересекающихся штрихов, как принадлежащих конкретным буквам, так и безбуквенным элементам. В отдельных же местах подписей указанные штрихи выполняются с наложением друг на друга. В подписях, имеющих преобладающую овально-петлевую форму движений, практически отсутствуют горизонтальные удлиненные штрихи, параллельные основанию подписи;

- увеличение протяженности подписей по горизонтали и вертикали с включением в их состав множества безбуквенных штрихов различной протяженности по вертикали, а также дополнительных штрихов, расположенных во всех ее частях. Дополнительные штрихи имеют кроме простого иногда и усложненное строение. В начальной части подписей могут присутствовать отдельные прописные буквы из фамилии, имени или отчества исполнителя либо монограммы. Как правило, в таких подписях по всей их протяженности расположены удлиненные горизонтальные, параллельные штрихи, количество которых чаще всего составляет от 1 до 3;

- расположение в подписях, наряду с их основным изображением, дополнительного графического рисунка мини-подписи, который может состоять из отдельных букв, безбуквенных штрихов и росчерка, располагающихся выше или ниже «главной» под-

писи. Такое двухъярусное выполнение подписи увеличивает ее размеры как по горизонтали, так и (в большей степени) по вертикали. В состав подобных подписей могут входить отдельные буквы, находящиеся в разных их частях, а также множество безбуквенных штрихов, выполняемых различными по протяженности движениями. Нередко через всю подпись проходят прямолинейные, удлинненные горизонтальные линии;

– включение в строение подписей различных рисунков: человеческого лица, предмета, животного (насекомого, рыбы). Такие необычные подписи встречаются крайне редко, легко и надолго запоминаются. Они обычно имеют усложненное строение за счет наличия в их конструкции отдельных букв, множества безбуквенных штрихов различной протяженности, выполненных с использованием различных форм и направлений движений. Кроме того, в их графическом изображении могут присутствовать и дополнительные штрихи разной протяженности и формы, а также точки. Подписи данной группы часто имеют увеличенные размеры и по вертикали, и по горизонтали;

– увеличение протяженности по вертикали и горизонтали одной прописной буквы из фамилии, имени либо отчества исполнителя подписи, которая ограничивает всю конструкцию подписи. Такую роль могут выполнять и безбуквенные штрихи, имеющие овальную форму и охватывающие подпись целиком либо большую ее часть. В состав таких подписей могут входить как отдельные строчные буквы, так и безбуквенные штрихи. В них часто присутствуют росчерки и дополнительные штрихи, точки, расположенные в различных их частях. Конструктивное строение таких подписей имеет меньшую степень сложности движений, нежели в подписях данной группы, описанных выше.

Рис. 5. Подписи, общее конструктивное строение которых имеет высокую степень оригинальности

Третью группу способов, которые позволяют исполнителю подписи придать ее конструкции оригинальные черты, составляют добавления к графическому изображению подписи (рисунку) в виде различных элементов. Добавление к конструкции подписи таких «украшающих» элементов позволяет иногда даже весьма простым по строению подписям приобрести черты оригинальности. Способы, используемые для придания конструкции подписи элементов оригинальности таким путем, чаще всего следующие (рис. 6):

– добавление к конструкции подписи дополнительных штрихов разной формы и протяженности движений. Отдельные из них иногда образуют самостоятельные графические изображения, имеющие усложненное строение. Дополнительные штрихи могут располагаться как над подписью, так и под ней либо одновременно в двух указанных

местах. Они также могут находиться и в начальной, и в средней части подписи, но чаще всего – после окончания подписи;

- добавление после окончания подписи нескольких дополнительных штрихов, выполненных циклично повторяющимися движениями. Протяженность по вертикали и горизонтали данных штрихов в несколько раз может превышать размеры средней части подписи;

- добавление в конце подписи одной или нескольких букв, строение которых значительно отличается от норм прописей;

- размещение над и под разными частями подписи дополнительных штрихов, выполненных движениями, значительно отличающимися друг от друга по форме;

- размещение над подписью либо под нею, а иногда и одновременно в двух указанных местах значительно увеличенного по горизонтали штриха, который в средней его части выполняется движением прямолинейной формы;

- наличие вокруг всей подписи дополнительных безбуквенных штрихов различных форм, направлений и протяженности движений.

Рис. 6. Подписи, в конструкциях которых присутствуют элементы оригинальности

Четвертую группу составляют способы, придающие черты оригинальности подписи вследствие необычности ее расположения. Подавляющее большинство подписей российских граждан располагается по горизонтали независимо от их размеров. Поэтому подписи с иным расположением резко выделяются из всей массы подписей, а их конструктивное строение легко запоминается, что свидетельствует об их оригинальности. К числу таких способов, с помощью которых эти черты достигаются, относятся следующие (рис. 7):

- выполнение подписи с вертикальным расположением ее основных элементов. При этом может иметь место как строгое вертикальное положение, так и с наклоном либо вправо, либо влево;

- выполнение средней части подписи вертикально, а начальной и заключительной ее частей горизонтально. При этом иногда может иметь место и значительное усложнение их конструктивного строения;

- направление линии основания подписи как поднимающееся, так и опускающееся относительно линовки бланка документа либо горизонтального среза листа бумаги.

7. Подписи, приобретшие элементы (черты) оригинальности вследствие необычности их расположения

Пятую группу представляют способы, придающие подписям черты оригинальности благодаря наличию в них цифровых записей. Цифровые записи – крайне редкое явление в подписях российских граждан. Об этом, в частности, свидетельствует и анализ нашего экспериментального массива подписей, где цифровые записи имели место менее чем у 1% испытуемых. В связи с этим присутствие цифровых записей в подписях выделяет их в категорию необычных, нетрадиционных, оригинальных. В изученных авторами экспериментальных подписях цифровые записи содержали сведения следующего характера: дату (полную либо сокращенную) выполнения подписи; год окончания учебного заведения либо дату рождения исполнителей подписей; номер воинской части, в которой проходил службу автор подписи, и т.п. Способы воспроизведения цифровых записей в подписях следующие (рис. 8):

- размещение цифровых записей внутри конструкции подписи, в различных ее частях;
- расположение цифровых записей за пределами подписи, т.е. рядом с ней в любой из ее частей.

Рис. 8. Подписи, черты (элементы) оригинальности в которые привнесены цифровыми обозначениями

Приведенный выше перечень групп способов, применение которых придает определенную степень оригинальности конструкциям подписей, можно считать исчерпывающим. Количество же способов, описанных в каждой из этих групп, в «подписной» практике российских граждан намного больше. Авторы, изучая экспериментальный массив из 9 тысяч подписей, выделили из всего их объема лишь только те, которые исполнены наиболее распространенными способами. Следует иметь в виду, что описанные способы не всегда в полном объеме будут повторяться при выполнении подписей разными лицами. Однако сущность этих способов, их схематичное представление, несмотря на определенную вариационность у разных исполнителей, будет проявляться постоянно.

Таким образом, нами выявлена, описана и проиллюстрирована реальная совокупность способов, с помощью которых исполнители своих личных подписей придают оригинальность их строению. Представленная в статье информация, несомненно, окажется полезной для экспертов-криминалистов, а также ученых, специализирующихся в области судебного почерковедения, кроме того, поможет лицам, формирующим кон-

струкцию своей подписи, создать наиболее оригинальное изображение. Оригинальная конструкция подписи будет не только их полноценным личным идентификационно-удостоверительным знаком, но и высокоэффективным средством противодействия подделке подписи в документах.

Литература

1. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности их конструктивного строения // Эксперт-криминалист. 2015. № 2.
2. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Монограмма подписи и способы ее образования // Судебная экспертиза. 2008. № 2.
3. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Монограмма подписи: понятие, способы образования и факторы, влияющие на процесс ее формирования // Судебная экспертиза. 2010. № 2.
4. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Подпись как обязательный реквизит документов: понятие и перечень требований, предъявляемых к ней // Инновации в образовательной деятельности и их влияние на развитие: мат-лы междуна. науч.-практ. конф. Саранск, 2012.
5. Кошманов П. М., Кошманов М.П. Экспертно-криминалистическое исследование современных подписей. Волгоград: ВА МВД России, 2013.

УДК 351.745.7

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА И ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ В ПРОЦЕССЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Василий Николаевич Митьков, докторант ВНИИ МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: opnk302@mail.ru

В статье рассматриваются организационные аспекты взаимодействия и информационного обмена между подразделениями уголовного розыска и Федеральной миграционной службы в процессе борьбы с преступностью иностранных граждан. Обращается внимание на проблемы взаимодействия и поиск путей их решения.

Ключевые слова: преступность иностранных граждан; оперативно-розыскная деятельность; субъекты взаимодействия; информационное обеспечение.

PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF INTERACTION OF CRIMINAL INVESTIGATION DIVISIONS AND THE FEDERAL MIGRATION SERVICE IN THE COURSE OF OPERATIONAL-SEARCH COUNTERACTION TO COMMON CRIME, COMMITTED BY FOREIGN NATIONALS

Vasiliy Nikolaevich Mitkov, doctoral candidate of the NRI of the Ministry
of Interior of the Russian *Kandidat nauk* degree in Law

The article deals with the organizational aspects of interaction and information exchange between the departments of Criminal Investigation and the Federal Migration Service in the fight against crime, committed by foreign nationals. It is accentuated attention to the problems of communication and the search for solutions.

Keywords: crime of foreign nationals; operatively-search activity; the subjects of cooperation; information technology.

Несмотря на осознание важности проблемы противодействия преступности иностранных граждан в России всеми субъектами правоохранительной деятельности, события последних лет показывают, что на федеральном и региональном уровнях недостаточно эффективно осуществляются координация и взаимодействие правоохранительных органов в процессе выработки и реализации мер по борьбе с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами [2]. Это касается всех без исключения аспектов данного противодействия, включая его оперативно-розыскную составляющую. Именно подразделения, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), обладают широким арсеналом методов, сил и средств, в том числе негласных, необходимых для эффективного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия рассматриваемой категории преступлений. Вместе с тем, неоспорим тот факт, что для результативного противодействия преступности мало обладать совокупностью определенных полномочий, предусмотренных для каждой конкретной оперативной службы, и их компетентного грамотного использования. Без системного взаимодействия и информационного обмена на постоянной основе между субъектами ОРД большая часть предпринимаемых каждой отдельной службой усилий будет безрезультатной. При этом, как показывает практика оперативной работы, взаимодействие и обмен оперативно значимыми сведениями лишь на основе личных контактов отдельных сотрудников различных подразделений и ведомств носят эпизодический характер и лишены системности как главного условия эффективности любой деятельности. Только нормативно закрепленные на ведомственном и межведомственном (возможно, и на законодательном) уровне взаимные права и обязанности субъектов оперативно-розыскного противодействия преступности способны создать необходимые условия для его успешного осуществления.

Ключевым субъектом оперативно-розыскного противодействия преступности иностранных граждан, во всяком случае ее общеуголовному сегменту, являются подразделения уголовного розыска (далее – УР). Следует отметить, что в компетенцию подразделений УР входит противодействие более 70% составов преступлений, предусмотренных УК РФ и находящихся в зоне ответственности ОВД, ими же раскрывается более трети всех преступлений, раскрываемых ОВД. Из 12 основных направлений деятельности полиции, содержащихся в ст. 2 Федерального закона «О полиции», половина связана с успешной деятельностью подразделений УР.

Для повышения эффективности борьбы с общеуголовными преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами, важно правильно и оптимально организовать взаимодействие подразделений УР не только с другими субъектами ОРД, но также со службами и ведомствами, не относящимися к оперативному блоку. Так, например, существует острая необходимость перехода на совершенно иной уровень взаимодействия со смежными ведомствами, в частности, ФМС России. Такое взаимодействие должно предполагать не просто постоянный информационный обмен, но и конкретные организационно-правовые меры по разработке, межведомственному нормативному обеспечению и реализации совместного, постоянно действующего на системной основе, предусматривающего конкретные права и обязанности взаимодействующих субъектов механизма оперативного контроля за иностранными гражданами с целью установления ответственности заявленных ими целей пребывания на территории России их реальной деятельности.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 13 июля 2012 г. № 711 «О вопросах Федеральной миграционной службы», ФМС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, правоприменительные функции, функции по федеральному государственному контролю (надзору) и предоставлению (исполнению) государственных услуг (функций) в сфере миграции. При этом среди основных задач ФМС России указаны такие, как:

- оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию, проживания и временного пребывания в Российской Федерации;

- осуществление федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции;

- разработка и реализация во взаимодействии с иными государственными органами мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции.

Кроме того, ФМС России осуществляет федеральный государственный контроль (надзор):

- за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации;

- за соблюдением правил привлечения работодателями и заказчиками работ (услуг) иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда, за осуществлением трудовой деятельности иностранных работников.

ФМС России также осуществляет:

- реализацию мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, иммиграционный контроль в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства;

- проставление отметки о запрещении въезда в Российскую Федерацию в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина или лица без гражданства;

- проведение государственной дактилоскопической регистрации;

- производство по делам об административных правонарушениях в пределах установленной компетенции;

- контроль за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства, должностными лицами, юридическими лицами, иными органами и организациями правил миграционного учета;

- обеспечение межведомственного электронного взаимодействия в рамках возложенных задач и функций;

- выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации;

- выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации;

- проведение идентификации иностранных граждан и лиц без гражданства, ходатайствующих о признании их беженцами и находящихся в Российской Федерации;

- принятие решений о депортации иностранных граждан и лиц без гражданства;

- принятие решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, а также об установлении запрета на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства;

- в пределах своей компетенции защиту сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну.

Реализация данных функций без оперативно-розыскной составляющей представляется затруднительной и в отдельных аспектах малоэффективной. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ФМС России не относится к числу государственных органов, имеющих право осуществлять ОРД на территории Российской Федерации. Отсутствие оперативных подразделений в структуре данной службы позволяет говорить о необходимости выполнения оперативно-розыскных задач в сфере борьбы с незаконной миграцией иными органами, уполномоченными на осуществление ОРД, в первую очередь подразделениями УР. Однако выполнение этих функций должно осуществляться в тесном взаимодействии с подразделениями ФМС России, для чего необходима соответствующая нормативно-правовая база [1].

Одной из проблем, на которые указывают сотрудники подразделений УР, является наличие постоянных трудностей при установлении фактического местожительства

или пребывания иностранных граждан (трудовых мигрантов) на территории Российской Федерации. Особенно это касается тех, кто прибывает в Россию исключительно в целях поиска работы и относится к так называемой категории сезонных мигрантов, редко остающихся длительное время на одном и том же месте или даже в пределах одного региона. Отслеживать перемещения данных лиц без тесного взаимодействия с подразделениями ФМС России не представляется возможным.

Как правило, вопрос о взаимодействии подразделений УР с аппаратами ФМС России возникает при наличии конкретных сведений о преступной деятельности иностранных граждан на территории Российской Федерации. При этом отсутствует системная работа по осуществлению оперативного контроля за иностранцами, прежде всего трудовыми мигрантами, направленная на предупреждение преступлений в данной среде.

Для этих целей представляется актуальным поставить вопрос о разработке совместного приказа МВД России и ФМС России, возможно с грифом «секретно», в сфере взаимодействия по вопросам осуществления контроля за иностранными гражданами (прежде всего, трудовыми мигрантами) для определения соответствия целей их прибытия и осуществляемой деятельности требованиям российского законодательства и интересам национальной безопасности Российской Федерации.

В качестве примерного названия данного межведомственного нормативного акта можно предложить следующее: «О мерах по совершенствованию взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации и подразделений Федеральной миграционной службы Российской Федерации по вопросам противодействия незаконной миграции и преступности иностранных граждан и лиц без гражданства».

Осознание необходимости активизации деятельности по данному направлению привело к тому, что руководство МВД России начало предпринимать конкретные шаги по повышению эффективности противодействия преступности нелегальных мигрантов. Для этих целей во многих территориальных органах МВД России, в том числе в ГУ МВД России по городу Москве, были созданы специализированные подразделения УР по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции. Общее количество сотрудников таких подразделений в Москве на сегодняшний день составляет около 70 человек.

В пункте 5.5 Дорожной карты по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации указано, что в регионах, где увеличиваются потоки незаконной миграции и остро стоит проблема преступности мигрантов (учитывая ситуацию, при которой органы ФМС России не являются субъектами ОРД), целесообразно распространить опыт ГУ МВД России по г. Москве по созданию специализированных оперативно-розыскных подразделений по борьбе с незаконной миграцией за счет имеющихся ресурсов.

С учетом всего вышеизложенного, в целях повышения эффективности совместной деятельности оперативных аппаратов ОВД и подразделений ФМС России по осуществлению контроля за порядком пребывания иностранных граждан, в том числе трудовых мигрантов, на территории России, а также противодействия незаконной миграции считаем целесообразным рекомендовать следующее.

1. Развивать на постоянной основе проведение совместно с представителями территориальных органов ФМС России оперативно-профилактических и проверочных мероприятий, направленных на выявление иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации и (или) незаконно занимающихся трудовой деятельностью, а также работодателей, использующих труд иностранных граждан с нарушением действующего законодательства.

2. На основе полученной в территориальных подразделениях ФМС России информации вести списочный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, зарегистрированных в этих подразделениях.

стрированных по месту жительства и поставленных на миграционный учет по месту пребывания, а также жилых помещений, в которых зарегистрировано более двух иностранных граждан. По указанной информации обеспечить проведение работы по выявлению фактов нарушений миграционного законодательства.

3. Осуществлять на системной основе совместную деятельность подразделений УР с подразделениями ФМС России по проведению рейдов по местам организации труда нелегальных мигрантов.

4. При осуществлении ОРД по противодействию незаконной миграции активнее взаимодействовать с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, используя полученную информацию о гражданах некоренной национальности, проживающих на территории муниципального образования, для организации в отношении их профилактической работы, в том числе осуществления оперативного контроля.

5. Развивать межведомственную нормативную правовую базу взаимодействия ОВД и ФМС России, в том числе в процессе осуществления оперативно-розыскного противодействия организации незаконной миграции и преступности иностранных граждан на территории Российской Федерации. Создавать правовые условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий на постоянной системной основе в рамках оперативного контроля за иностранцами в течение всего периода их пребывания на территории страны.

Литература

1. Жариков Ю.С., Ревин В.П., Ревина В.В. Взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью в России: монография. М., 2010.

2. Иллюк А.А. Криминологические аспекты противодействия преступности незаконных мигрантов в Российской Федерации с учетом международных миграционных процессов: опыт и проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.1

УНИКАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КАТЕГОРИИ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Светлана Эдуардовна Либанова, профессор кафедры Курганского государственного университета доктор юридических наук, профессор;
Ринат Негаматуллаевич Мородумов, доцент кафедры Уральского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: libany@rambler.ru
morodumov@bk.ru

В статье анализируются правовое значение и место категории «добросовестность» в гражданском праве. Особое внимание уделяется соотношению добросовестности как принципа гражданского права и как презумпции. Соотношение материально-правового и процессуально-правового характера категории «добросовестность» и признание ее презумпцией не создает препятствий для применения ее в качестве принципа материально-правовых отраслей права, в том числе гражданского права.

Ключевые слова: категория; добросовестность; гражданское право; принцип; презумпция.

THE UNIQUE VALUE OF THE CATEGORY OF «FAITH» IN CIVIL LAW

Svetlana Eduardovna Libanova, chair professor of the Kurgan State University
Doctor of Law, professor;
Rinat Negamatullaevich Morodumov, chair associate professor of the Ural Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law,
associate professor

The article analyzes the legal significance and place of the category of «faith» in civil law. Special attention is paid to the ratio of good faith as a principle of civil law and as a presumption. On the basis of the ratio of substantive and procedural legal nature of the category of the good faith concludes that the spread on the category of the presumption of good faith is not an obstacle for its application as a principle of substantive areas of law, including civil rights.

Keywords: category; integrity; civil law; the principle; the presumption.

Вопрос о правовой природе категории «добросовестность» в юридической литературе является дискуссионным, но ее правовое значение нельзя переоценить. Безусловно, следует учитывать, что категория «добросовестность» наряду с категориями «разумность» и «справедливость», представляющимися менее сложными для их определения и правовой оценки, является оценочным понятием, соединяющим нормы морали и права.

Следует признать, что категория «добросовестность» в современной цивилистике остается недостаточно изученной. Вопрос, является ли добросовестность принципом гражданского права или процессуальной презумпцией, остается открытым. Сложность в признании категории «добросовестность» только принципом во многом обусловлена

отсутствием единого понимания природы правового принципа. Так, по мнению В.П. Грибанова, неясность и известная трудность самого понятия правового принципа привели к тому, что в ряду принципов той или иной отрасли права нередко указываются разнопорядковые категории [6, с. 215]. Наиболее распространенным является понимание принципов как руководящих положений, основных начал, пронизывающих все нормы законодательства, определяющих сущность всей системы, отрасли или института права и имеющих в силу их правового закрепления, общеобязательное значение [7, с. 210], чего нельзя сказать в полной мере о категории «добросовестность». Положения Гражданского кодекса РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст. 3 ГК РФ), подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ [10]. В соответствии с п. 2 ст. 6 ГК РФ при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются не только исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (т.е. аналогии права), но и исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости. Аналогия права базируется на принципах, т.е. на общих началах и смысле гражданского законодательства, а требования добросовестности, разумности и справедливости распространяют свое действие на все принципы и презюмируются относительно поведения участников гражданских правоотношений. Принципы, закрепленные в ст. 1 ГК РФ, носят объективный характер и пронизывают все положения гражданского законодательства, а в определении добросовестности, как таковой, преобладают субъективные факторы, т.к. критерии ее толкования формируют участники гражданских правоотношений, а наличие оценивает судейский корпус, исходя из своего внутреннего убеждения.

При раскрытии содержания определенного принципа необходимо показать те общественные отношения и закономерности, которые лежат в его основе, что представляется проблематичным применительно к особому и достаточно недавно получившему законодательное закрепление принципу добросовестности.

В. Вороной, анализируя нормы п. 3 ст. 10 ГК РФ, приходит к выводу о том, что разумность и добросовестность – это объективное выражение закономерностей развития, результат, достигнутый в обществе [4], и присоединяется к мнению тех ученых, которые придерживаются точки зрения наличия в современном отечественном гражданском праве самостоятельного принципа добросовестности [5].

Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Принцип добросовестности в гражданском праве реализуется в осуществлении субъективных гражданских прав и исполнении обязанностей, при котором добросовестность – это необходимая осмотрительность субъекта в гражданском обороте.

Категория «добросовестность» употребляется в гражданском праве применительно к добросовестности приобретения вещи, при котором добросовестным признается незаконное владение вещью, если приобретатель не знал и не должен был знать о незаконности своего владения.

В.Н. Бабаев пишет, что «добропорядочность – это образ поведения человека, характеризующийся соблюдением тех правил, норм, условий жизни, принципов, которые считаются положительными... В праве добропорядочным может быть признано такое поведение субъекта, которое не противоречит предписаниям правовых норм, признается полезным, нужным... Добросовестность следует понимать как честное, со всей тща-

тельностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность, исполнительность» [1, с. 87].

Добросовестность в современном гражданском праве России закреплена в качестве принципа, но по своим некоторым признакам ей присуща и процессуальная природа, так как законодательно установлена презумпция добросовестности.

Так, например, по мнению В.В. Кулакова, необоснованное выделение в качестве принципа обязательственного права (да и гражданского права вообще) принципа добросовестности. Он поясняет, что добросовестность является презумпцией, т.е. категорией процессуальной, все презумпции, в отличие от принципов, опровержимы, поэтому нет необходимости в ревизии ГК РФ относительно проверки соответствия действий лиц требованиям добросовестности, и считает такое предложение авторов Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России противоречащим их же предложению о расширении сферы действия ст. 10 ГК РФ в части злоупотребления правом [8].

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ) [10].

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

В пункте 3 ст. 10 ГК РФ устанавливается презумпция добросовестности, без предварительного опровержения которой невозможно говорить об отсутствии реального осуществления гражданских прав участниками гражданского оборота с позиций разумности и добросовестности.

В целях получения объективной оценки соотношения категорий «принцип» и «презумпция», обратимся к пониманию категории «презумпция». По Д.И. Мейеру, «признание факта существующим по вероятности, что он существует, называется предположением (презумпцией)» [9, с. 44].

В.П. Воложанин под презумпцией понимал предположение о существовании или несуществовании какого-либо факта, освобождающее сторону от его доказывания, при доказанности других фактов, поскольку между ними (то есть фактом, не нуждающимся в доказывании, и фактами, уже доказанными) существует причинная связь, проверенная и подтвержденная практикой [3, с. 186].

В цивилистической литературе отражены различные взгляды на вопрос о законодательном закреплении презумпции добросовестности.

Полагаем обоснованным вывод Е. Богданова, данный на основе анализа п. 3 ст. 10 ГК РФ, о существовании презумпции добросовестности лишь в тех случаях, когда закон связывает защиту гражданских прав с добросовестностью участника правоотношения. Он справедливо утверждает, что «...если из закона не вытекает прямая связь между защитой права и добросовестностью участника правоотношения, в данном случае нет и презумпции добросовестности. Если в законе есть прямое указание на защиту

права в зависимости от добросовестности – действует презумпция добросовестности. Эта презумпция может быть только законной, но не общей» [2, с. 13].

Распространение на категорию добросовестности презумпции в рамках процессуального доказывания не создает препятствий ее применения в качестве принципа материально-правовых отраслей права, в том числе гражданского права.

Категория «добросовестность» в качестве общеотраслевого принципа гражданского права во многом носит правотворческий характер, в то время как правоприменительный аспект данного принципа реализуется в частных случаях в отдельных правовых институтах гражданского права. Проблема заключается в невозможности применения принципа добросовестности к любым гражданским правоотношениям. Добросовестность в узком понимании в рамках отдельных институтов гражданского права имеет свою дефиницию и не допускает ее различного толкования. Наличие правовой дефиниции добросовестности в частных случаях исключает возможность признания ее оценочной категорией, расширительное же толкование добросовестности будет способствовать злоупотреблению правом со стороны лица, требующего признать поведение контрагента недобросовестным. Особую актуальность имеет оценка экономической выгоды и нецелесообразности в действиях участников гражданских правоотношений для определения добросовестности их действий, влекущих юридические последствия, в том числе в виде признания в их действиях наличия злоупотребления правом.

Литература

1. Бабаев В.Н. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
2. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.
3. Воложанин В.П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе. М., 1955.
4. Вороной В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. 2002. № 6.
5. Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2004. Разд. III. Гл. 11 (авт. гл. – В.С. Ем).
6. Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
7. Додонов В.Н., Каминская Е.В., Румянцев О.Г. Словарь гражданского права / под общ. ред. В.В. Залесского. М., 1997.
8. Кулаков В.В. К концепции совершенствования общих положений обязательственного права России // Законодательство. 2009. № 6.
9. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854.
10. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

УДК 347.12

КОНТРОЛЬНОЕ ПРАВОМОЧИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**Марина Сергеевна Батюк**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: batyukms@mail.ru

Доказывается, что возможность участника гражданско-правового отношения осуществлять контроль за соблюдением своих законных интересов не является самостоятельным субъективным правом. Предлагается для обозначения данной юридической возможности использовать понятие «контрольное правомочие». Дается авторское определение контрольного правомочия.

Ключевые слова: субъективное право; право на контроль; контрольное правомочие.

CONTROL POWER IN CIVIL LAW**Marina Sergeevna Batyuk**, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

It is proved that the ability of participants in civil legal relationships to monitor the implementation of its legitimate interests is not an independent subjective right. It is proposed to refer to this legal possibility to use the concept of «control power». The author's definition of control power.

Keywords: subjective right; right to control; control power.

В кодифицированном гражданском законодательстве термин «контроль» и его производные встречаются 36 раз (половина из которых во второй части ГК РФ). При этом легальное определение «контроля» отсутствует. Очевидно, законодатель исходит из того, что данный термин употребляется в общеизвестном значении. В юридической литературе, в свою очередь, встречаются разные подходы к пониманию сути данного правового явления.

Законодатель неоднократно прямо говорит о том, что участники гражданского оборота вправе осуществлять контроль (ст. 748, 814, 1294, 1489 ГК РФ). Чтобы определиться с тем, что следует понимать под правом лица на контроль за соблюдением его законных интересов, необходимо уяснить, какое место занимает контроль в структуре относительного правоотношения, как соотносится с субъективным правом.

Учение о субъективном праве пережило определенную эволюцию, что нашло отражение в его основных концепциях: волевой теории субъективных прав Ф.К. фон Савиньи и его последователя Б. Виндшейда, теории интереса, сформулированной Рудольфом фон Иерингом против теории воли. Со временем данные подходы были объединены. Например, Регельсбергер под субъективными правами понимал «признанные правом и защищенные им сферы интересов и власти»; Еллинек исходил из того, что «субъективное право есть благо или интересы, охраняемые путем признания за человеком власти» [18, с. 75-76]. В дальнейшем были выработаны многочисленные комбинационные теории, в которых акцент в субъективном праве делается на волю, интерес, благо, преимущество, свободу и т.п.

В настоящее время наиболее распространена (с некоторыми вариациями и дополнениями) точка зрения, согласно которой субъективное право есть предусмотренная законом мера возможного (дозволенного) поведения управомоченного лица [4, с. 51; 5, с. 121; 6, с. 44]. Хотя некоторые ученые дают критическую оценку данной концепции

[7; 9; 15]. Так, А.Ю. Белоножкин рассматривает субъективное гражданское право в качестве действительности, а не возможности. Автор определяет эту внешнюю характеристику субъективного права как действительную модель (формулу) самостоятельного, свободного и независимого поведения субъекта [2, с. 16-18].

Следует отметить, что субъективные гражданские права ни в коем случае не являются простыми декларациями: им корреспондируют вполне определенные обязанности другой стороны правоотношения, они обеспечены правовыми гарантиями, что приближает возможность к действительности. Однако, по справедливому утверждению Р.О. Халфиной, «как бы точно ни была определена модель поведения в субъективных правах и обязанностях, это все еще возможность, а не действительность» [16, с. 209]. Учитывая ориентацию гражданского права на диспозитивный метод правового регулирования, с содержательной стороны субъективное право – это установленная правом область проявления инициативы, активности лица, свободы его волеизъявления. Данная юридическая возможность реализуется посредством конкретных действий (бездействия) управомоченного и обязанного лица, т.е. термин «действительность» относится не к самим субъективным правам, а к их осуществлению. Только когда была достигнута цель правоотношения и удовлетворен интерес его участников, можно говорить о том, что юридическая возможность была воплощена в действительности.

На наш взгляд, следует разделять позицию тех ученых, которые в субъективных правах видят прежде всего установленную и обеспеченную законом меру возможного (дозволенного) поведения субъекта права. В подтверждение состоятельности данной точки зрения выступает то обстоятельство, что подавляющее число субъективных прав представляет собой совокупность взаимосвязанных возможностей (правомочий). Классическим примером является право собственности с правомочиями владения, пользования и распоряжения. Гарантированная государством юридическая возможность поведения непосредственно материализуется в конкретном виде правомочия.

Среди цивилистов не наблюдается единства взглядов в вопросе о количестве правомочий, входящих в состав субъективного права. Ряд специалистов обращает внимание на две возможности, предусмотренные субъективным правом [8, с. 223]. Е.А. Крашенинников, в частности, констатирует, что структурные элементы субъективного гражданского права – это правомочие на совершение положительных действий (собственное поведение) и правомочие требования (правомочие на чужое активное поведение) [10, с. 133].

Распространенной является точка зрения относительно трех правомочий, входящих в состав субъективного права [14, с. 49; 17, с. 316]. Так, будучи обеспеченным силой государственного принуждения, субъективное право содержит в потенции правопритязание (правомочие на защиту). Н.В. Южанин определяет правопритязание как «возможность прибегнуть в необходимых случаях к содействию, принуждению государства, а в более широком смысле возможность использовать различные меры защиты как посредством обращения к государственно-принудительной силе, так самостоятельными, допустимыми правом мерами» [19, с. 42]. Реализуется данное правомочие, когда лицо оказывается ущемленным в использовании своего права. Однако по сей день продолжаются споры среди цивилистов о самостоятельности или включенности такой возможности в состав субъективного права.

Интересным представляется взгляд А.Ю. Белоножкина на содержание субъективного права. Автор стремится показать практическую ценность права и употребляет понятие «преимущество». «Преимущества, описываемые моделью субъективного гражданского права, позволяют субъекту совершать такое поведение, которое не могут совершать другие лица применительно к имеющимся фактическим обстоятельствам» [3, с. 5]. С практической точки зрения следует согласиться, что такой подход к содержательному наполнению субъективного права позволяет отличить полноценное субъективное право от фиктивного (декларативного). Однако нельзя не заметить, что пре-

имущества обладателя субъективного права в конечном счете сводятся к тем самым описанным выше правомочиям.

Итак, мы определились, что будем понимать под субъективным правом в ходе нашего исследования. Теперь необходимо определить, как же предоставленная управомоченному лицу юридическая возможность осуществлять контроль соотносится с категорией субъективного права.

На первый взгляд, все весьма очевидно. Законодатель прямо говорит, что один участник правоотношения *имеет право осуществлять контроль за ходом и качеством исполнения обязательства*, т.е. соблюдением своих интересов в рамках конкретного правоотношения. Согласно ст. 748 ГК РФ, заказчик **вправе** осуществлять контроль и надзор за выполнением работ по договору строительного подряда. Статья 65.2 ГК РФ предоставляет участникам корпорации **право** в установленных законом и учредительными документами юридического лица случаях и порядке получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией.

В судебных актах восстановление корпоративного контроля часто квалифицируется судами в качестве разновидности указанного в ст. 12 ГК РФ способа защиты – признания права. Можно предположить, что корпоративный контроль правоприменитель также рассматривает как особое, отдельное право акционера (участника), поскольку восстанавливают (признают) именно его [12].

Чтобы выяснить, так ли все очевидно, как кажется на первый взгляд, произведем сравнительно-правовой анализ категорий «субъективное гражданское право» и «право на контроль».

1. Субъективное право кредитора и соответствующая ему обязанность должника являются элементами гражданско-правового отношения, составляют его содержание. Лица вступают в правоотношения с целью удовлетворить свой законный интерес, обусловленный потребностями личности и окружающей обстановкой. Предоставленное участнику конкретного правоотношения субъективное право выступает средством удовлетворения его законного интереса.

По такой логике, если рассматривать право на контроль как самостоятельное субъективное право, у участника гражданско-правового отношения должен существовать самостоятельный законный интерес в осуществлении контроля, признаваемый данной отраслью права. Однако в гражданском праве контроль не может являться самоцелью, иначе речь шла бы о публичных, властно-управленческих правоотношениях.

У участника товарно-денежного оборота потребность, интерес в осуществлении контроля возникает не сам по себе, а исключительно в рамках конкретного правоотношения. Справедливо отмечает Е.Я. Мотовиловкер, что «возможность совершения лицом некоторого действия может называться правом только в том случае, если это действие интересует субъекта само по себе как таковое, а не в связи с удовлетворением какого-либо другого интереса» [11, с. 84]. Законодатель также не заявляет о существовании права лица на контроль как такового, а упоминает о том, что у управомоченного лица появляется такая возможность в связи со вступлением в договорное обязательство или с участием лица в коммерческой организации.

Представленные рассуждения согласуются с позицией М.М. Агаркова, согласно которому «кредитору, кроме основного требования по обязательству, могут принадлежать в отношении должника дополнительные требования, непосредственно направленные на достижение того же самого результата, на который направлено и основное требование. Действие, составляющее содержание такого дополнительного требования кредитора (и обязанности должника), не дает кредитору ничего большего по сравнению с тем результатом, который производит исполнение основного обязательства» [1, с. 267]. Дополнительная юридическая возможность, о которой говорит автор, усиливает принадлежащее кредитору субъективное право.

Таким образом, можно смело заявлять, что кредитор не имеет отдельного юридического интереса в осуществлении контроля, раз эта деятельность служит удовлетворению его интереса в реализации права требования. Следовательно, нет никакого смысла говорить об отдельном праве лица на такое поведение.

Исключение, конечно, будут составлять случаи недобросовестного поведения управомоченного субъекта, злоупотребления правом или когда лицо стремится осуществлять контроль в силу каких-либо заболеваний. Тогда контроль может выступать самоцелью для участника правоотношения, «идеей фикс».

2. Основаниями возникновения субъективных прав и обязанностей в гражданском праве являются различные юридические факты, предусмотренные ст. 8 ГК РФ. Анализ гражданского законодательства и решений судов позволяет заключить, что основанием возникновения основного субъективного права в правоотношении и дополнительной контрольной возможности выступает один и тот же юридический факт. Так, управомоченному лицу не требуется заключать отдельный договор на осуществление контроля деятельности контрагента. Данное обстоятельство подтверждает связь «права на контроль» с основным субъективным правом.

3. Субъективному праву в относительном гражданском правоотношении, в отличие от законных интересов лица, всегда корреспондирует соответствующая обязанность контрагента. В обязательстве типичным является наличие субъективных прав с двумя юридическими возможностями: требования и правопритязания. Возможность требования составляет суть относительного правоотношения, выражается в его динамической структуре и реализуется посредством активных действий должника.

Возможность осуществлять контроль, напротив, реализуется посредством действий самого управомоченного лица. Обязанность контрагента (если она существует) при этом сводится к созданию благоприятных условий для реализации предоставленной субъекту гражданского оборота юридической возможности. Направление участнику корпорации информации о финансово-хозяйственной деятельности организации, выписки из амбулаторной карты страхуемого лица страховщику для оценки страхового риска, обеспечение доступа во все места производства строительно-монтажных работ само по себе не удовлетворяет легитимного интереса лица в осуществлении контроля. Во время приемки результатов подрядных работ (при всех созданных подрядчиком условиях) заказчик может не воспользоваться своей юридической возможностью осуществить контроль деятельности контрагента. Действия обязанной стороны правоотношения, таким образом, имеют лишь организационный, обеспечительный характер.

4. В идеальной модели правоотношения субъективному праву лица соответствует обязанность контрагента действовать определенным образом, за счет этого достигается цель правоотношения. Жизненные реалии диктуют потребность в том, чтобы субъективное право помимо такой обязанности должника было обеспечено и иными правовыми гарантиями. Так, обладатель права имеет возможность, в случае нарушения или оспаривания принадлежащего ему субъективного права, прибегнуть к различным способам его защиты, описанным в ст. 12 ГК РФ.

Универсальными способами защиты являются возмещение реального ущерба и упущенной выгоды. Правоприменительная практика показывает, что при нарушении или оспаривании возможности управомоченного лица осуществлять контроль за соблюдением своих интересов избирается единственный способ защиты – присуждение к исполнению обязанности в натуре [13], что свидетельствует об исключительной природе «права на контроль».

5. Согласно ст. 1 ГК РФ, гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений и свободы договора. Физические и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. В числе прочего провозглашенный кодифицированным законодательством

принцип свободы договора подразумевает, что лицо может своим волеизъявлением и в своем интересе выбирать контрагента, с которым вступит в гражданско-правовые отношения.

Предоставленная управомоченному лицу возможность осуществлять контроль несколько ограничивает данную свободу, поскольку контрагентом в данных взаимоотношениях всегда выступает то лицо, к которому было адресовано основное требование в обязательстве. Однако данное обстоятельство в действительности никак не ограничивает свободу кредитора, поскольку бессмысленно предполагать наличие у управомоченного лица желания заявить такое дополнительное требование какому-либо иному лицу, кроме того, с кем он связан рамками существующего правоотношения.

На основании произведенного нами сравнительно-правового анализа категорий «субъективное право» и «право на контроль» можно заключить следующее. Понимание «права» в силу логики употребленного законодателем термина превращает возможность осуществления контроля в нечто несуразное. Во-первых, отнимает у него подчиненность цели удовлетворения основного законного интереса лица. Во-вторых, создает иллюзию существования у управомоченного самостоятельного интереса в контроле. Как будто осуществление контроля за ходом строительства реализует иную потребность кредитора, нежели качественное исполнение должником работ по договору подряда. В-третьих, вызывает предубеждение в отношении действенности принципа свободы договора. Фактически, реализуя данную возможность, управомоченное лицо не может выбирать контрагента, даже не задумывается о выборе.

Из вышесказанного следует, что юридическая возможность субъекта осуществлять контроль за соблюдением своих законных интересов не является самостоятельным субъективным правом лица. Довольствуясь лишь буквальным толкованием нормы права, можно заявлять, что собственнику в соответствии со ст. 209 ГК РФ принадлежат некие самостоятельные субъективные права: владения, пользования и распоряжения. Невзирая на терминологические особенности, избранные законодателем при конструировании норм кодифицированного гражданского законодательства, *возможность управомоченного лица осуществлять контроль за соблюдением своих законных интересов выступает дополнительным правомочием в составе конкретного субъективного права. Для обозначения данной возможности мы используем понятие «контрольное правомочие».*

Что же такое это контрольное правомочие? В ходе сравнительного анализа с правовой категорией субъективного гражданского права мы определили внешнюю характеристику изучаемого нами явления, а также его отличительные черты. Удалось установить, что контрольное правомочие входит в состав субъективного права кредитора, являясь дополнительной юридической возможностью. Прекращение субъективного права влечет прекращение и входящего в его структуру контрольного правомочия. Осуществляя деятельность по реализации контрольного правомочия, лицо не свободно в выборе контрагента, им всегда является вторая сторона в правоотношении. Суть контрольного правомочия сводится к деятельности самого управомоченного лица, а обязанности контрагента призваны лишь создать благоприятные условия для реализации предоставленной субъекту юридической возможности. Направлено контрольное правомочие на удовлетворение основного интереса субъекта гражданско-правового отношения. В случае нарушения или оспаривания контрольного правомочия лица, ущемленный субъект может прибегнуть к защите своего законного интереса. Согласно правоприменительной практике, способы защиты в данном случае ограничиваются признанием к исполнению обязанности в натуре.

Таким образом, мы определяем контрольное правомочие как *входящую в состав субъективного права и гарантированную силой государственного принуждения юридическую возможность участника гражданско-правового отношения верифици-*

ровать (проверять) соблюдение его законных интересов другими участниками гражданско-правового отношения.

Необходимо уточнить, что, осуществляя контроль, субъект не всегда действует на основании предоставленного ему контрольного правомочия. В отдельных гражданско-правовых отношениях, связанных, например, с повышенной опасностью производства, контроль вменяется в обязанность участника правоотношения. Согласно п. 4 ст. 53 Градостроительного кодекса РФ, лицо, осуществляющее строительство, должно контролировать выполнение работ, которые оказывают влияние на безопасность объекта капитального строительства, безопасность строительных конструкций и участков сетей инженерно-технического обеспечения. Тогда речь будет идти уже о дополнительной юридической обязанности, осложняющей субъективное право и в целом правоотношение.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
2. Белоножкин А.Ю. К вопросу о понятии субъективного гражданского права // Российская юстиция. 2011. № 11.
3. Белоножкин А.Ю. Содержание субъективного гражданского права // Российская юстиция. 2015. № 7.
4. Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2009. № 11.
5. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2006.
6. Гражданское право: учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. М.: Велби; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2007.
7. Дерюгина Т.В. Принципы осуществления гражданских прав. М., 2010.
8. Иоффе О.С., Шаргородский М.А. Вопросы теории права. М., 1961.
9. Коробов О.А. О новом определении субъективного гражданского права, предложенном П.М. Филипповым и А.Ю. Белоножкиным // Очерки теории российского законодательства: монография / под ред. В.А. Летаева, И.Н. Сенякина. Ч. 3. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011.
10. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3.
11. Мотовиловкер Е.Я. Догма структуры субъективного гражданского права (развенчание традиционной концепции) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12.
12. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27 июня 2012 г. по делу № А28-5766/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 июля 2014 г. по делу № А43-20234/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Правоведение. 1984. № 3.
15. Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009.
16. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
17. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2000.
18. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001.
19. Южанин Н.В. Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер // Юрист. 2013. № 15.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.92

ТРЕТЬИ ЛИЦА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Оксана Валерьевна Турчина, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: okturchina@yandex.ru

В статье раскрывается процессуальное положение, порядок вступления и проблемные аспекты участия третьих лиц в гражданском судопроизводстве, дается их сравнительная характеристика.

Ключевые слова: гражданский процесс; третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора; третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора.

INVOLVEMENT OF THIRD PARTIES IN CIVIL PROCEEDINGS

Oksana Valerievna Turchina, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In article reveals the procedural position of third parties in civil proceedings, order of entry and problematic aspects of the involvement their, given their comparative characteristics

Keywords: civil procedure; the third parties independent requirements concerning a subject of dispute; the third parties which are not declaring independent requirements concerning a subject of dispute.

При осуществлении правосудия по гражданским делам участвует целый ряд лиц, каждое из которых наделено специальным статусом, пользуется определенным комплексом прав и несет процессуальные обязанности, что обуславливает специфику процессуальной деятельности того или иного участника гражданского судопроизводства. Правильное определение процессуального положения всех лиц, участвующих в деле, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, что в конечном итоге способствует решению задач, стоящих перед гражданским судопроизводством.

На стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд должен разрешить вопрос о субъектном составе всех лиц, участвующих в гражданском деле. С классических позиций в исковом производстве принимают участие две стороны с противоположными субъективными интересами (истец и ответчик). Стороны, до постановления судом решения, являются лишь предположительными субъектами предположительно существующего спорного материального правоотношения. Привлечение к участию в деле третьих лиц является средством правовой защиты как сторон, так и самих третьих лиц. Между тем применение этого института в судебной практике вызывает большие затруднения, потому что участие третьих лиц недостаточно урегулировано в процессуальном законодательстве. Так, неполно изложены условия вступления последних в процесс, не существует механизма исключения ненадлежащих третьих лиц из состава лиц, участвующих в деле.

Институт третьих лиц известен цивилистическому процессу достаточно долгое время. Определенное влияние на становление института третьих лиц было оказано римскими юристами, которые в свое время сформировали конструкции материальных правоотношений не только между двумя субъектами, но и с участием третьего участника, состоящего в определенной правовой связи с ними.

Законодателями Русской Правды, Новгородской судной грамоты, Псковской судной грамоты, а также Соборного уложения признавалось существование юридического интереса к исходу дела не только у сторон, но и у лиц, не участвующих в деле [5, с. 316]. Однако на тот период эти лица к делу не привлекались, но могли защитить свои права путем отдельного судебного разбирательства.

Уставом гражданского судопроизводства (1864 г.) третьи лица выделены как самостоятельные лица, участвующие в деле.

В период существования советского гражданского процессуального права (Постановление НКЮ РСФСР, ГПК РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г.) впервые были сформулированы основные элементы института участия третьих лиц. В частности, были выделены два их вида: главное вступление и побочное участие. Кроме того, признавалось наличие юридического интереса у третьих лиц (процессуально-правового либо материально-правового) к исходу дела как основание вступления их в процесс.

Справедливости ради следует сказать, что принципиальных изменений ныне действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 г. относительно участия третьих лиц в гражданском процессе не внес и раскрывает их процессуальный статус посредством двух статей (ст. 42 и 43), различая их по видам.

Законная сила судебного решения не распространяется на лиц, не привлеченных к участию в деле, хотя бы интересы последних и затрагивались принятым по делу судебным решением. Не участвующим в процессе лицам предоставлено право защищать свои интересы в общеисковом порядке путем предъявления самостоятельного требования. Однако следует признать, что вступление таких лиц в начавшийся процесс между первоначальными сторонами есть наиболее целесообразный способ защиты интересов лиц, не являющихся сторонами в процессе, в случаях, когда на их субъективные права и обязанности по отношению к одной из сторон может повлиять принятое решение по чужому делу. Этой цели и служит институт третьих лиц.

В зависимости от степени и характера заинтересованности третьих лиц в исходе дела гражданское процессуальное законодательство и судебная практика различают два их вида: третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 42 ГПК РФ), и третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 43 ГПК РФ).

Если исходить из буквального толкования ст. 42 ГПК РФ, то можно прийти к выводу, что характерным признаком третьих лиц с самостоятельными требованиями является наличие у них права требования (по их мнению) на предмет спора, на который также претендует истец и ответчик. Это право является предположительным, ибо окончательно этот вопрос может быть разрешен судом лишь после судебного разбирательства и принятия судебного решения по существу заявленных требований.

Как правильно отметил М.А. Викут, третье лицо побуждает вступить в процесс то обстоятельство, что решение, вынесенное по данному делу, может коснуться его права, привести к неблагоприятному фактическому положению, при котором права третьего лица окажутся фактически нарушенными [1, с. 74].

Так, например, А. предъявил иск к своей бывшей жене В. о разделе совместного имущества, нажитого в период брачного союза. В дело с самостоятельными требованиями судом в качестве третьего лица был допущен отец А., проживающий совместно с супругами, заявив, что некоторое спорное имущество приобретено бывшими супругами на его деньги, и поэтому он просит признать право собственности на это имущество именно за ним, исключая тем самым требования истца и ответчика в части заявленных требований на вещи.

Имея самостоятельное право на предмет спора, третье лицо, узнав о производящемся процессе между истцом и ответчиком, могло бы предъявить отдельный иск в самостоятельном процессе к одной или к обеим сторонам. Но тогда возможно принятие противоречащих друг другу решений: одна и та же спорная вещь может быть присуждена в пользу первоначального истца или ответчика и в то же время в пользу третьего лица, являющегося истцом в своем процессе. После этих двух процессов должен будет последовать третий процесс – между лицами, в пользу которых присуждено спорное право по первым двум процессам, который окончательно разрешит вопрос о том, кому на самом деле принадлежит предмет спора. Непринятие своевременных обеспечительных мер может привести к утрате или обесцениванию спорного предмета, в связи с этим возвращение его законному владельцу при окончательном выводе суда может стать затруднительным или даже невозможным.

Однако при рассмотрении вопроса о вступлении в процесс третьего лица с самостоятельными требованиями суд должен исходить из объективности и целесообразности такого участия при рассмотрении дела и вправе отклонить ходатайство третьего лица путем вынесения мотивированного определения.

Рассматриваемых субъектов гражданского судопроизводства следует отличать от соистцов, хотя на первый взгляд они схожи. Однако у соучастников однородный характер требований, каждый из них претендует на часть предмета спора, не исключая и не затрагивая прав остальных соучастников. В то время как третьих лиц с самостоятельными требованиями интересуется либо весь предмет спора, либо его часть, поскольку они считают, что именно им, а не истцу или ответчику принадлежит спорное имущество или иной объект спора. Более того, третьи лица не являются участниками спорного материального правоотношения, а лишь отстаивают свои права и интересы.

Допуская участие таких лиц в деле, процессуальный закон наделяет их рядом прав, которые принадлежат истцу. В частности, они вправе отстаивать свои личные интересы, представляя суду свои доказательства, заявлять ходатайства, давать объяснения по существу заявленных требований, привлекать свидетелей, заключать мировое соглашение, отказываться от своих требований, просить содействия в истребовании или обеспечении доказательств, обжаловать решение суда. В то же время на этих участников процесса возложены и процессуальные обязанности, предусмотренные для сторон.

По смыслу ст. 42 ГПК РФ, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, могут вступить в процесс до постановления судом решения по делу, то есть вплоть до удаления суда в совещательную комнату. Однако следует констатировать, что ни в этой норме, ни в какой-либо другой статье ГПК РФ нет указания на тот процессуальный документ, которым оформляется вступление третьего лица в процесс рассмотрения дела. Имея самостоятельные исковые требования, предъявляют ли они исковое заявление, или третьи лица излагают свои самостоятельные требования в какой-то иной форме, например, заявлением о вступлении в процесс? Подобная неопределенность в законодательной регламентации должна быть устранена.

Изучение и обобщение судебной практики показывает, что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, реже участвуют в деле, чем третьи лица, которые таких требований не предъявляют. Возможно, это объясняется тем, что последние появляются в процессе не по собственной воле, как третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, а привлекаются по инициативе суда либо сторон.

В юридической литературе часто поднимается вопрос о наличии интереса в исходе дела третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора [2; 3]. Следует сказать, что третьи лица без таковых требований, привлеченные к участию в деле, заинтересованы в правильном разрешении спора между тяжущимися сторонами, поскольку судебное решение по спору может определить его отношение к одной из сторон в процессе, повлиять на их права и обязанности. В связи с

этим основанием участия такого третьего лица в гражданском процессе является не помощь стороне и желание быть ей полезным в процессе, а самостоятельный юридический интерес третьего лица. Данная мысль нашла свое выражение в ст. 43 ГПК РФ.

При теоретическом обосновании участия третьих лиц без самостоятельных требований необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, третье лицо, участвуя в гражданском судопроизводстве, защищает свой интерес. Сторона и третье лицо в данном случае – лишь временные союзники.

Во-вторых, вступление (привлечение) третьего лица в дело является средством более полного исследования всех обстоятельств дела в процессе достижения судом объективной истины, то есть полного соответствия выводов суда действительным обстоятельствам дела и действительным взаимоотношениям сторон.

В-третьих, третье лицо, привлеченное к участию в гражданском деле по ходатайству стороны или по инициативе суда, заинтересовано в правильном разрешении спора между сторонами, ибо решение по делу может иметь преюдициальное значение для юридических отношений, которыми связано третье лицо с одной из тяжущихся сторон в процессе.

Кроме того, нередко третьих лиц без самостоятельных требований на предмет спора, привлеченных к участию в деле на стороне ответчика, смешивают с привлечением его в качестве соответчика.

Для правильного определения процессуального положения всех участников дела необходимо прежде всего проанализировать спорное материальное правоотношение.

Надлежащий соответчик всегда противостоит истцу, так как он состоит с ним в прямой и непосредственной связи. Третье же лицо, привлеченное на стороне ответчика к участию в деле, находится вне того спорного материального правоотношения, которое существует между истцом и ответчиком, потому что оно состоит в правовых отношениях только с одной из сторон, например, с ответчиком. В силу этого третье лицо и не может нести ответственности перед истцом. Именно поэтому решение суда по первоначальному спору между сторонами может быть принято только против ответчика, который, в свою очередь, имеет право требования к третьему лицу в порядке регрессного иска на основании того материального правоотношения, которое существует между ним, ответчиком и третьим лицом [4, с. 47].

Приведем следующий пример. В бухгалтерию организации поступил исполнительный лист на удержание из заработной платы П. 25% дохода в счет уплаты алиментов на несовершеннолетнего ребенка. Сотрудник бухгалтерии работодателя А. ежемесячно удерживала и перечисляла на счет получателя алиментов сумму, равную 33% от заработной платы П., в связи с этим образовалась переплата суммы алиментов. П. обратился с иском в суд к работодателю о возмещении излишне удержанной суммы. В качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, на стороне ответчика была привлечена бухгалтер А., по вине которой произошла переплата. Суд вынес решение в пользу П., обязав работодателя возместить понесенный истцом ущерб. По предъявленному к А. регрессному требованию суд обязал последнюю выплачивать по 20% от ее заработной платы ежемесячно до полного погашения суммы, выплаченной П.

Таким образом, участие третьих лиц, не заявляющих требований на предмет спора при разбирательстве дела, обусловлено наличием как процессуально-правового, так и материально-правового интереса. Более того, этот интерес подчас может быть большим для третьего лица, чем для стороны, которая, являясь только посредствующим звеном, обеспечила себя на случай неблагоприятного для себя разрешения возможностью регрессного иска [4, с. 66]. Поэтому сторона может быть совершенно безразлична к последствиям разрешения спора и даже может признать иск для скорейшего завершения процесса, а впоследствии предъявить к третьему лицу регрессное требование.

Говоря о процессуальных правах и обязанностях третьих лиц рассматриваемого нами вида, необходимо подчеркнуть, что привлечение их на сторону как истца, так и ответчика не предполагает для них положения стороны в процессе. Заменить истца или

ответчика третьи лица, участвующие в деле, не могут, потому что они не являются субъектами спорного материального правоотношения, а лишь состоят со стороной в правовой связи.

Еще одна пробельная ситуация, вызывающая разночтения в толковании норм права, а следовательно, необоснованные судебные решения, – это порядок возмещения судебных расходов, понесенных третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований на предмет спора.

Буквальное толкование ст. 98 ГПК РФ предполагает, что судебные расходы возмещаются только стороне, в пользу которой суд принял решение, в то время как иные лица, участвующие в деле, также могли понести определенные затраты, связанные с рассмотрением дела. Например, возникает вопрос о возможности третьих лиц на привлечение своих представителей в процесс, на апелляционное обжалование решения суда и другие процессуальные действия, которые также могут быть связаны с финансовыми затратами.

Прибегая к системному толкованию ст. 34, 43, 98 ГПК РФ, мы можем сделать вывод о том, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, относятся к лицам, участвующим в деле, и, следовательно, имеют права и обязанности стороны, за некоторым исключением процессуальных прав. Таким образом, не являясь стороной в деле, рассматриваемые участники гражданского процесса имеют право на возмещение понесенных ими судебных расходов.

Итак, вступление третьих лиц в процесс разбирательства по гражданскому делу позволяет реализовать процессуальную экономию, гарантировать защиту прав и законных интересов участников процесса, состоящих во взаимосвязанных материальных правоотношениях, а также способствует недопущению неблагоприятных последствий для них и сторон в будущем. Третьи лица, участвующие в гражданском судопроизводстве, обоих видов, не являясь стороной по делу, несомненно, имеют юридический интерес в исходе дела.

В то же время недостаточное законодательное урегулирование института третьих лиц, сложные правоотношения, возникающие между сторонами и третьими лицами, вызывают ряд затруднений и ошибок в правоприменительной и судебной практике.

Кроме того, неопределенность процессуальных норм, регламентирующих порядок вступления в процесс третьих лиц, также приводит к сложным практическим ситуациям. Законодателю следует ввести норму, определяющую форму процессуального документа, которым оформляется начало участия третьих лиц в гражданском деле.

ГПК РФ относит их к лицам, участвующим в деле, наделяя процессуальными правами и обязанностями наравне со стороной. Однако в ГПК РФ не предусмотрено право третьих лиц, привлеченных к участию в деле на стороне истца или ответчика, на возмещение судебных расходов.

Принимая Концепцию Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, направленную на радикальное реформирование гражданского и арбитражного процессов, ее авторы по-прежнему не учитывают сложностей в правоприменении и не включают в ее содержание изменений в этой части.

Литература

1. Викинг М.А. Третьи лица в советском гражданском процессе. Саратов, 1959.
2. Гапеев В.Н., Джаникян М.В. Третьи лица без самостоятельных требований и их участие в гражданском процессе. Свердловск, 1988.
3. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.
4. Ильинская И.М. Участие третьих лиц в гражданском процессе. М., 1962.
5. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984.

УДК 346.62

О СТАТУСЕ КРУПНЕЙШИХ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор;

Наталья Ароновна Богуславская, доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru

natabogus@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые проблемы, связанные с уточнением налогового статуса крупных хозяйствующих субъектов. Авторы попытались исследовать также вопросы, касающиеся их налогового администрирования.

Ключевые слова: налог; налогоплательщик; бюджет; статус; контроль; право; налоговый орган; суд.

ON THE STATUS OF THE LARGEST TAXPAYERS

Lyudmila Nikolaevna Dreval, chair professor of the Far Eastern Law Institute of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor;

Natalya Aronovna Boguslavskaya, chair associate professor of the Khabarovsk State University of Economics and Law *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article describes some of the problems associated with the clarification of the tax status of large businesses. The authors tried to explore issues relating to their tax administration.

Keywords: tax; taxpayer; budget; status; control; law; tax authority; court.

Начавшаяся в прошлом веке реформа налоговой системы Российской Федерации продолжается до сих пор.

Современный период – время экономии финансовых ресурсов и минимизации расходов – характеризуется тем, что государство старается найти дополнительные источники пополнения доходной части федерального бюджета и, как следствие, сформировать оптимальные взаимоотношения с бизнесом. В первую очередь это касается крупных субъектов предпринимательства, вклад которых в рассматриваемый бюджет, по разным источникам, составляет от половины до трех четвертей всех налоговых поступлений. Согласно данным Федеральной налоговой службы (ФНС) РФ за первый квартал 2015 г., поступления от крупнейших налогоплательщиков, состоящих на учете в межрегиональных инспекциях Федеральной налоговой службы РФ по крупнейшим налогоплательщикам, составили 24 млрд руб.*.

Понимая, что данные субъекты имеют определенные особенности в налоговом статусе, ученые и практики не могут с точностью ответить на вопрос: в чем же они за-

* URL://www.nalog.ru/rn59/news/activities_fts/5434848

ключаются? В литературе чаще всего встречаются прагматичные точки зрения, исследующиеся в рамках налогового администрирования [10, с. 5].

Существующие дискуссии, на наш взгляд, обусловлены уже тем, что Налоговый кодекс РФ не содержит дефиниции «крупнейший налогоплательщик». Законодатель лишь упоминает о таком субъекте. Например, когда речь идет о постановке на учет (ст. 83), о предоставлении декларации (ст. 80), о проведении выездных налоговых проверок в отношении крупнейших налогоплательщиков (ст. 89). Кроме того, Налоговый кодекс РФ не закрепляет особенности правового статуса такой категории налогоплательщиков, а также специфику осуществления налогового администрирования (налогового контроля).

Анализ законодательства в сфере налогообложения свидетельствует о том, что и в других законах правила поведения в отношении крупнейших налогоплательщиков тоже отсутствуют. Поэтому, к сожалению, рассматриваемые общественные отношения регулируются только подзаконными нормативными правовыми актами (актами Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы РФ: приказами, инструкциями, методическими указаниями, положениями и т.п.), характеризующимися своей нестабильностью. Например, критерии отнесения налогоплательщиков к крупнейшим в целях налогового администрирования определены приказом Министерства по налогам и сборам России (сейчас Федеральная налоговая служба) от 16 апреля 2004 г. [3]. С нашей точкой зрения о нецелесообразности «подзаконности» правового регулирования соглашаются многие исследователи, например К.Э. Вакуленко [1, с. 129]. Такая юридическая регламентация противоречит основам Конституции РФ о прямом действии норм российского права и принципам правового государства, на что не раз указывалось Конституционным судом РФ: «Неопределенность содержания правовой нормы ... допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а, значит, - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона» [8]. В связи с этим можно согласиться с мнением тех ученых, которые ратуют за «закрепление особенностей правового статуса исследуемых субъектов налогового права в Налоговом кодексе Российской Федерации ... ввиду особой роли данной категории налогоплательщиков в формировании финансовой базы государства» [2, с. 17].

Отметим, что в отношении крупнейших налогоплательщиков законодательством не устанавливаются особые условия налогообложения, в отличие, например, от субъектов малого предпринимательства. Обобщение субъектов под понятием «крупнейший налогоплательщик» большее значение имеет для уточнения их правового статуса при проведении контрольных функций государством. Из этого следует, что «правовой статус налогоплательщика» и «правовой статус крупнейшего налогоплательщика» разнятся в самом его содержании, в правах и обязанностях и их количестве.

Обратим внимание также на то, что правовой статус крупнейших налогоплательщиков реализуется через основания и степень участия налоговых органов различных уровней в процессе администрирования, через методы осуществления его отдельных этапов, оценку эффективности проведения налогового администрирования, учет отраслевой специфики отдельных групп таких субъектов. Отсюда, статус крупнейшего налогоплательщика определяется спецификой самой юридической категории, которая определяется тем, что состоит из двух частей: «налогоплательщик» и «крупнейший».

Анализ положений ст. 19 НК РФ позволяет сформулировать вывод о том, что смысл ее заложен в первом из названных элементов. Он является качественной характеристикой субъекта, т.к. он обязан платить налоги. Понятие же «крупнейший» можно определить как количественный признак. Из этого следует, что такими субъектами налогообложения должны быть, как правило, организации, т.е. юридические лица.

Количественный признак характеризуют экономические показатели. В соответствии с приказом МНС РФ от 16 апреля 2004 г. № САЭ-3-30/290 [3] к категории крупнейших налогоплательщиков применяются следующие критерии:

- показатели финансово-экономической деятельности за отчетный год из бухгалтерской и налоговой отчетности организации;
- признаки взаимозависимости и влияния налогоплательщика на экономические результаты деятельности взаимозависимых лиц;
- наличие специального разрешения (лицензии) на право осуществления юридическим лицом конкретного вида деятельности.

К крупнейшим налогоплательщикам на федеральном уровне законодатель причисляет организации, у которых один из перечисленных показателей финансово-экономической деятельности имеет следующее значение:

- суммарный объем начислений федеральных налогов, согласно данным налоговой отчетности, свыше 1 млрд руб.; для организаций, осуществляющих деятельность в сфере оказания услуг связи, а также по реализации и (или) предоставлению в пользование технических средств, обеспечивающих оказание услуг связи, организаций, осуществляющих деятельность в сфере оказания транспортных услуг, – свыше 300 млн руб.;
- суммарный объем полученных доходов (форма № 2 «Отчет о прибылях и убытках» годовой бухгалтерской отчетности, коды показателя 2110, 2310, 2320, 2340) превышает 20 млрд руб.;
- активы превышают 20 млрд руб. [7].

К таким организациям могут быть отнесены организации оборонно-промышленного комплекса и стратегические предприятия и организации, у которых один из перечисленных ниже показателей имеет следующие значения:

- сумма по заключенным контрактам по экспортным поставкам стратегической продукции составляет более 27 млн руб. в год;
- сумма выручки по экспортным поставкам стратегической продукции – более 20% от общей суммы выручки;
- среднесписочная численность работающих – свыше 100 чел.;
- доля вклада учредителя (государства) превышает 50%.

Кредитная, страховая, перестраховочная организации, общество взаимного страхования, страховой брокер, профессиональный участник рынка ценных бумаг, негосударственный пенсионный фонд могут подпадать под понятие «крупный налогоплательщик», если имеет лицензию на осуществление своего вида деятельности. При этом сегодня совсем не обязательно, чтобы их финансовая деятельность соответствовала определенным экономическим нормативам, хотя до недавнего времени это было необходимо.

В отношении организаций – крупных налогоплательщиков на региональном уровне закреплены иные критерии. К ним относятся организации, у которых показатели финансово-экономической деятельности имеют гораздо меньшие цифры:

- суммарный объем полученных доходов (форма № 2 «Отчет о прибылях и убытках» годовой бухгалтерской отчетности, коды показателя 2110, 2310, 2320, 2340) находится в пределах от 2 до 20 млрд руб. включительно;
- среднесписочная численность работников превышает 50 чел.;
- активы находятся в пределах от 100 млн до 20 млрд руб. включительно либо суммарный объем начислений федеральных налогов и сборов, согласно данным налоговой отчетности, находится в пределах от 75 млн до 1 млрд руб. Особенностью организаций регионального уровня является то, что, в отличие от ранее рассмотренных, они должны соответствовать перечисленным показателям одновременно.

Новацией в правовом регулировании по установлению финансово-экономических показателей является то, что в настоящее время Управление Федеральной налоговой службы по субъекту Российской Федерации имеет право самостоятельно определять их

значения с учетом социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Данная норма, на наш взгляд, создает неопределенность в статусе крупнейших налогоплательщиков, администрируемых на региональном уровне, так как допускает «усмотрение» со стороны территориальных налоговых органов.

Не относятся к категории крупнейших налогоплательщиков организации, применяющие в процессе налогообложения специальные налоговые режимы.

На основании изложенного можно сформулировать тезис о том, что среди критериев, которые принимаются во внимание сотрудниками налоговых органов, основными являются: 1) вид осуществляемой деятельности; 2) отрасль экономики, к которой относится субъект; 3) финансовые показатели деятельности; 4) численность работающих. Напомним, что, согласно разъяснениям ФНС РФ, для отнесения налогоплательщика к категории крупнейших, которые администрируются на федеральном уровне, достаточно соответствия показателей его деятельности хотя бы одному из указанных критериев за любой год из предыдущих трех [6].

Однако на практике имеют большое значение и другие факторы. Например, взаимозависимость организаций в целях налогообложения, выражающаяся в особенностях отношений между ними, которые оказывают (могут оказывать) влияние на условия и (или) результаты сделок, совершаемых данными субъектами, и (или) на экономические результаты их деятельности. Как разъяснено в письме Минфина России от 5 декабря 2012 г. № 03-01-18/9-187 [5], подробные критерии взаимозависимости лиц – организаций установлены ст. 105.1 НК РФ. При этом при определенных условиях организации могут признать себя взаимозависимыми самостоятельно.

Необходимость закрепления понятия «крупнейший налогоплательщик» в Налоговом кодексе РФ можно аргументировать не только на основании данных практической деятельности, но и учитывая анализ положений Налогового кодекса РФ.

Во-первых, в ст. 2 НК РФ закреплено, что отношения по осуществлению налогового контроля регулируются законодательством о налогах и сборах, состоящего из Налогового кодекса РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах, законов и иных нормативных правовых актов о налогах и сборах субъектов РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Отсюда, в чем прав А.А. Юнак, если выделение данной категории налогоплательщиков имеет значение преимущественно для сферы налогового контроля, то данный вопрос не должен регулироваться подзаконным федеральным актом [11, с. 28].

Во-вторых, статья 4 НК РФ содержит правило о том, что правовые акты федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с налогообложением и сборами, не могут изменять или дополнять законодательство о налогах и сборах. Регулирование рассматриваемых отношений в рамках подзаконных актов, на наш взгляд, возможно только при детализации порядка налогового администрирования.

Администрирование крупнейших налогоплательщиков на федеральном уровне осуществляют межрегиональные инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам, а на региональном уровне – межрайонные инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам. В случае, если на территории субъекта Российской Федерации не предусмотрено создание межрайонной инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам, то администрирование осуществляет налоговый орган по месту нахождения крупнейшего налогоплательщика.

В настоящее время в структуру ФНС РФ входят девять межрегиональных инспекций по крупнейшим налогоплательщикам*, действующих, в том числе, на основании Типовых положений о территориальных органах Федеральной налоговой службы [4].

За каждой из них закреплены крупнейшие налогоплательщики, осуществляющие свою деятельность в определенной сфере. Для примера: Межрегиональная инспекция

* URL: http://www.nalog.ru/rn59/news/activities_fts/5434848

ФНС России № 1 осуществляет налоговое администрирование крупнейших налогоплательщиков в сфере разведки, добычи, переработки, транспортировки и реализации нефти и нефтепродуктов; Межрегиональная инспекция ФНС России № 4 – в сфере электроэнергетики, в том числе производства, передачи, распределения, диспетчеризации и реализации электрической энергии и производства, передачи, распределения, диспетчеризации и реализации тепловой энергии; Межрегиональная инспекция ФНС России № 6 – в сфере оказания транспортных услуг.

Все перечисленные межрегиональные инспекции находятся в г. Москве.

Что же касается межрайонных инспекций по крупнейшим налогоплательщикам, то они созданы в субъектах РФ, но не во всех.

Процедура постановки на учет, который является одной из форм налогового контроля, начинается с запроса данных межрегиональной и межрайонной инспекций ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам у территориальных налоговых инспекций, в которых крупнейшие налогоплательщики состоят на учете (по месту своего нахождения).

Особенностей при первоначальной постановке на учет крупнейшего налогоплательщика нет, они, так же как и все налогоплательщики, включаются сначала в Единый государственный реестр налогоплательщиков. Вместе с тем ФНС России ежегодно формирует Список организаций – крупнейших налогоплательщиков, отобранных по финансово-экономическим показателям их деятельности.

Трехуровневый учет крупнейших налогоплательщиков «провоцирует» частые обращения рассматриваемых субъектов в суд об оспаривании не только присвоения им статуса крупнейших, но за защитой прав, связанных в том числе с уведомлением о постановке на учет в том или ином налоговом органе. Поэтому следует согласиться с мнениями, высказываемыми в научной литературе, что решением данной проблемы может стать администрирование всех крупнейших налогоплательщиков на уровне межрайонных инспекций, даже если возникнет необходимость в их количественном увеличении [1, с. 130].

В дополнение к изложенному, в целях защиты других прав и законных интересов крупнейших налогоплательщиков необходимо на федеральном уровне (в Налоговом кодексе РФ) закрепить особенности проведения налоговых проверок (как выездных, так и камеральных), которые в настоящее время регламентируются в основном приказами, письмами ФНС РФ.

Согласно положениям Налогового кодекса РФ (ст. 88), камеральной проверке подвергаются документы крупнейших налогоплательщиков, в том числе налоговые декларации. Основная масса их проверяется на предмет соответствия так называемым «контрольным соотношениям».

На первоначальном этапе проверяется соответствие формальным требованиям заполнения декларации (других документов), на последующих – взаимоувязанность текущих показателей в декларации с теми данными, которые есть у налоговых органов в различных информационных источниках.

В соответствии со ст. 89 НК РФ выездная налоговая проверка проводится на территории крупнейшего налогоплательщика на основании решения руководителя или заместителя руководителя налогового органа. Она может проводиться по одному или нескольким налогам. В результате ее устанавливаются правильность их исчисления, своевременность уплаты и др. В данном случае налоговые органы сталкиваются с большим объемом работы. При этом не всегда соблюдаются права налогоплательщика и разъясняются его обязанности, вытекающие из подзаконных нормативных актов. Поэтому можно предложить законодателю сформулировать их в рамках в ст. 88 и 89 НК РФ либо в виде отдельной главы Налогового кодекса РФ. Это позволит более четко определить перечень прав и обязанностей как налоговых органов и профилактировать правонарушения и преступления в сфере налогов и сборов, а также установить права и обя-

занности крупнейших налогоплательщиков. Предложенные изменения в Налоговый кодекс РФ, с нашей точки зрения, носят концептуальный характер. Поэтому согласимся с Д.А. Смирновым, который полагает, что поправки в законодательство о налогах и сборах такого рода будут способствовать «повышению эффективности налогового контроля и учета крупнейших налогоплательщиков с одновременным поддержанием и укреплением законности в государстве» [9, с. 98.].

В целях понимания всего многообразия крупнейших налогоплательщиков и особенностей их правового статуса, а также эффективного правоприменения, исходя из анализа действующего законодательства, можно предложить классификацию крупнейших налогоплательщиков по следующим основаниям:

1) по уровню налогового администрирования крупнейшие налогоплательщики подразделяются на федеральные и региональные;

2) в зависимости от критериев, по которым данный субъект относится к крупнейшим: налогоплательщик, отнесенный к крупнейшему по показателям финансово-экономической деятельности; по признакам взаимозависимости; по наличию специального разрешения (лицензии);

3) по условиям применения финансово-экономических показателей:

- крупнейший налогоплательщик, в отношении которого применены условия (условие), установленные Федеральной налоговой службой РФ;

- крупнейший налогоплательщик, в отношении которого применены условия (условие), установленные Управлением Федеральной налоговой службы по субъекту Российской Федерации по согласованию с Федеральной налоговой службой РФ;

4) в зависимости от наличия или отсутствия финансово-экономических показателей, которые применяются к налогоплательщику. Первую группу можно обозначить как крупнейший налогоплательщик, к которому применение таких нормативов обязательно. Вторую составят кредитные, страховые, перестраховочные организации, общества взаимного страхования, страховые брокеры, профессиональные участники рынка ценных бумаг, негосударственные пенсионные фонды (где критерием выступает наличие лицензии);

5) по виду деятельности налогоплательщика (налогоплательщик, осуществляющий добычу нефти, газа; налогоплательщик, оказывающий транспортные услуги и т.д.);

6) в зависимости от особенностей учета налогоплательщиков они подразделяются:

- на крупнейших налогоплательщиков, состоящих на учете в территориальных налоговых органах на общих основаниях (по месту нахождения организации, нахождения обособленных подразделений, нахождения недвижимого имущества и транспортных средств и т.д.);

- крупнейших налогоплательщиков, состоящих на учете в межрегиональной инспекции ФНС России;

- крупнейших налогоплательщиков, состоящих на учете в межрайонной инспекции ФНС России.

Представляется важным обратить внимание на институт налогового мониторинга, появившийся после осуществленного в 2012-2013 гг. пилотного проекта по внедрению расширенного информационного взаимодействия крупнейших налогоплательщиков и налоговых органов, в котором участвовали пять крупных компаний. Результатом внедрения данного проекта стало внесение дополнений в часть первую Налогового кодекса РФ в виде раздела V.2 «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга», состоящего из гл. 14.7 «Налоговый мониторинг. Регламент информационного взаимодействия» и гл. 14.8 «Порядок проведения налогового мониторинга. Мотивированное мнение налогового органа».

Строго говоря, налоговый, или горизонтальный мониторинг – это не отечественное «изобретение». Такая практика несколько десятилетий назад была введена в США,

Великобритании, Нидерландах и других странах. В нашем государстве налоговый мониторинг в современный период возможен только в отношении крупнейших организаций, поскольку он касается сложных вопросов при применении и соблюдении законодательства о налогах и сборах и в основном предназначен для крупного бизнеса с выстроенной системой внутреннего контроля. По оценкам представителей ФНС России, максимально под него может попасть около 2 тыс. налогоплательщиков.

Налоговый мониторинг проводится налоговым органом на основании запроса налогоплательщика и принятого налоговым органом решения о его проведении.

Для организаций, участвующих в проведении налогового мониторинга, его положительные стороны заключаются в том, что в период, когда осуществляется налоговый мониторинг, не проводятся выездные и камеральные налоговые проверки. У налогоплательщика появляются новые права и обязанности, и он может оперативно решать спорные вопросы, поскольку налоговый орган получает доступ к данным его бухгалтерского и налогового учета через различные информационные, в том числе интернет-ресурсы.

В этом случае налоговые органы преследуют свою цель: более оперативно и качественно осуществлять функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов. С помощью налогового мониторинга им можно прогнозировать объем поступлений во все уровни бюджетной системы РФ, а также сократить затраты на проведение налоговых проверок, на судебные издержки (если имеются налоговые споры), на повышение уровня правовой культуры налогоплательщиков и др.

По мнению многих специалистов-практиков, данный подход позволит не только повысить поступление налогов, но и своевременно выявить коллизии в законодательстве.

Однако не все крупнейшие налогоплательщики могут воспользоваться правом на проведение налогового мониторинга.

Налоговый кодекс РФ (ст. 105.26) определяет правила, при одновременном соблюдении которых организация вправе обратиться в налоговый орган с заявлением о проведении налогового мониторинга. В их числе:

- совокупная сумма НДС, акцизов, налога на прибыль организаций и налога на добычу полезных ископаемых, подлежащих уплате в бюджетную систему РФ за календарный год, предшествующий году, в котором представляется заявление о проведении налогового мониторинга, без учета налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, составляет не менее 300 млн руб.;

- суммарный объем полученных доходов по данным годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности организации за календарный год, предшествующий году, в котором представляется заявление о проведении налогового мониторинга, составляет не менее 3 млрд руб.;

- совокупная стоимость активов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации на 31 декабря календарного года, предшествующего году, в котором представляется заявление о проведении налогового мониторинга, составляет не менее 3 млрд руб.

Благодаря налоговому мониторингу контролирующий орган может предупредить налогоплательщика о налоговых рисках и о совершенных нарушениях законодательства о налогах и сборах. К сожалению, этот институт налогового права сегодня не нашел широкого круга сторонников среди налогоплательщиков России. Их пока насчитывается небольшое количество, поскольку многие не готовы к новым методам администрирования. Поэтому, на наш взгляд, налоговым органам необходимо проводить

определенную просветительскую работу по разъяснению целесообразности его внедрения и преимуществ применения.

Таким образом, закрепление дефиниции «крупнейший налогоплательщик» в Налоговом кодексе РФ, а также положений, определяющих особенности правового статуса крупнейших налогоплательщиков, уточняющих его содержание, позволит единообразно толковать и применять нормы налогового права, не нарушать принципы налогового администрирования (налогового контроля), исключить дублирование действий контролирующих органов.

Литература

1. Вакуленко К.Э. Особенности налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков // Молодой ученый. 2014. № 13.
2. Горюлько И.А. К вопросу о налоговом администрировании крупнейших налогоплательщиков // Налоги. 2008. № 4.
3. Об организации работы по налоговому администрированию крупнейших налогоплательщиков и утверждении Критериев отнесения российских организаций – юридических лиц к крупнейшим налогоплательщикам, подлежащим налоговому администрированию на федеральном и региональном уровнях: приказ МНС РФ от 16 апреля 2004 г. № САЭ-3-30/290» (в ред. от 20.07.2015) // Налогообложение. 2004. № 3.
4. Об утверждении Типовых положений о территориальных органах Федеральной налоговой службы: приказ Минфина России от 17 июля 2014 г. № 61н // Российская газета. 2014. 17 декабря.
5. О порядке признания взаимозависимости лиц в соответствии со ст. 105.1 НК РФ: письмо Министерства финансов России от 5 декабря 2012 г. № 03-01-18/9-187. URL: <http://ipirip.ru/pisma-minfina/2012/dekabr/05-3.php>.
6. О применении приказа ФНС России от 24 апреля 2012 г. № ММВ-7-2/274: письмо Федеральной налоговой службы России от 23 августа 2012 г. № АС-4-2/13912. URL: <http://www.gagant.ru/products/ipo/prime/doc/70120520>.
7. О формах бухгалтерской отчетности организаций: приказ Министерства финансов России от 2 июля 2010 г. № 66н (в ред. от 04.12.2012) // Российская газета. 2013. 18 января.
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.
9. Смирнов Д.А. Оценочные понятия и принципы налогового права: вопросы соотношения и правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2.
10. Фонова И.В. Налоговое администрирование крупнейших налогоплательщиков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
11. Юнак А.А. Проблемы правового регулирования и учета крупных налогоплательщиков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70%.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. **Плата за опубликование статей не взимается.**

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.